Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 70. 25-го іюля 1904 г. Годъ IV.

ТЕРРОРЪ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Онъ былъ „государственный дѣятель“, какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ — онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоившей народу охраной, онъ безпощадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пущенной бомбой и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ *личностью* Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся Кенигсбергскомъ процессѣ нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину „Искрѣ“, а, въ лицѣ ея, всей россійской соціальдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ *политической цѣлесообразности*, не выражаетъ какого-либо *нравственнаго возмущенія* по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская соціальдемократія „возвысится“ до той морали, которая способна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ „государственной необходимости“ на массовыя убійства, совершенныя по приказу того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое „нравственное“ возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа, — буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣчали недавно, по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Сипягина выглянулъ призракъ соціальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водится, высоко-морально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, спеціально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ соціалистическаго *пролетаріата*, разорвала многія нити, связывавшія царизмъ съ европейской *буржуазіей*. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ Якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ *психологическую необходимость* того торрора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о Кишиневской рѣзнѣ, о ссылкахъ *писателей*, о травлѣ *студентовъ*, о преслѣдованіяхъ *земства*. „Внутренній врагъ“ всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе *опаснымъ* врагомъ для Россіи *либеральной*. Пролетарское движеніе, на которое обрушились самые жестокіе удары „системы“ всесильнаго самодержца, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскихъ дняхъ 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что „бѣлый терроръ“ ему не страшенъ. Другое дѣло — движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессіи, неостанавливающаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала — даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого — такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной „смуты“. И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у самодержавія всегда будутъ штыки и пули, для соціалистовъ — тюрьмы и ссылка!), то для либеральнаго „общества“ устраненіе тѣхъ маленькихъ „подробностей“ системы, которыя связаны съ личностью „верховнаго палача Россіи“, — даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи *его* движенія. Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде всего и больше всего, для нашихъ либераловъ. *Для нихъ* прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до *политической санкціи* удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для самодержавія минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли „дезорганизаторскаго отряда“ при арміи *буржуазнаго* общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое — въ лучшемъ случаѣ — можетъ выбить самодержавіе изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидающихъ вожделѣннаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени — соціальдемократіи. Роль „внѣшняго толчка“, измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть, на ряду съ устраненіемъ какого-нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями „стихійными“. Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ, наконецъ, смерть царя — такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у Варшавскаго вокзала. И если проклятое самодержавіе до сихъ поръ не исчезло съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если оно живо, то лишь потому, что, стоя подчасъ на краю гибели, оно не имѣло передъ собой противниковъ, которые представляли бы достаточную *политическую силу*, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организація революціоннаго *движенія* все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающагося процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ самодержавіе въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы переживали такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 г., когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны царской Бастиліи, и прошлымъ лѣтомъ, когда весь Югъ былъ охваченъ революціоннымъ погромомъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ аттакѣ на самодержавіе могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось „въ тискахъ“, я каждый день войны „стихійно“ наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ — все готово для похоронъ самодержавія, не готовы только его могильщики — организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишнихъ „дезорганизаторскихъ“ актахъ — генералъ Куроки и адм. Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а ген. Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ самоотвержено принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организаціи революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ самодержавія — эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому возстанію, которое одно только основательно покончитъ съ царизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ *этомъ* направленіи, до какой степени *всѣ* борящіяся съ царизмомъ организаціи недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы агоніи царизма. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтимъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ намъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектныя и симпатичныя, *по своимъ мотивамъ*, террористическія попытки дезорганизаціи правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоцѣнной энергіи. Не разрѣшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія царизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые „дезорганизаторскіе“ удары только усложняютъ его. Говорятъ объ агитаціонномъ („эксцитативномъ“) вліяніи терростическихъ актовъ. Но если мы, — революціонеры, — не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупнѣйшими и очевиднѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія самодержавія, то искусственно вызывать новые *поводы* для такой агитаціи — значитъ, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи самодержавія *народнымъ движеніемъ*. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ *народной революціи*, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной *внѣшними* обстоятельствами „безболѣзненной“ передачи политическаго наслѣдія Николая Романова Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ внѣшнихъ „побудительныхъ толчковъ“, тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на *службѣ* у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбѣжно содѣйствуетъ затрудненію той спеціальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной *народной* партіи.

Намъ, соціальдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся *стихійно*-складывающаяся обстановка крушенія самодержавія направляется *противъ* тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на *всѣ* недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился *относительно* за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія царизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ *его* политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соотвѣтственно построить свою борьбу противъ царизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ „сюрпризамъ“ вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго возстанія противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснять пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической борьбы для партіи *народныхъ* массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, пріучающей пролетаріатъ оріентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соотвѣтствующій моментъ, — вотъ къ чему должны мы стремится прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи самодержавія въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ, это противорѣчіе, должны показать имъ за „революціоннымъ“ трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы, — силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“ — рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзѣ съ ними. Въ нашемъ отстаиваніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить „эксцитацію“, вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть объ убійствѣ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ царизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

„Къ массамъ!“ — таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

„Лишь топну ногой, изъ подъ земли появятся мои легіоны“, говорилъ древній полководецъ. Соціальдемократія *при извѣстныхъ условіяхъ* можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывный сигналъ не могъ затеряться въ торичелліевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены всѣ наши усилія; помощью *агитаціи* и *организаціи* мы можемъ добиться своей цѣли. *Агитація*, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства самодержавія; *организація* все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ *демонстраціяхъ* революціоннаго протеста. Мы преодолѣемъ всѣ трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только съумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится *для насъ* въ покушеніи 15-го іюля. „Къ массамъ!“ гласитъ эта мораль.

СУДЪ НАДЪ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ САМОДЕРЖАВІЕМЪ.

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ подъ покрова канцелярской тайны. Это — 1316 ст. уст. граж. суд., которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому-либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго удовлетворенія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предпріимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ рядѣ процессовъ, разсмотрѣнныхъ недавно правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не жалкіе урядники и исправники, а столпы и опоры самодержавія, творцы и толкователи государственной политики. Предъ лицомъ суда выступили бывшіе кишиневскій губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Уструговъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кишиневской полиціи, и бывшій петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторыя лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиною погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кромѣ того, нѣкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 70. 25-го іюля 1904 г. Годъ IV.

ТЕРРОРЪ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Онъ былъ „государственный дѣятель“, какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ — онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоившей народу охраной, онъ безпощадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пущенной бомбой и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ *личностью* Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся Кенигсбергскомъ процессѣ нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину „Искрѣ“, а, въ лицѣ ея, всей россійской соціальдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ *политической цѣлесообразности*, не выражаетъ какого-либо *нравственнаго возмущенія* по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская соціальдемократія „возвысится“ до той морали, которая способна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ „государственной необходимости“ на массовыя убійства, совершенныя по приказу того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое „нравственное“ возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа, — буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣчали недавно, по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Сипягина выглянулъ призракъ соціальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водится, высоко-морально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, спеціально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ соціалистическаго *пролетаріата*, разорвала многія нити, связывавшія царизмъ съ европейской *буржуазіей*. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ Якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ *психологическую необходимость* того террора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о Кишиневской рѣзнѣ, о ссылкахъ *писателей*, о травлѣ *студентовъ*, о преслѣдованіяхъ *земства*. „Внутренній врагъ“ всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе *опаснымъ* врагомъ для Россіи *либеральной*. Пролетарское движеніе, на которое обрушились самые жестокіе удары „системы“ всесильнаго самодержца, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскихъ дняхъ 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что „бѣлый терроръ“ ему не страшенъ. Другое дѣло — движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессіи, неостанавливающаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала — даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого — такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной „смуты“. И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у самодержавія всегда будутъ штыки и пули, для соціалистовъ — тюрьмы и ссылка!), то для либеральнаго „общества“ устраненіе тѣхъ маленькихъ „подробностей“ системы, которыя связаны съ личностью „верховнаго палача Россіи“, — даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи *ею* движенія. Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде всего и больше всего, для нашихъ либераловъ. *Для нихъ* прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до *политической санкціи* удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для самодержавія минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли „дезорганизаторскаго отряда“ при арміи *буржуазнаго* общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое — въ лучшемъ случаѣ — можетъ выбить самодержавіе изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидающихъ вожделѣннаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени — соціальдемократіи. Роль „внѣшняго толчка“, измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть, на ряду съ устраненіемъ какого-нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями „стихійными“. Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ, наконецъ, смерть царя — такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у Варшавскаго вокзала. И если проклятое самодержавіе до сихъ поръ не исчезло съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если оно живо, то лишь потому, что, стоя подчасъ на краю гибели, оно не имѣло передъ собой противниковъ, которые представляли бы достаточную *политическую силу*, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организація революціоннаго *движенія* все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающагося процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ самодержавіе въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы переживали такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 г., когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны царской Бастиліи, и прошлымъ лѣтомъ, когда весь Югъ былъ охваченъ революціоннымъ погромомъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ аттакѣ на самодержавіе могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось „въ тискахъ“, и каждый день войны „стихійно“ наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ — все готово для похоронъ самодержавія, не готовы только его могильщики — организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишнихъ „дезорганизаторскихъ“ актахъ — генералъ Куроки и адм. Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а ген. Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ самоотвержено принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организаціи революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ самодержавія — эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому возстанію, которое одно только основательно покончитъ съ царизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ *этомъ* направленіи, до какой степени *всѣ* борящіяся съ царизмомъ организаціи недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы агоніи царизма. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтимъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ намъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектныя и симпатичныя, по своимъ мотивамъ, террористическія попытки дезорганизаціи правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоцѣнной энергіи. Не разрѣшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія царизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые „дезорганизаторскіе“ удары только усложняютъ его. Говорятъ объ агитаціонномъ („экситативномъ“) вліяніи терростическихъ актовъ. Но если мы, — революціонеры, — не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупнѣйшими и очевиднѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія самодержавія, то искусственно вызывать новые *поводы* для такой агитаціи — значитъ, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи самодержавія *народнымъ движеніемъ*. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ *народной революціи*, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной *внѣшними* обстоятельствами „безболѣзненной“ передачи политическаго наслѣдія Николая Романова Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ внѣшнихъ „побудительныхъ толчковъ“, тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на *службѣ* у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбѣжно содѣйствуетъ затрудненію той спеціальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной *народной* партіи.

Намъ, соціальдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся *стихійно*-складывающаяся обстановка крушенія самодержавія направляется *противъ* тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на *всѣ* недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился *относительно* за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія царизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ *его* политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соотвѣтственно построить свою борьбу противъ царизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ „сюрпризамъ“ вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго возстанія противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснять пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической борьбы для партіи *народныхъ* массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, пріучающей пролетаріатъ оріентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соотвѣтствующій моментъ, — вотъ къ чему должны мы стремится прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи самодержавія въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ, это противорѣчіе, должны показать имъ за „революціоннымъ“ трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы, — силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“ — рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзѣ съ ними. Въ нашемъ отстаиваніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить „экситацію“, вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть объ убійствѣ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ царизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

„Къ массамъ!“ — таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

„Лишь топну ногой, изъ подъ земли появятся мои легіоны“, говорилъ древній полководецъ. Соціальдемократія *при извѣстныхъ условіяхъ* можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывный сигналъ не могъ затеряться въ торичелліевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены всѣ наши усилія; помощью *агитаціи* и *организаціи* мы можемъ добиться своей цѣли. *Агитація*, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства самодержавія; *организація* все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ *демонстраціяхъ* революціоннаго протеста. Мы преодолѣемъ всѣ трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только съумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится *для насъ* въ покушеніи 15-го іюля. „Къ массамъ!“ гласитъ эта мораль.

СУДЪ НАДЪ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ САМОДЕРЖАВІЕМЪ.

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ подъ покрова канцелярской тайны. Это — 1316 ст. уст. граж. суд., которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому-либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго удовлетворенія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предпріимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ рядѣ процессовъ, разсмотрѣнныхъ недавно правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не жалкіе урядники и исправники, а столпы и опоры самодержавія, творцы и толкователи государственной политики. Предъ лицомъ суда выступили бывшіе кишиневскій губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Уструговъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кишиневской полиціи, и бывшій петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторыя лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиною погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кромѣ того, нѣкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому вице-губернатору Устругову специальный искъ, требуя возмѣщенія убытковъ, происшедшихъ отъ конфискаціи, по распоряженію Устругова, изданной г. Британомъ брошюры, разрѣшенной одесскою цензурою и содержавшей дословную перепечатку проповѣдей Ивана Кронштадтскаго и житомірскаго архіерея Антонія по поводу кишиневскаго погрома. Дѣло генерала Клейгельса возникло по иску курсистки Забіякиной. Истица, во время демонстраціи четвертаго марта 1901 года, подверглась избіенію, результатомъ котораго былъ переломъ реберъ и общее разстройство здоровья, гибельно отразившіеся на ея трудоспособности. Вынужденная прибѣгнуть къ серьезному лѣченію, Забіякина требовала уплаты расходовъ съ Клейгельса, какъ главнаго распорядителя и устроителя мартовской бойни на казанской площади. Сенатъ безповоротно и рѣшительно отказалъ всѣмъ истцамъ. Но въ объясненіяхъ отвѣтчиковъ, въ судебныхъ преніяхъ и въ мотивированныхъ заключеніяхъ сената содержится драгоцѣнный матеріалъ, который даетъ возможность не согласиться съ представителями высшей судебной власти въ Россіи и найти виноватаго, ускользнувшаго отъ строгаго сенаторскаго ока. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важны объясненія отвѣтчиковъ, ихъ система защиты. Къ нимъ предъявленъ гражданскій искъ, удовлетвореніе котораго, въ худшемъ случаѣ, грозитъ имъ потерей нѣсколькихъ сотенъ рублей. Казалось бы, что при такой постановкѣ вопроса отвѣтчику нѣтъ никакого разсчета итти дальше истца и навлекать на себя большую кару. Между тѣмъ, никто изъ представителей власти, за исключеніемъ стараго и глупаго генерала Раабена, не остался въ предѣлахъ гражданскаго иска, никто не попытался исчерпывающимъ образомъ доказать, что въ его дѣйствіяхъ не было нерадѣнія и неосмотрительности, предусматриваемыхъ 1316 статьею. Главнымъ доводомъ отвѣтчиковъ было чисто формальное возраженіе, что они не подсудны сенату, что бездѣйствіе власти, которое приписывается имъ истцами, должно быть разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, уголовнымъ судомъ. Провинціальные администраторы еще сдабриваютъ свою точку зрѣнія нѣкоторымъ жалкимъ лепетомъ оправданія, но такой столпъ отечества, какъ Клейгельсъ, не счелъ нужнымъ представить высшему судилищу имперіи ни одного объясненія по существу. Съ чисто полицейскою наглостью, онъ заявилъ только, что его дѣйствія должны подлежать не гражданскому, а уголовному суду въ порядкѣ 1085 ст. угол. суд. Это однообразіе въ системѣ защиты, одинаковой и у царскаго намѣстника, генералъ-губернатора, и у жалкаго кишиневскаго помощника пристава, — далеко не случайность. Надо замѣтить, при этомъ, что уголовная отвѣтственность, призываемая на свою голову отвѣтчиками, весьма серьезна. По уложенію о наказаніяхъ, должностныя лица, виновныя въ злоупотребленіи властью, сопровождавшемся жестокостями и истязаніями (а таковы именно и кишиневскій погромъ и усмиреніе казанской демонстраціи), подвергаются тяжелымъ карамъ, вплоть до лишенія правъ, заключенія въ арестантскія роты на 3 года и ссылки въ Сибирь на поселеніе. И тѣмъ не менѣе, не только въ разсматриваемыхъ процессахъ, но и во всѣхъ подобныхъ, должностныя лица, привлекаемыя къ гражданскому суду, всегда прячутся подъ сѣнь уголовнаго закона. По словамъ повѣреннаго кишиневскихъ евреевъ, практика исковыхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената, показываетъ, что отвѣтчики — должностныя лица весьма склонны прикрываться отводомъ объ уголовной подсудимости и квалифицировать свои дѣйствія, какъ уголовное преступленіе. Это, повидимому, противорѣчащее всякому здравому смыслу, призываніе на себя тяжкихъ уголовныхъ каръ составляетъ прочно установившійся и возведенный въ систему способъ полицейской защиты и объясняется тѣмъ безобразнымъ порядкомъ, который установленъ русскимъ законодательствомъ для отвѣтственности должностныхъ лицъ. По общему правилу, каждый русскій чиновникъ предается уголовному суду той властью, которою онъ назначается въ должность. Чиновники же, назначаемые верховною властью, до 1897 г. предавались суду опредѣленіемъ перваго департамента сената, а съ 1897 г. опредѣленія сената должны пройти чрезъ комитетъ министровъ и получить высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ, низшіе агенты правительства покрываются высшими, а высшіе покрываются самамъ царемъ. И если губернаторы иногда и выдаютъ своихъ подчиненныхъ, то еще не было примѣра, чтобы россійскій самодержецъ предалъ суду кого-либо изъ губернаторовъ или министровъ, какія бы преступленія они ни совершили. Результатомъ такого порядка является полная безотвѣтственность высшей администраціи, когда ея дѣйствія принимаютъ характеръ уголовщины. Прячась одинъ за другого, агенты правительства находятъ, наконецъ, безопасное убѣжище за царскою спиною, гдѣ ихъ не достанетъ никакой судъ. Ясно, поэтому, что всякое должностное лицо старается отвертѣться отъ гражданскаго суда, къ которому можетъ прибѣгнуть каждый обыватель, и отсылаетъ истцовъ къ уголовному, т. е. къ непосредственному начальству отвѣтчика, а иногда и къ самому царю. И Клейгельсъ и Уструговъ и всѣ пристава и помощники кишиневской полиціи требовали уголовнаго суда надъ собою. Съ ними согласился и сенатъ. Въ заключеніи по кишиневскимъ дѣламъ, оберъ-прокуроръ сената указалъ, что приписываемыя истцами отвѣтчикамъ дѣянія составляютъ уголовныя преступленія, и искъ объ убыткахъ, причиненныхъ этими дѣяніями, допустимъ *лишь* по преданіи отвѣтчиковъ уголовному суду. Въ дѣлѣ Клейгельса, обвиняемаго Забіякиной въ намѣренномъ избіеніи толпы, по мнѣнію оберъ-прокурора, также имѣются всѣ признаки уголовнаго преступленія. Сенатъ заявилъ только, что онъ „не можетъ съ достовѣрностью ни признать, ни отвергнуть правильности положенія, выставленнаго истицею", и, поэтому, отказалъ ей въ искѣ. Такимъ образомъ, какъ въ кишиневскомъ, такъ, въ особенности, въ петербургскомъ дѣлѣ и истцы и отвѣтчики и судъ вполнѣ ясно подчеркивали преступный характеръ дѣятельности администраціи, и, если истцы настаивали на гражданской отвѣтственности представителей власти, то исключительно по понятному желанію довести дѣло до гласнаго суда и пролить свѣтъ на возмутительнѣйшіе факты насилія и произвола, которые другимъ путемъ остались бы неизвѣстными широкой публикѣ. Они достигли цѣли. Теперь русскіе читатели узнаютъ изъ легальныхъ газетъ и объ участіи правительства въ организаціи кишиневскаго погрома и о безобразномъ избіеніи демонстрантовъ на казанской площади въ Петербургѣ. Но — разъ факты преступленія установлены, разъ даже сенатъ сомнѣвается въ правильности дѣйствій Клейгельса, то почему же отвѣтчики вышли изъ суда какъ бы оправданными, почему виновные не понесли наказанія? Правосудіе, одна изъ ненасытнѣйшихъ потребностей души человѣческой, по выраженію одного стараго юриста, не можетъ удовлетвориться такимъ исходомъ. И, однако, неправый по существу, приговоръ сената формально вполнѣ правиленъ. Конечно, сенатъ склонился предъ администраціею, конечно, онъ долженъ былъ выяснить дѣло и не имѣлъ права останавливаться предъ нимъ въ сомнѣнія и недоумѣніи, но, если бы даже онъ передалъ процессы въ уголовный судъ, то всѣ отвѣтчики вышли бы оттуда оправданными. Судебная машина работаетъ не для отвлеченной справедливости, она защищаетъ очень опредѣленные правительственные интересы, называемые въ законодательствѣ неопредѣленнымъ именемъ государственной пользы. У насъ эта машина защищаетъ интересы самодержавія, давно разошедшіеся съ интересами страны. При такихъ условіяхъ, развѣ можно разсчитывать на то, что уголовный судъ дастъ отрицательную оцѣнку дѣйствіямъ администраціи, клонившимся къ защитѣ самодержавія? Поэтому, разсматриваемые процессы ставятъ болѣе важный вопросъ, чѣмъ вопросъ о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. И Клейгельсъ и Уструговъ и полицейскіе пристава знаютъ, что насиліе есть нарушеніе закона, есть преступленіе. Отводъ къ уголовной подсудности, сдѣлавшійся системою полицейской защиты — не только уловка для того, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность. Въ ней, — быть можетъ, безсознательно, — сказалось истинное положеніе вещей. Представители власти не только изъ собственной выгоды, но и по искреннему убѣжденію считаютъ свои дѣйствія преступленіями, нарушеніями закона. Но законъ не обезпечиваетъ сохраненія существующаго порядка — приходится итти противъ закона. „По обстоятельствамъ времени, — восклицаетъ Уструговъ въ своемъ объясненіи, — было не только невозможно, но прямо преступно задумываться предъ буквою закона, коль скоро поддержаніе государственнаго порядка и общественной безопасности... требовали нѣкотораго игнорированія частныхъ матеріальныхъ интересовъ". Исторія послѣднихъ лѣтъ русской жизни показываетъ, что не одни матеріальные интересы игнорировались властью въ интересахъ государственнаго порядка. Духовныя потребности, личная неприкосновенность, даже самая жизнь человѣческая приносились и приносятся въ жертву молоху самодержавія. Инымъ путемъ современное правительство итти не можетъ. Когда государственный строй становится ненавистнымъ и вреднымъ пережиткомъ старины, его поддержаніе превращается въ хроническое преступленіе исполнительной власти. Клейгельсъ совершенно основательно пишетъ въ своемъ объясненіи, что губернаторы и градоначальники при прекращеніи безпорядковъ дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и никакимъ послѣдствіямъ за свои дѣйствія не подлежатъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано злоупотребленіе представленнымъ имъ правомъ. Но „злоупотребленіе правомъ" возможно только тогда, когда власть дѣйствуетъ на основаніи правовыхъ положеній; если же ей предписывается дѣйствовать „по собственному усмотрѣнію", если она даже предъ судомъ заявляетъ, что считаетъ преступнымъ задумываться надъ буквою закона, то ни о какомъ злоупотребленіи правомъ не можетъ быть и рѣчи, ибо никакого „права" въ данной области не существуетъ. Конфискація имущества, насилія, даже убійства представляютъ не злоупотребленіе, а обычное употребленіе власти агентами самодержавнаго правительства. Въ этомъ выводѣ заключается главный смыслъ разсмотрѣнныхъ процессовъ. Они неопровержимо доказываютъ, что преступленія должностныхъ лицъ, столь обильныя въ Россіи, объясняются вовсе не „низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ" полицейскихъ чиновъ, а коренятся въ самомъ строѣ государственной жизни, въ русскомъ самодержавіи, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе превращается въ длящееся преступленіе. Поэтому, самодержавіе является тѣмъ виновнымъ, котораго не могъ найти сенатъ въ кишиневскомъ и петербургскихъ дѣлахъ, поэтому, всѣ попытки очистить русскую общественную и государственную жизнь отъ удушливой атмосферы гнета и насилій должны быть направлены, прежде всего, на уничтоженіе самодержавія. И это уничтоженіе наиболѣе важно и необходимо для рабочаго класса, такъ какъ его интересы не имѣютъ ни какой цѣны въ глазахъ представителей самодержавной власти. Бывшій губернаторъ Раабенъ откровенно заявилъ въ своемъ объясненіи, что своей главнѣйшей задачею онъ считаетъ „защиту кредитныхъ учрежденій, крупныхъ фирмъ, фабрикъ, заводовъ и аптекъ". Жизнь и имущество бѣдняковъ-рабочихъ, по мнѣнію царскаго чиновника, стоятъ слишкомъ дешево, чтобы о нихъ безпокоиться. Этотъ взглядъ выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ царскаго правительства, и рабочій классъ только тогда освободится отъ его тяжкихъ *проявленій*, когда рѣшительно и безповоротно покончитъ съ царемъ и вѣрноподданной администраціей.

ПО ПОВОДУ ЗАКОНА 2-го ІЮНЯ 1904 г.

7-го іюня ст. ст. изданъ новый законъ „О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ *порядкѣ* производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго положенія". Намъ удалось ознакомиться съ секретнымъ докладомъ министра Юстиціи статсъ-секретаря Муравьева,[1]) представленнымъ Государственному Совѣту, и пользуясь имъ, мы дадимъ очеркъ новаго закона, мотивовъ его изданія и его оцѣнку. Сущность новаго закона сводится къ тому, что политическія преступленія отнынѣ будутъ рѣшаться не административнымъ порядкомъ, а сдѣлаются предметомъ судебнаго разбирательства. У насъ и до настоящаго момента не отсутствовали постановленія закона, которыя позволяли-бы рѣшать дѣла о политическихъ преступленіяхъ судомъ, но не примѣнялись она — по словамъ статсъ-секретаря Муравьева — „въ видахъ человѣколюбія", чтобъ за нѣкоторыя дѣянія, совершенныя по легкомыслію (напр., хула на государя, произнесенная въ пьяномъ видѣ) не подвергать виновныхъ слишкомъ тяжелому наказанію[2] второй причиной непримѣненія судебнаго порядка были недостатки судопроизводства, устраняемые новымъ закономъ. Можетъ быть, это такъ. Но мы укажемъ лишь на то, что приводимыя въ докладѣ министра статистическія цыфры (см. ниже) обнаруживаютъ ясно, гдѣ слѣдуетъ искать мотивовъ изданія новаго закона. Этотъ мотивъ — въ страхѣ передъ растущимъ буквально гигантскими шагами революціоннымъ движеніемъ и въ попыткѣ остановить его усиленіемъ репрессіи, а не въ случайныхъ несовершенствахъ матеріальнаго и процессуальнаго характера или въ признаніи „ненормальнымъ" административнаго порядка разрѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Новый законъ составляется изъ двухъ частей: матеріальной и процессуальной. Согласно первой, въ настоящее время вводятся въ дѣйствіе н…

---

[1]) Изд. минист. Юстиціи по первому деп—ту. Часть юрисконсультская. Январь 28 1904 г. № 4511 Секретно.

[2]) Вѣроятно, также по „человѣколюбію" иногда за дѣяніе каравшееся по Уложенію мѣсяцемъ-другимъ тюрьмы, люди ссылались въ Сибирь на 3-5 лѣтъ.

Рабочій классъ и социальдемократическая интеллигенція.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Вопросъ объ отношеніи соціалистической интеллигенціи къ рабочему классу, въ той его формулировкѣ, которая интересуетъ насъ здѣсь, представляетъ собою лишь одну изъ разновидностей коренного вопроса „философіи исторіи": вопроса объ отношеніи общественнаго „*бытія*" къ общественному „*мышленію*". Въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка этотъ послѣдній вопросъ, можно сказать, не сходилъ съ очереди въ общественной наукѣ, ложась въ основу даже нѣкоторыхъ *теологическихъ* споровъ: такъ, напримѣръ, знаменитый въ свое время споръ между Штраусомъ и Бруно Бауэромъ о происхожденіи евангельскихъ вымысловъ былъ въ сущности споромъ о томъ, какъ относится „мышленіе" („Selbstbewusstsein" Бруно Бауэра) къ „бытію" („Substanz" Штрауса). Въ исторіи русскаго революціоннаго движенія онъ выступалъ на сцену каждый разъ, когда наши революціонеры начинали задумываться объ отношеніи *интеллигенціи* къ „*народу*". Будущій, — болѣе глубокій и болѣе разносторонне образованный, — Милюковъ откроетъ въ нашихъ безконечныхъ и безпорядочныхъ всероссійскихъ спорахъ объ этомъ вопросѣ массу интереснѣйшихъ данныхъ для „исторіи русской культуры". Я отъ души желаю успѣха этому будущему Милюкову, но самъ я не имѣю теперь ни желанія, ни возможности забираться „въ глубь временъ". Я стану разсматривать этотъ вопросъ лишь постольку, поскольку онъ затрагиваетъ самые насущные практическіе интересы нашей партіи.

Наши „экономисты" говорили еще недавно, что „революціонная бацила — интеллигенція" не должна предлагать пролетаріату соціалистическую программу раньше, чѣмъ онъ самъ, безо всякой помощи съ ея стороны, додумается до соціалистическихъ идеаловъ. Это была большая *практическая* ошибка, обусловленная грубымъ *теоретическимъ* промахомъ: непониманіемъ той роли, которую играли, играютъ и не могутъ не играть передовыя личности въ исторіи развитія всякаго революціоннаго класса.[1]) Теперь взглядъ „экономистовъ" отвергнутъ едва-ли не всѣми россійскими соціальдемократами. И я, какъ нельзя болѣе, радъ этому обстоятельству, потому что меня очень сильно огорчала и раздражала грубая и вредная ошибка „экономистовъ". Но изъ того, что теперь никто изъ насъ не согласенъ съ экономистами, вовсе еще не слѣдуетъ, что вопросъ объ отношеніи соціалистической интеллигенціи къ „народу" рѣшается нами теперь безошибочно. Заблуждаться можно — увы! — на множество самыхъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ ладовъ. У насъ многіе держатся теперь, въ рѣшеніи этого вопроса, такого взгляда, который можно назвать *дополнительнымъ* до взгляда „экономистовъ": эти два взгляда *дополняютъ* другъ друга до *истины* подобно тому, какъ въ геометріи извѣстные углы, дополняютъ другъ друга до *прямого*. Но какъ ни одинъ дополнительный уголъ не можетъ быть прямымъ, а непремѣнно будетъ болѣе или менѣе *острымъ*, совершенно такъ ни одинъ дополнительный взглядъ никогда не можетъ быть *вѣрнымъ*, а всегда будетъ болѣе или менѣе *ошибочнымъ* въ своей *односторонности*. Въ данномъ случаѣ, элементъ ошибки дѣлится въ равной мѣрѣ между тѣмъ взглядомъ, котораго держались „экономисты" и тѣмъ, который смѣнилъ его въ умахъ нѣкоторой части нашихъ товарищей, уподобляя каждый изъ нихъ острому углу въ 45 градусовъ.

Взглядъ, замѣнившій у насъ собою отвергнутый взглядъ „экономистовъ", состоитъ въ томъ, что если бы не было знаменитой „бацилы", то шансы соціализма были бы равны нулю, такъ какъ самъ по себѣ рабочій классъ не можетъ придти къ соціалистическимъ выводамъ. Это тотъ же „экономизмъ", но только поставленный вверхъ ногами: отношеніе общественнаго „мышленія" къ общественному „бытію" понимается здѣсь ничуть не лучше. Чтобы сдѣлать настоящій, а не мнимый „шагъ впередъ" въ пониманіи этого отношенія, мы должны прежде всего справиться съ этой новой ошибкой, раздѣлаться съ этой новой погудкой на старый ладъ.

Разсмотримъ же этотъ предметъ со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ по своей теоретической и практической важности.

Указанная мною новая погудка на старый ладъ, явившаяся, какъ неосмысленная и односторонняя реакція противъ односторонняго и неосмысленнаго взгляда „экономистовъ", нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ брошюрѣ Ленина „*Что дѣлать?*" Къ этой брошюрѣ мы и обратимся.

Тамъ, на стр. 20, въ главѣ: „Стихійность массъ и сознательность соціальдемократіи", мы встрѣчаемъ слѣдующее интересное сужденіе, относящееся къ нашимъ знаменитымъ стачкамъ девяностыхъ годовъ.

„Взятыя сами по себѣ, эти стачки были борьбой трэдъ-юніонистской, но еще не соціальдемократической, онѣ знаменовали пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ, но у рабочихъ не было, да и быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознанія соціальдемократическаго. Въ этомъ смыслѣ стачки девяностыхъ годовъ, оставались движеніемъ чисто-стихійнымъ".

Что десятки тысячъ рабочихъ, участвовавшихъ въ названныхъ стачкахъ, далеко еще не стояли на высотѣ соціальдемократическаго сознанія, съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться. Но посмотримъ, какъ Ленинъ обосновываетъ далѣе свое сужденіе.

„Мы сказали, что соціальдемократическаго сознанія у рабочихъ *и не могло быть* (курсивъ Ленина). Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское, т. е. убѣжденіе въ необходимости объединяться въ союзы, вести борьбу съ хозяевами, добиваться отъ правительства изданія тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для рабочихъ законовъ и т. п. Ученіе соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ. Основатели современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, принадлежали и сами, по своему соціальному положенію, къ буржуазной интеллигенціи. Точно также и въ Россіи теоретическое ученіе соціальдемократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія, возникло, какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи".

Соціальдемократическое ученіе въ нашей странѣ дѣйствительно и несомнѣнно было естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ развитія мысли у „революціонно-соціалистической" интеллигенціи. Но откуда взялъ Ленинъ, что эта мысль развивалась „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія"? Вотъ интересный вопросъ.

Если бы Ленинъ былъ хоть немного лучше знакомъ съ исторіей нашего революціоннаго движенія, то онъ зналъ бы, что „стихійный ростъ рабочаго движенія" оказалъ на него очень сильное вліяніе именно въ то время, когда старая народническая теорія начинала трещать по всѣмъ швамъ, вслѣдствіе новыхъ, непредвидѣнныхъ ею, запросовъ жизни. Въ революціонной литературѣ конца 70-хъ гг. можно найти нѣсколько весьма поучительныхъ примѣровъ того, какъ неожиданное появленіе на нашей исторической сценѣ пролетаріата со свойственными ему общественными запросами сбивало съ толку народническихъ писателей и тѣмъ приближало время основательнаго пересмотра народнической программы. На первый разъ я отсылаю Ленина къ передовой статьѣ № 4 „Земли и Воли", написанной по поводу стачекъ на Обводномъ Каналѣ въ Петербургѣ.

„Къ тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, т. е. къ половинѣ девяностыхъ годовъ, — продолжаетъ Ленинъ, — это ученіе не только было уже вполнѣ сложившейся программой Группы Освобожденіе Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революціонной молодежи въ Россіи" (стр. 20-21.)

Въ качествѣ члена-основателя бывшей группы „Освобожденіе Труда" я категорически утверждаю, что если мы, бывшіе черно-передѣльцы, перешли отъ народничества къ марксизму, то этимъ мы въ очень большей степени обязаны „стихійному росту рабочаго движенія". Вліяніе на насъ этого роста можно было бы документально доказать нѣкоторыми выписками изъ „Чернаго Передѣла". Но я не дѣлаю этого, надѣясь, что читатель повѣритъ мнѣ на слово, и ограничусь указаніемъ на то, что мнѣ, игравшему нѣкоторую роль въ исторіи возникновенія группы „Освобожденіе Труда", приходилось, когда я еще былъ народникомъ и принадлежалъ къ организаціи „*Земли и Воли*", главнымъ образомъ „заниматься съ рабочими"; я убѣжденъ, что именно опытъ, пріобрѣтенный мною въ этихъ „занятіяхъ", подготовилъ меня къ усвоенію марксизма. Очень характерно, что другой членъ-основатель группы „Освоб. Труда" П. Аксельродъ, тоже посвящалъ свои силы преимущественно „занятіямъ съ рабочими".

Мѣсто не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, остановиться дольше на этомъ вопросѣ. Интересующихся имъ читателей отсылаю къ своей брошюрѣ „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи". Изъ нея они увидятъ, какъ жестоко исказилъ Ленинъ неоспоримую историческую истину въ угоду своей странной доктринѣ. Я же перейду здѣсь къ „Западу".

Что Марксъ и Энгельсъ принадлежали къ интеллигенціи, это разумѣется, справедливо, хотя и эта справедливая мысль выражена у Ленина не вполнѣ точно: такъ, напримѣръ, „*по происхожденію своему*", Энгельсъ, сынъ богатаго фабриканта, вовсе не принадлежалъ къ *интеллигенціи*. Но это незначительная частность. Несравненно важнѣе то, что теоретическіе взгляды Маркса и Энгельса тоже развивались подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ „стихійнаго роста рабочаго движенія" въ Германіи, Фра…

---

[1]) Я указалъ на это еще въ моемъ Vademecum'ѣ.

которыя части новаго Уложенія — именно тѣ, которыя трактуютъ о политическихъ преступленіяхъ (введеніе Уложенія въ цѣломъ было назначено на 1905 г.). Вторая часть новаго закона — процессуальная, вводитъ цѣлый рядъ измѣненій въ старый, рѣдко примѣнявшійся, порядокъ судопроизводства по политическимъ дѣламъ.

Что новаго вводитъ законъ и какова цѣнность этихъ нововведеній? Какъ мы уже говорили, законъ о производствѣ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ существовалъ и раньше 7-го іюня 1904 г., но примѣненія онъ не получалъ или получалъ чрезвычайно рѣдко и имѣлъ, главнымъ образомъ, значеніе закона, который „всуе писати“. Это были статьи Устава Уголовнаго Судопроизводства, соотвѣтствовавшія по нумераціи теперешнему новому закону. Но, изданныя въ 1864 г., онѣ фактически были сведены на нѣтъ Правилами 19 мая 1871 г., а также Положеніемъ объ усиленной охранѣ 14 августа 1881 г. По установившемуся порядку вещей, извѣстному, вѣроятно, многимъ нашимъ читателямъ на опытѣ, дознаніе безъ всякихъ „гарантій“ производилось отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ подъ наблюденіемъ прокурора судебной палаты или его товарищей. Оконченное дознаніе препровождалось въ Особое Совѣщаніе при мин. внут. дѣлъ, состоявшее изъ представителей Департамента Полиціи, мин. Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и здѣсь рѣшалось по существу — съ назначеніемъ привлеченному по Высочайшему повелѣнію наказанія, которое не могло сопровождаться лишеніемъ правъ и не могло превышать пяти лѣтъ ссылки въ Восточную Сибирь (впослѣдствіи срокъ увеличенъ до 10 лѣтъ). Общимъ порядкомъ дѣла совсѣмъ не рѣшались (за исключеніемъ трехъ дѣлъ о 38 лицахъ въ 1902 г. и 12 дѣлъ о 28 лицахъ въ 1903 г. (смот. докл. мин. юст., стр. 35), за періодъ десятилѣтія 1894—1904, котораго лишь и касается докладъ — было еще 35 дѣлъ передано на военный судъ, согласно Положенію объ усиленной охранѣ, съ 88 привлеченными по нимъ лицами). Но весь этотъ порядокъ вещей далеко не удовлетворялъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; и вотъ создавались одна за другой 3 Коммиссіи, которыя должны были внести предложеніе о желательномъ порядкѣ вещей. Коммиссія 1881 г. (въ которой участвовали Плеве и Муравьевъ) уже предполагала цѣлый рядъ „реформъ“, аналогичныхъ нынѣ принятымъ (надо, однако, отмѣтить, что ея предложенія во многихъ отношеніяхъ были „либеральнѣе“ нынѣшняго закона). Но только черезъ 20 лѣтъ тогдашніе „реформаторы“ Плеве и Муравьевъ, ставъ у источника власти, добились „быть по сему“. На ихъ сторонѣ, въ качествѣ оружія для убѣжденія „каучуковаго штемпеля“, была и подавляющая статистика, приводимая въ докладѣ.

Изъ этой статистики (приводившейся въ „Рев. Рос.“) узнаемъ, что съ 1894 по 1903 годъ число возбужденныхъ за годъ полит. дознаній поднялось съ 158 до 1988 (въ 12½ разъ), число лицъ, привлеченныхъ къ нимъ, съ 519 до 5590 (въ 11 разъ), число лицъ, понесшихъ кару по „высочайшимъ“ повелѣніямъ — съ 366 до 4867 (въ 13 разъ), сосланныхъ въ Сибирь съ 21 до 910 (въ 44 раза!), въ другія отдаленныя губерніи съ 34 до 592 (въ 18 разъ), отданныхъ подъ гласный надзоръ — съ 244 до 1268 (въ 5 разъ), подвергнутыхъ тюремному заключенію и аресту вмѣстѣ) съ 185 до 1177 (въ 6½ разъ).

Вотъ гдѣ корни новаго закона, вотъ гдѣ источникъ того стремленія къ судебному разбирательству политическихъ „дѣлъ“, которое явно обуревало его сочинителей. Нужно къ этому прибавить еще одно соображеніе, которое несомнѣнно должно было быть у Плеве: замѣшать въ дѣло политической борьбы и судебное вѣдомство, которое — хоть по внѣшности судя, — до сихъ поръ имѣло репутацію безпристрастія. Дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ своемъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ оставались въ сторонѣ отъ судебнаго вѣдомства и послѣднее могло, умывая руки, критиковать дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ, проявлять даже либерализмъ съ точки зрѣнія началъ права, законности и т. п. Но это, наконецъ, надоѣло. Правительствующему министерству внутреннихъ дѣлъ было мало тѣхъ немногочисленныхъ прокуроровъ палаты и ихъ товарищей, которые, присутствуя и не присутствуя при допросахъ въ жандармскихъ управленіяхъ и санкціонируя всѣ дѣйствія жандармеріи, до какихъ бы дикихъ, неправовыхъ формъ они ни доходили, — чувствовали себя уже совсѣмъ чиновниками вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, къ юстиціи имѣющими самое малое отношеніе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, втягивая въ свою неискусную игру судебное вѣдомство, разсчитываетъ разширить кругъ своихъ сообщниковъ, своихъ союзниковъ и клакеровъ.

Но, чтобы дать судебному вѣдомству иллюзію правового характера будущихъ политическихъ процессовъ, новый законъ былъ составленъ при благосклонномъ участіи фальсификатора законовъ Муравьева и проведенъ черезъ глухо-нѣмой Государственный Совѣтъ. Какія же правовыя преимущества, въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ, и какія „гарантіи“ даетъ новый законъ? До того, какъ дѣло попадетъ въ судъ, оно проходитъ стадіи дознанія и предварительнаго слѣдствія. Предварительное слѣдствіе отнюдь не является нормальной, обязательною ступенью, черезъ которую должно пройти каждое дѣло. Нѣтъ, законъ 7-го іюня с. г. говоритъ о предварительномъ слѣдствіи только для вида. Составленный необычайно хитро, въ темныхъ выраженіяхъ, притомъ съ удивительнымъ отсутствіемъ системы, такъ, чтобы обыкновенный обыватель заблудился въ немъ, какъ въ трехъ сосенкахъ, — новый законъ выдаетъ себя этими своими недостатками. Они свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о поспѣшности его написанія, съ другой — о стремленіи законодателя замести слѣды своихъ истинныхъ намѣреній. Дознаніе по новому закону остается, какъ то было и ранѣе, основной формой предварительнаго изслѣдованія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, но — если раньше приданіе дознанію значенія актовъ предварительнаго слѣдствія требовало для себя особаго каждый разъ Высочайшаго Повелѣнія, — то теперь эта процедура упрощается и все зависитъ отъ прокурора судебной палаты, который можетъ признать дознаніе достаточнымъ для составленія обвинительнаго акта. Возбужденіе правительственнаго слѣдствія также зависитъ отъ разрѣшенія прокурора судебной палаты, иначе говоря, вмѣсто прежняго громоздкаго порядка (хотя Высочайшія Повелѣнія получаются въ Россіи вполнѣ легко, стоитъ понажать „каучуковый штемпель“) устанавливается необычайно упрощенный. Но зато, говоритъ новый законъ, дознаніе производится съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для предварительнаго слѣдствія. Нечего говорить, что — каковы бы эти правила ни были, какія бы „гарантіи“ онѣ ни давали — ни одинъ жандармскій чинъ не будетъ считать себя связаннымъ ими, ибо онъ не членъ судебнаго вѣдомства, у него совершенно другой способъ назначенія на должность и увольненія, другая (іерархическая, а не инстанціонная) зависимость, другая, по всему этому психологія и другой способъ обращенія съ людьми, попавшими въ его руки. Надѣяться при такихъ условіяхъ, что акты дознанія будутъ отражать безпристрастную дѣйствительность, что ихъ можно будетъ приравнять къ предварительному слѣдствію — будетъ величайшей наивностью, которой, конечно, въ составителяхъ закона 7 іюня нельзя предполагать. Все изложенное позволяетъ намъ сказать, что для насъ должно быть очень безразлично, что предварительное слѣдствіе будетъ вестись такими или иными слѣдователями, что прокуроръ будетъ присутствовать лично при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, что на нихъ можно будетъ жаловаться и т. п., ибо случаи производства предварительныхъ слѣдствій будутъ чрезвычайно рѣдки. Что такъ смотритъ и законодатель, видно изъ того, что эти слѣдствія поручено вести слѣдователямъ по важнѣйшимъ дѣламъ, коихъ по одному при каждомъ Окружномъ Судѣ. Между тѣмъ, революціонное движеніе такъ растетъ съ каждымъ годомъ, что на каждомъ такомъ слѣдователѣ оказались бы десятки дѣлъ съ сотнями обвиняемыхъ и онъ не могъ бы съ ними справиться. Этого законодатель не принялъ во вниманіе, ибо... не придавалъ своимъ словамъ серьезнаго значенія. Ну, хорошо — скажетъ законодатель — пусть вы окажетесь правы; но не забывайте, что дознаніе мною обставлено цѣлымъ рядомъ „гарантій“. Обратимся къ „гарантіямъ“. Прежде всего, за дѣломъ наблюдаетъ прокуроръ Окр. Суда; но и раньше этого закона за дознаніемъ наблюдалъ прокуроръ палаты „сотоварищи“, обязанность же присутствія при допросахъ не была установлена и не установляется теперь — дѣло, слѣдовательно, осталось безъ измѣненій. Далѣе: о мѣрѣ пресѣченія, состоящей въ заключеніи подъ стражу, доводится до свѣдѣнія наблюдающаго прокурора который — если найдетъ ее ненужной — письменно „предлагаетъ“ отмѣнить ее. Ну, и что же? Мѣра пресѣченія отмѣняется? Ничего не извѣстно. Ergo, приходится сдѣлать выводъ, все предоставляется на усмотрѣніе жандармеріи, которая можетъ исполнить „предложеніе“ прокурора, а можетъ и отвергнуть его. Что-же новаго внесъ тутъ законъ? Ничего, ибо по старому порядку, прокуратурѣ тоже не возбранялось указывать на необходимость измѣненія мѣры пресѣченія, а жандармеріи не возбранялось эти указанія игнорировать. Но вотъ еще ограниченіе, которое вводитъ для жандармеріи новый законъ: она по менѣе важнымъ дѣламъ можетъ заключать обвиняемыхъ подъ стражу лишь тогда, когда есть опасность „сношенія обвиняемыхъ между собой или сокрытія слѣдовъ преступленія“. Но, скажите пожалуйста, когда-же нельзя будетъ примѣнить эту широкую и всеобъемлющую формулу? Гдѣ нельзя будетъ предполагать „слѣды преступленія“ и наличность ихъ, хотя-бы не открытыхъ обыскомъ, выемкой и т. п.? Нѣтъ, въ прятки нечего играть: произволъ въ лишеніи свободы лицъ, заподозрѣнныхъ въ чемъ-нибудь антиправительственномъ, остается по прежнему безграничнымъ произволомъ, который правительство пытается лишь скрыть въ запутанныхъ, хитрыхъ и канцелярски-изворотливыхъ выраженіяхъ „новаго“ закона. Единственно, что положительно въ этомъ законѣ, что въ немъ правительство объявляетъ своими врагами лишь нормальныхъ и дѣйствующихъ съ разумѣніемъ людей. Оно не считаетъ уже возможнымъ бороться съ душевнобольными, вообще, съ невмѣняемыми, а также съ дѣтьми, дѣйствующими „безъ разумѣнія“, хотя бы эти категоріи лицъ были „политич. преступн.“. И на томъ спасибо, хотя случайно принципы гуманности совпадаютъ съ интересами правительства, хоть немного, но съуживъ кругъ лицъ, съ которыми ему приходится воевать. Но эта небольшая уступка — долгу человѣчности только — тонетъ въ остальныхъ „гарантіяхъ“ чисто фиктивнаго характера. Вотъ, напр., крупный на первый взглядъ фактъ: обвиняемому послѣ окончанія дознанія послѣднее — въ случаѣ его просьбы — представляется для просмотра и для указаній, чѣмъ бы онъ его хотѣлъ дополнить. Казалось бы, какой плюсъ! Человѣкъ не бродитъ въ потемкахъ, дознаніе, дѣйствительно, приближается къ предварительному слѣдствію. Но заглянемъ только въ докладную записку Муравьева на стр. 63. Тутъ говорится, что обвиняемымъ важно познакомиться „лишь съ тѣми существенными, добытыми дознаніями, данными, которыя относятся къ предъявленному имъ обвиненію“, и къ тому же „предъявленіе обвиняемому дознанія въ полномъ объемѣ иногда безусловно нежелательно по той причинѣ, что въ матеріалъ дознанія нерѣдко могутъ входить такія свѣдѣнія, которыя, вообще, не должны быть оглашаемы“. Ясно, что при такой постановкѣ вопроса все право обвиняемаго на просмотръ актовъ дознанія становится воображаемымъ: показанія сыщиковъ „вообще не должны быть оглашаемы“, а другія данныя могутъ, по усмотрѣнію жандармеріи, быть признаны несущественными, и, въ концѣ концовъ, обвиняемому дадутъ прочесть протоколъ обыска и протоколъ его-же допроса. Въ лучшемъ случаѣ, будутъ вестись два дознанія: одно, подлежащее предъявленію, и другое по тому же дѣлу, заключающее неоглашаемыя данныя. Вотъ въ какое ничтожество распадается одно изъ самыхъ крупныхъ льготныхъ нововведеній подносимаго намъ закона, разсчитанное на признаніе за всѣмъ закономъ гуманно-правового характера. Единственно великое начало, введенное въ производство дознаній новымъ закономъ — великое, по своему откровенному цинизму и по своей опредѣленности — это оффиціальное признаніе за сыщиками высшаго и низшаго порядка права на вознагражденіе за свой честный трудъ, не изъ какихъ-либо тайныхъ источниковъ, секретныхъ фондовъ и т. п., а изъ государственныхъ суммъ, вносимыхъ въ смѣту мин. внут. дѣлъ и почерпаемыхъ открыто изъ гостепріимно отверстыхъ кармановъ трудящейся народной массы, за которую борятся революціонеры. Дальнѣйшая судьба дѣла — по окончаніи дознанія — попасть въ судъ или губернское совѣщаніе (о предварительномъ слѣдствіи мы не говоримъ, ибо выяснили выше его роль и значеніе) изъ жандарм. полковника и прокурора подъ предсѣдательствомъ губернатора. Судебной инстанціей, нормальной для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, законъ признаетъ судебную палату съ сословными представителями или безъ оныхъ (въ особыхъ случаяхъ — Сенатъ и Верховный Уголовный Судъ).

Судебный процессъ по новому закону сохраненъ въ прежнемъ видѣ, но съ рядомъ весьма крупныхъ измѣненій. Двери не предписывается закрывать, а судъ самъ рѣшаетъ вопросъ о необходимости такого закрытія. Однако, если бы, паче ожиданія, палата не закрыла дверей, министру юстиціи предоставлено, какъ то было и раньше, своимъ ордеромъ закрывать двери. Итакъ, нововведеніе объ открытыхъ дверяхъ этой оговоркой сводится къ нулю. Далѣе, при закрытіи дверей въ залъ засѣданія до сихъ поръ имѣли доступъ по три родственника или знакомыхъ со стороны каждаго обвиняемаго. Теперь — ихъ допускается уже лишь по одному лицу, притомъ также со стороны потерпѣвшихъ, но и то лишь изъ родственниковъ восходящихъ и нисходящихъ по прямой линіи и изъ супруговъ. Для равновѣсія, однако, впускаются должностныя лица, „коихъ служебныя обязанности даютъ къ тому достаточныя основанія“, при

ліи и Англіи. Это извѣстно всѣмъ и каждому, и надо только удивляться, какимъ образомъ могъ не знать этого Ленинъ. Ему достаточно было бы прочитать хоть англійское предисловіе, которое Энгельсъ предпослалъ своей книгѣ „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“, чтобы понять, какъ рѣшительно и ально повліялъ „стихійный ростъ рабочаго движенія“ въ Англіи на развитіе взглядовъ одного изъ основателей научнаго соціализма. Что касается Маркса, то всякій, прочитавшій хотя бы одну его статью „Zur kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie“, знаетъ, что революціонныя упованія будущаго автора „Капитала“ съ самаго возникновенія своего находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ „стихійнаго рабочаго движенія“. Наконецъ, если Ленину некогда было дѣлать такого рода литературныя справки, то онъ могъ бы провѣрить свою смѣлую теорію съ помощью слѣдующаго простого разсужденія a priori.

Марксъ и Энгельсъ признали пролетаріатъ главной революціонной силой нашего времени, силой, историческая миссія которой состоитъ въ замѣнѣ капиталистическаго способа производства *соціалистическимъ*. Но, чтобы они могли признать пролетаріатъ такой силой, необходима была наличность двухъ условій: во-первыхъ, антагонизма классовъ и быстраго „стихійнаго роста рабочаго движенія“, во-вторыхъ, внимательнаго отношенія къ этимъ явленіямъ съ ихъ собственной стороны, т. е. со стороны тѣхъ, которые, въ свою очередь, призваны были поставить соціализмъ на научную почву[1]. Ясно, стало быть, что *совершенно немыслимо* считать развитіе научнаго соціализма „совершенно независимымъ отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“. Если бы Ленинъ далъ себѣ легкій трудъ сообразить это, онъ немедленно зачеркнулъ бы то свое положеніе, которое могло имѣть нѣкоторый смыслъ подъ перомъ писателя-*идеалиста*, но является неожиданной безсмыслицей, когда его выдвигаетъ и отстаиваетъ человѣкъ, не безъ успѣха выдающій себя за сторонника *матеріалистическаго объясненія исторіи*.

„Ученіе соціализма“, дѣйствительно, „выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей“. Но пока, интеллигенція „разрабатывала“ свои соціалистическія теоріи, не то, чтобы „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, — *этого никогда не было и быть не могло*, — а только не посвящая этому росту всего того вниманія, какого онъ заслуживалъ, до тѣхъ поръ *соціализмъ оставался утопическимъ*, и, по замѣчанію Меринга о французскомъ утопическомъ соціализмѣ, способствовалъ скорѣе *затемненію*, чѣмъ уясненію классового самосознанія пролетаріата[2]. Какъ же могъ Ленинъ упустить это изъ виду? Какъ могъ онъ столь сильно уподобиться тому крыловскому герою, который *слона-то и не замѣтилъ*?

„Философскія, историческія, экономическія теоріи“ и вообще идеи никогда не „разрабатывались“ идеологами „совершенно независимо“ отъ соціальной исторіи и отъ „стихійныхъ движеній“ того народа, въ средѣ котораго онѣ возникали. Но „стихійный ростъ рабочаго движенія“ представляетъ собою самое крупное, самое важное и самое вліятельное явленіе во внутренней *жизни* европейскаго общества XIX столѣтія. Спрашивается, можно-ли хоть на одну минуту, хоть на одну сотую долю секунды допустить, что научный соціализмъ, — самое крупное, самое важное и самое вліятельное явленіе въ исторіи европейской общественной *науки* этого столѣтія, — возникъ и развивался „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“? Конечно, нельзя! Этого не допуститъ теперь самъ профессоръ Карѣевъ. Какъ же Ленину не стыдно было писать такія... странности?

Далѣе, откуда взялъ онъ, будто „исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе тредъюніонистское“? Она ни о чемъ подобномъ не „свидѣтельствуетъ“. Она показываетъ совсѣмъ не то, что увидѣлъ въ ней Ленинъ. Да оно и не удивительно. Если вѣрно то, коренное положеніе историческаго матеріализма, которое гласитъ, что „*мышленіе*“ людей опредѣляется ихъ „*бытіемъ*“, и, если не обманываетъ насъ та основная теорема научнаго соціализма, которая говоритъ, что соціалистическая революція явится необходимымъ слѣдствіемъ противорѣчій, свойственныхъ капитализму, то ясно, что на извѣстной стадіи общественнаго развитія рабочіе капиталистическихъ странъ пришли бы къ *соціализму* даже въ томъ случаѣ, если бы они были предоставлены „своимъ собственнымъ силамъ“. Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали и выясняли это. Еще въ 1845 году Марксъ, споря съ Бруно Бауэромъ, указывалъ на то, что пролетаріатъ, „какъ пролетаріатъ“, т. е. *въ силу своего положенія въ капиталистическомъ обществѣ, вынужденъ будетъ притти* къ отмѣнѣ частной собственности, т. е. совершить соціалистическую революцію[1]. При этомъ Марксъ прибавлялъ, что „рѣчь идетъ не о томъ, какую цѣль ставитъ себѣ въ данное время тотъ или другой пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Рѣчь идетъ о томъ, что представляетъ собою этотъ классъ и что онъ, въ силу этого своего бытія (diesem Sein gemäss), исторически принужденъ будетъ совершить. Его цѣль и его историческое дѣйствіе осязательно и непререкаемо опредѣляются его собственнымъ житейскимъ положеніемъ, ровно какъ и всей организаціей современнаго гражданскаго общества. И нѣтъ надобности распространяться о томъ, что значительная часть англійскаго и французскаго пролетаріата уже сознаетъ свою историческую задачу и постоянно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы привести это сознаніе къ полной ясности“[2]. Это, — какъ видитъ читатель, — совсѣмъ не похоже на то „тредъ-юніонистское сознаніе“, до котораго, по словамъ Ленина, только и способенъ додуматься пролетаріатъ „исключительно своими собственными силами“[3].

Энгельсъ въ этомъ отношеніи вполнѣ согласенъ съ Марксомъ. Описывая положеніе рабочаго класса въ Англіи, онъ показываетъ, что англійскій рабочій не можетъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, и что это положеніе должно заставить его стремиться къ устраненію нынѣшняго положенія вещей. „Англійскій рабочій, едва умѣющій читать и еще менѣе умѣющій писать, — говоритъ онъ, — знаетъ, однако, очень хорошо, въ чемъ заключается его интересъ и интересъ всей націи; онъ знаетъ также, въ чемъ состоитъ спеціальный интересъ буржуазіи и чего онъ можетъ ждать отъ этой буржуазіи“.[1] Первымъ выраженіемъ недовольства угнетеннаго класса являются, по словамъ Энгельса, преступленія противъ собственности, число которыхъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ промышленности.[2] Но рабочіе скоро убѣждаются въ томъ, что эти преступленія ничему не помогаютъ. Преступленіе есть единичный протестъ личности противъ существующаго порядка. Какъ *классъ*, рабочіе стали въ оппозицію къ буржуазіи лишь тогда, когда они начали *сопротивляться введенію машиннаго производства*. Но и этотъ родъ оппозиціи распространялся лишь на отдѣльныя мѣстности и направлялся лишь противъ отдѣльныхъ сторонъ нынѣшняго положенія. Онъ тоже ничему не помогалъ. Надо было найти новую форму оппозиціи, и она была найдена въ *рабочихъ союзахъ* (тредъюніонамъ, Г. П.) Эти союзы не могутъ внести существенныя измѣненія въ отношенія наемнаго труда къ капиталу; но они помогаютъ рабочимъ добиться кое-какихъ частныхъ улучшеній, а главное — они развиваютъ въ рабочихъ сознаніе того, что господство буржуазіи основывается лишь на конкурренціи рабочихъ между собою: разъ рабочіе перестанутъ конкуррировать другъ съ другомъ, разъ они не захотятъ подчиниться эксплуатаціи со стороны буржуазіи, царство имущества (das Reich des Besitzes) придетъ къ концу.[3] Энгельсъ прекрасно понимаетъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ осталось бы неизмѣннымъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, если бы рабочіе ограничились тѣмъ, что перестали бы конкуррировать между собой, т. е. если бы они не пошли далѣе „тредъ-юніонизма“. Но они „не могутъ поступить такъ... необходимость вынудитъ ихъ устранить не только одну *часть* конкурренціи, но конкурренцію вообще — и они сдѣлаютъ это. Рабочіе уже и теперь все яснѣе и яснѣе видятъ, какія бѣдствія приноситъ имъ конкурренція, они яснѣе, чѣмъ сами буржуа, сознаютъ, что конкурренція предпринимателей между собою, вызывая торговые кризисы, давитъ также и на рабочихъ и что она также должна быть устранена, и скоро увидятъ они, какъ имъ взяться за это дѣло“.[4]

---

[1] „Новѣйшій соціализмъ, по своему содержанію, является, прежде всего, результатомъ наблюденій, съ одной стороны, надъ господствующимъ въ современномъ обществѣ антагонизмомъ между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, съ другой, — надъ анархіей, существующей въ производствѣ“. (Энгельсъ).

[2] Aus dem literarischen Nachlass и т. д., II Band, s. 4.

[1] См. Die heilge Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten, во второмъ томѣ изданнаго Мерингомъ „Nachlass'a“, стр. 132.

[2] Ibid, стр. 133, второго тома Меринговскаго изданія.

[3] Ср. стр. 432 того же тома: ... „Die Arbeiter, von den Verhältnissen getrieben ... allgesammt als eine Klasse mit ihren besonderen Interessen und Grundsätzen ... der Bourgeoisie nach gemeinsamem Plane und mit vereinter Macht zu Leibe rücken“.

[1] Die Lage ect., первое изд., стр. 143—144.

[2] Ibid. стр. 258.

[3] Ibid. стр. 265. Это въ высшей степени важное мѣсто, — значеніе котораго для выясненія исторической роли рабочаго движенія и его шансовъ на побѣду до сихъ поръ недостаточно оцѣнено большинствомъ соціальдемократическихъ писателей, — почти буквально повторяется въ „Маниф. Коммун. Партіи“ (см. стр. 16-ую второго изданія моего перевода).

[4] Ibid. стр. 265. „Критики“ замѣчали по этому поводу, что однако же, экономическая необходимость до сихъ поръ не привела къ соціализму рабочихъ Англіи, страны, въ которой капитализмъ развитъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ какъ этотъ доводъ можетъ выдвинуть теперь противъ меня кто-нибудь изъ „твердыхъ“ товарищей, то я укажу на то, что послѣ того, какъ Энгель

томъ безъ ограниченія числомъ — мѣропріятіе, повидимому, разсчитанное на усиленіе судейскаго безпристрастія и независимости членовъ судебныхъ палатъ, и, въ особенности, сословныхъ представителей. Если напомнить еще объ ограниченіи круга лицъ, допускаемыхъ къ защитѣ политическихъ обвиняемыхъ, присяжными повѣренными (исключаются, т. о., помощники присяжныхъ повѣренныхъ, а также частныя лица), далѣе, что съ осужденныхъ взыскиваются судебныя издержки по дѣлу во всѣхъ его стадіяхъ т. е. и въ стадіи дознанія, — то судебная процедура по новому закону оказывается необычайно стѣсненной, и походитъ на капканъ, въ который только нужно загнать „звѣря“, ибо потомъ все кончено. Въ этой части законъ прямѣй и опредѣленнѣй, ибо тутъ строгости установлены имъ за счетъ судебнаго вѣдомства, жандармская же полиція держится въ сторонѣ и строитъ сладко соболѣзнующія мины: то-то, молъ, было хорошо во время стадіи дознанія! Но что же происходитъ, если дѣло не попадаетъ въ судъ, а направляется къ прекращенію? Тутъ то и лежитъ самая пикантная подробность новаго закона: онъ провозглашалъ, что судебный порядокъ рѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ долженъ быть нормальнымъ, но совершенно забылъ, что имъ оставлена совершенно неприкосновенной панацея самодержавія — положеніе объ усиленной охранѣ. Въ своемъ докладѣ Муравьевъ былъ откровеннѣе; онъ прямо заявилъ: когда нельзя изобличить обвиняемаго въ учиненіи опредѣленнаго государственнаго преступнаго дѣянія, а дознаніемъ установлено лишь вредное, вообще, для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія направленіе дѣятельности обвиняемыхъ, ихъ политическая неблагонадежность, то ... было бы цѣлесообразно ... передавать оконченныя дознанія министерству внут. дѣлъ для направленія въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 35—36[1]) положенія о мѣрахъ къ охранѣ госуд. порядка и общест. спокойствія (стр. 72 доклада). По совѣту болѣе опытнаго политика, Плеве, эта тирада была выброшена изъ текста закона, но въ самомъ ходѣ жизни она, несомнѣнно, сохраняется, гарантируя, — при отсутствіи уликъ для судебнаго разбора дѣла — что обвиняемый не останется безъ хотя бы администрат. кары. И дѣла о госуд. преступленіяхъ только раздѣлятся на двѣ категоріи: т. наз. дѣла съ „уликами“ и дѣла „безъ уликъ“. Можно себѣ представить, какъ чувствуетъ себя при такой постановкѣ вопроса удовлетвореннымъ сколько нибудь развитое правосознаніе. По старому порядку вещей, дѣло „нормально“ шло къ министру внут. дѣлъ въ особое при немъ совѣщаніе, а наказаніе назначалось по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію, то есть, до извѣстной степени, исключительнымъ способомъ. Теперь же дѣло „нормально“ идетъ въ судъ, гдѣ обвиняемому назначается строгая кара, когда же надежда на строгое наказаніе, по обстоятельствамъ, дѣла слаба, то оно направляется въ губернское совѣщаніе и здѣсь прекращается, но мин. внут. дѣлъ не лишенъ возможности примѣнить къ обвиняемому ст. 34—36 Положенія объ усил. охранѣ, каковымъ правомъ онъ несомнѣнно будетъ пользоваться, испрашивая для санкціи своего произвола спасительныя высочайшія повелѣнія. Вотъ та юридическая атмосфера, въ которую насъ пересаживаетъ новый законъ, подкрѣпляя свои сугубыя карательныя намѣренія новымъ порядкомъ отбытія наказанія, который заключается въ воспитательномъ воздѣйствіи на человѣка — одиночества. Тюрьма отбывается въ одиночной камерѣ, исправительный домъ (то же, что испр. ар. роты) начинается тремя мѣсяцами одиночки и состоитъ въ дальнѣйшемъ въ полномъ разобщеніи на ночь. Тѣ же тонкости издѣвательства *господствующей* соціально-политической группы надъ ея противниками будутъ проведены и въ каторгѣ, когда таковая будетъ преобразована, и въ другихъ испр. арест. отдѣленіяхъ, кромѣ 12 уже реформированныхъ (въ Николаевѣ, Ригѣ, Перми, Харьковѣ, Варшавѣ, Ярославлѣ и др.).

Если мы теперь обратимся къ новому закону въ его цѣломъ, то внѣшняя форма, его безсистемность, повторенія одного и того же, крайняя запутанность выраженій обнаруживаютъ спѣшку, съ которой онъ фабриковался. Да это и понятно. Если бы то былъ только ростъ революціоннаго движенія, то съ этимъ бы не такъ торопились. Но тутъ подоспѣла война. Непопулярная ни въ какой группѣ, кромѣ военной аристократіи, жаждавшей побиться по-настоящему, война серьезно подорвала шансы современнаго правительства. Гдѣ то на далекой окраинѣ, гдѣ она не затрагиваетъ истинныхъ интересовъ народныхъ массъ, она протекаетъ съ затратой огромныхъ матеріальныхъ средствъ. Изъ народа качаютъ милліонъ за милліономъ, но будутъ качать еще больше: каждый день въ Манчжуріи стоитъ намъ $2\frac{1}{2}$ милліона рублей. Несомнѣнно, все это увеличиваетъ шансы революціоннаго движенія и въ Петербургѣ уже поговариваютъ о вѣроятныхъ аграрныхъ, фабричныхъ и студенческихъ безпорядкахъ. А если они будутъ, то будутъ въ необычайныхъ размѣрахъ. И господа министры предчувствовали это и поторопились съ грознымъ карающимъ закономъ. Но они совсѣмъ забыли, что — если строгая кара разсчитана на созданіе въ обществѣ задерживающихъ ихъ мотивовъ, то такая „мотивація“ должна происходить нѣсколько лѣтъ или десятилѣтія подрядъ. Между тѣмъ, мы десятилѣтіями воспитаны въ совершенно иномъ духѣ, въ привычкѣ къ ссылкамъ и высылкамъ, которыя бывали и тяжелы, но все же были легче, ибо были лишены элемента унизительности. Поэтому, пока правительство измѣнитъ психику революціонеровъ, оно еще можетъ очутиться подъ развалинами своихъ собственныхъ построекъ. А что правительство, дѣйствительно, спѣшитъ, и въ страхѣ надвигающейся внутренней войны торопится запугать революціонеровъ, видно изъ того, что — по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ — оно направило уже около 250 дѣлъ въ разныя судебныя палаты для слушанія. Оно, параллельно съ этимъ, вынуждено было направить цѣлыхъ 400 дѣлъ къ прекращенію, но это лишь прекрасное доказательство, какъ оно старается избавиться отъ лишняго балласта, чтобъ unitis viribus схватиться съ революціонерами. И случайное ли только совпаденіе, что война съ Японіей была объявлена 27 января с. г., а докладъ Муравьева помѣченъ 28 января?

Да, страхъ несомнѣнно обуялъ правительство и заставилъ его съ смѣшною поспѣшностью залѣзть въ кольчугу, спаянную изъ строго карающихъ статей новаго закона. Но напрасны его усилія: современная техника шагнула такъ далеко, что передъ новыми орудіями не въ состояніи устоять никакіе средневѣковые щиты, панцыри, кольчуга и латы. И только когда правительство, пораженное, пустится бѣжать, оно почувствуетъ, что его же вооруженіе пригибаетъ его къ землѣ, давитъ и жметъ его. И тогда то путь его бѣга будетъ усѣянъ самымъ разнообразнымъ воинственнымъ хламомъ, вытащеннымъ на свѣтъ Божій изъ какой то заплеснѣвѣвшей Rumpelkammer. Поэтому, будьте внимательны, господа и, когда вы увидите по пути валяющимися законы, когда то охранявшіе правительственную шкуру, то знайте, что это она растеряла ихъ въ своемъ стремительномъ бѣгствѣ.

Е.

---

[1] То есть, въ особое совѣщаніе, а оттуда — по высочайшему повелѣнію — въ Сибирь.

ОРГАНИЗАЦІЯ, ПАРТІЯ, ДВИЖЕНІЕ.

(Идея § 1 устава.)

„Будучи побѣжденъ на вопросѣ о § 1 устава, я не могъ не стремиться со всей энергіей къ реваншу“, заявляетъ тов. Ленинъ, впервые заговоривъ въ письмѣ къ искровцу о своихъ дѣяніяхъ на съѣздѣ Партіи. Исторію этого пораженія и реванша изложилъ онъ на съѣздѣ Лиги и издалъ теперь цѣлую книгу, гдѣ изъ за груды всяческихъ неправдъ и извращеній блеститъ все, та же истина: „будучи побѣжденъ на вопросѣ о § 1 устава“ Ленинъ въ „бѣшеной“ погонѣ за реваншемъ постарался разорвать съѣздъ, а послѣ съѣзда дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы разорвать Партію.

Разсмотримъ же и мы ту „идею“ Ленина, которая „была побѣждена“ вотомъ съѣзда по § 1 устава, а въ слѣдующей статьѣ поговоримъ и о „реваншѣ.“

Формулировка, по которой членами партіи считаются только лица, участвующія въ одной изъ партійныхъ организацій, сразу бросалась въ глаза ограниченіемъ всей суммы членовъ партіи суммой профессіональныхъ революціонеровъ. Понять ее иначе не было никакой возможности. Подъ „партійными организаціями“, о которыхъ говоритъ уставъ, всѣ понимали (да и теперь понимаютъ) прежде всего комитеты, затѣмъ Ц. О. и будущій Ц. К. Могутъ образоваться и другія организаціи, которыя подойдутъ подъ опредѣленіе „партійныхъ организацій“, данное §§ 8 и 12 устава, но это будутъ, опять таки, узкія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ. Въ этомъ смыслѣ, невозможности принять формулировку, оставляющую за предѣлами партіи всѣхъ ея членовъ, кромѣ узкаго круга заговорщиковъ, и говорятъ одинъ за другимъ: Аксельродъ, Мартовъ, Костровъ, Посадовскій, Карскій. Въ этомъ естественномъ повтореніи въ рядѣ рѣчей одного и того же довода тов. Ленинъ увидѣлъ подвохъ. „Ходкій и очень вульгарный“ — на его вкусъ — доводъ показался ему тѣмъ „дешевымъ оружіемъ“, которымъ „хотятъ воспользоваться“ („Шагъ впередъ“ ст. 48) противники, и въ первой рѣчи въ защиту своей формулировки онъ постарался выбить изъ ихъ рукъ это оружіе. Онъ „въ особенности подчеркиваетъ“ въ этой рѣчи, что его формулировка „даетъ стимулъ: организуйтесь! Не надо думать, что партійныя организаціи должны быть только изъ профессіональныхъ революціонеровъ. Намъ нужны самыя разнообразныя организаціи всѣхъ видовъ, ранговъ и оттѣнковъ, начиная отъ чрезвычайно узкихъ и конспиративныхъ и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen. Необходимый признакъ партійной организаціи — утвержденіе ея Центр. Комитетомъ“. (Протоколы, стр 240)

Эта рѣчь, которая, по замѣчанію тов. Попова, „произвела смуту въ умахъ“, давала формулировкѣ Ленина совершенно иной смыслъ. Если главное значеніе формулировки — въ стимулѣ: организуйтесь! — и именно для того, чтобы войти въ партію, то само собой понятно, что лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ Ц. К. могъ бы воспользоваться своимъ правомъ отказа въ утвержденіи. Вѣдь, такой отказъ для образовавшейся подъ „стимуломъ“ устава организаціи имѣлъ бы смыслъ прямого исключенія ея изъ партіи. Съ другой стороны, стимулируя образованіе всевозможныхъ организацій, до lose Organisationen[1]) включительно, и объединяя ихъ однимъ названіемъ: „партійныя“ съ самыми узкими организаціями революціонеровъ, формулировка тов. Ленина (въ толкованіи, данномъ его первой рѣчью) надѣляетъ *всѣ* эти организаціи одинаковыми правами, подводя подъ одни и тѣ же параграфы устава. Въ такомъ освѣщеніи *она* можетъ казаться (и показалась тт. Брукэръ и Страхову) даже „демократичнѣе“ формулировки Мартова.

Вторая рѣчь Ленина, сказанная предъ самымъ концомъ преній, даетъ формулировкѣ опять новое освѣщеніе. Та широта, какою повѣяло было отъ стимула: организуйтесь! замѣняется лозунгами: съуживай! запирай двери! охраняй твердость линіи! Вся сила въ „фактическомъ контролѣ Ц. К.“. Партія, повидимому, должна соразмѣряться со способностью *будущаго* Ц. К. самолично контролировать всѣхъ ея членовъ. „Лучше, чтобы десять работающихъ не называли себя членами партіи (дѣйствительные работники за чинами не гонятся!), чѣмъ чтобы одинъ болтающій“ назвалъ. О рядѣ организацій, отъ самыхъ узкихъ до самыхъ широкихъ, Ленинъ снова упоминаетъ, но въ то же время находитъ, что, если бы среди сотенъ и тысячъ рабочихъ, арестуемыхъ за стачки и демонстраціи, — слѣдовательно, активныхъ, борющихся, — не было бы членовъ нашей партіи, то это доказывало бы только, „что мы выполняемъ свою задачу — законспирировать болѣе или менѣе узкій кругъ руководителей и привлечь къ движенію возможно болѣе широкую массу“. Не въ партію, а только „къ движенію“! Противоположное желаніе Мартова, чтобы всѣ такіе рабочіе были членами нашей партіи и, отвѣчая за свои дѣйствія, могли объявлять объ этомъ, служитъ для Ленина — правда, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, — лучшимъ доказательствомъ оппортунизма Мартова.

Какъ согласить проектъ устава съ причисленіемъ lose Organisationen къ „партійнымъ“ организаціямъ; какъ „стимулъ: организуйтесь“, чтобы вступить въ партію, согласить съ формулой: „узкій кругъ руководителей + движеніе“ — все это на съѣздѣ осталось невыясненнымъ.

Въ „Шагъ впередъ“ тов. Ленинъ ссылается на „Письмо къ товарищу“, въ которомъ „ясно выступаетъ уже идея“ его формулировки § 1.

Что для многихъ сторонниковъ формулировки Ленина связь этой формулировки съ совѣтами комитету одного города относительно организаціи его функцій, была совсѣмъ не ясна — это несомнѣнно. Но что ясно выступаетъ изъ самой ссылки Ленина на „Письмо“, такъ это полнѣйшее смѣшеніе, не только партіи съ организаціей, но, кромѣ того, смѣшеніе *организаціи людей* („членовъ партіи“), о которыхъ шла рѣчь на съѣздѣ, съ организаціей функцій, о которой говорится въ „Письмѣ“. „Письмо“ это такъ сильно распространено, что намъ нѣтъ надобности его цитировать. Заглянувши въ этотъ проектъ, всякій согласится, что въ немъ подъ данное въ уставѣ опредѣленіе „партійной“ организаціи подходитъ только комитетъ. Онъ одинъ *рѣшаетъ* всѣ вопросы мѣстнаго движенія, онъ одинъ руководитъ всѣмъ и всѣми (стр. 11, 13) и пополняетъ свой составъ посредствомъ кооптаціи. Всѣ остальные, какъ отдѣльныя лица

---

[1] Что именно понимаетъ подъ ними тов. Ленинъ, видно изъ стр. 87, 90, 91 его брошюры: „Что дѣлать?“

Разумѣется, архи-нелѣпо было-бы понимать Энгельса въ томъ смыслѣ, что экономическая необходимость, толкая пролетаріатъ на все болѣе и болѣе рѣшительную борьбу съ *капитализмомъ*, тѣмъ самымъ вызываетъ какъ бы самопроизвольное зарожденіе въ ихъ головахъ теоріи научнаго *соціализма*. Энгельсъ никогда не говорилъ этого. Теорія *научнаго* соціализма могла зародиться только въ *научно-подготовленныхъ* для этого головахъ. Но экономическая необходимость порождаетъ и доводитъ до его логическаго конца, — то есть до соціалистической революціи, — то движеніе рабочаго класса, теоретическимъ выраженіемъ котораго служитъ научный соціализмъ. Таковъ тотъ взглядъ, котораго держались Марксъ и Энгельсъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сложились ихъ общественныя воззрѣнія. А съ точки зрѣнія этого, — единственно научнаго, — взгляда историческая роль рабочаго класса представляется совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ показываетъ ее намъ въ своей брошюрѣ Ленинъ, старающійся внушить читателю то убѣжденіе, что, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, пролетаріатъ не въ состояніи выйти за узкіе предѣлы трэдъ-юніонизма.

По Ленину, рабочій классъ, предоставленный самому себѣ, способенъ бороться только за условія продажи своей силы на почвѣ капиталистическихъ отношеній производства. По Марксу и Энгельсу, этотъ классъ необходимо долженъ стремиться устранить эти отношенія, то есть совершить соціалистическую революцію.

Кто правъ?

Судите объ этомъ, какъ вамъ угодно, но если вы думаете, что правъ Ленинъ, то не называйте себя послѣдователемъ Маркса и Энгельса.

Марксизмъ, это — „совсѣмъ другая опера“.

Излишне прибавлять, что основатели научнаго соціализма никогда даже и на пушечный выстрѣлъ не приближались къ тому взгляду, который впослѣдствіи проповѣдывали наши „экономисты“. Марксъ и Энгельсъ очень хорошо умѣли цѣнить великое значеніе „революціонной бациллы“.

Когда Энгельсъ изучалъ положеніе рабочаго класса въ Англіи, онъ былъ твердо убѣжденъ, что уже начавшееся тамъ рабочее движеніе „стихійно“ приведетъ къ соціалистической революціи. Но это не помѣшало ему сознавать и утверждать, что дѣло революціонной борьбы пролетаріата много выиграло бы отъ усвоенія этимъ классомъ соціалистическихъ идей. Онъ совѣтовалъ англійскимъ соціалистамъ, — рѣдко принимавшимъ тогда активное участіе въ борьбѣ рабочихъ съ фабрикантами, — взять на себя роль „бациллы“.[1] Но онъ замѣчалъ, что для этого англійскій соціализмъ долженъ кореннымъ образомъ измѣнить свой характеръ и *стать чисто пролетарскимъ*. Это послѣднее замѣчаніе лишній разъ доказываетъ, между прочимъ, какъ чужда была Энгельсу дикая мысль о томъ, что революціонный соціализмъ можетъ развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“.

Повторяю, Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали значеніе „революціонной бациллы“. Но они прочитали бы ей очень суровую нотацію, если бы она, *бацилла революціи*, — поддавшись вредному вліянію *бациллы самомнѣнія и субъективизма*, — вздумала *противопоставлять себя* рабочей *массѣ* и утверждать, что пока она не осѣнитъ этой массы революціонной благодатью своей сознательности, до тѣхъ поръ та останется въ духовной и матеріальной зависимости отъ буржуазіи и не въ силахъ будетъ нетолько повалить капитализмъ, но просто хотя бы только „экспропріировать экспропріаторовъ“. Когда „Бруно Бауэръ и K°“ позволили себѣ нѣчто вродѣ такого противопоставленія, то Марксъ обрушился на нихъ съ ѣдкими насмѣшками, совершенно справедливо утверждая, что противопоставленіе „критической критики“ массамъ, есть не болѣе, какъ новое видоизмѣненіе старой противоположности между *Духомъ* и *Матеріей*. „Если бы Критика, — писалъ онъ, — была лучше знакома съ движеніемъ низшихъ классовъ народа, то... новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая отъ этихъ классовъ въ Англіи и во Франціи, доказала бы ей, что они способны умственно подняться и, не будучи непосредственно осѣнены святымъ духомъ критической критики“.[1]

„Противоположность между Духомъ и Матеріей, — продолжалъ Марксъ, — есть критическая „организація общества“, при чемъ Духъ или Критика представляютъ собою трудъ организаціи, масса — сырой матеріалъ, а исторія — фабрикатъ“.[2]

Не иначе отозвался бы Марксъ и о теоріи Ленина, у котораго, какъ и у „критической критики“, масса есть лишь неодухотворенный сырой матеріалъ, надъ которымъ производитъ свои операціи отмѣченная печатью дара духа святого интелигенція.

„Караулъ! — кричитъ читатель изъ „твердыхъ“, — вы искажаете мысль Ленина. Вы изображаете его чѣмъ то въ родѣ субъективиста, между тѣмъ какъ онъ просто на просто развивалъ мысль Каутскаго, подробно изложенную въ статьѣ „Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Oesterreich“! Такъ нельзя! Я сейчасъ созову другихъ твердыхъ и предложу написать противъ васъ протестъ!“

Успокойтесь, „твердый“ товарищъ, мнѣ извѣстно, что протесты пишутся теперь вами съ той восхитительной легкостью, которая составляла до сихъ поръ монополію „соціалистовъ-революціонеровъ“. Но все таки прежде, чѣмъ писать „протестъ“, выслушайте меня до конца. Можетъ быть, вы и сами найдете, что для протеста нѣтъ никакихъ основаній.

Ленинъ, дѣйствительно, приводитъ на стр. 27 своей брошюры длинную выписку изъ статьи Каутскаго, посвященной обсуждавшемуся тогда (въ октябрѣ 1901 г.) проекту новой программы австрійской соціальдемократіи. И въ этой выпискѣ, дѣйствительно, говорится, что соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное въ классовую борьбу пролетаріата, а не стихійно из нея возникшее. Но Ленину нужно было очень невнимательн отнестись ко взгляду Каутскаго на движеніе пролетаріата, чтобы ссылаться на этотъ взглядъ для подтвержденія собственны измышленій.

Прежде всего я обращу вниманіе читателя, — „твердаго“ и не твердаго, — на слѣдующее мѣсто той же самой статьи того же самаго Каутскаго.

„Но что возрастаетъ во всякомъ случаѣ, такъ это противоположность между трудомъ и капиталомъ, противорѣчіе между капиталистической тенденціей къ увеличенію зависимости (наем наго труда отъ капитала, Г. П.) и растущей у пролетаріата потребностью въ независимости, противорѣчіе, которое, пока существуетъ капитализмъ, дѣлаетъ необходимымъ борьбу классов и стремленіе ниспровергнуть классъ капиталистовъ, противорѣчіе, которое исчезнетъ только тогда, когда будетъ разрѣшено“.

Мы видимъ: указываемое здѣсь противорѣчіе вызываетъ, по ясно выраженному мнѣнію Каутскаго, у пролетаріата стремлені къ ниспроверженію класса капиталистовъ, и чѣмъ болѣе растет это противорѣчіе, — а Каутскій указываетъ именно на его рост — тѣмъ болѣе, конечно, должно усиливаться это, вызываемое им стремленіе пролетаріата. Такъ это, или нѣтъ? Кажется, такъ. Что же означаетъ это стремленіе ниспровергнуть классъ капиталистовъ? Очевидно, не что иное, какъ *стремленіе устранить капиталистическія производственныя отношенія*, т. е. покончит съ *капитализмомъ*, т. есть, сдѣлать *соціалистическую* революці Такъ это, или нѣтъ? Кажется, такъ. Теперь я спрашиваю: т ли это, что говоритъ Ленинъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Каутскі — совершенно также, какъ и Энгельсъ въ цитатѣ, сдѣланно мною выше изъ его книги о положеніи рабочаго класса въ Англ и точно также, какъ и Марксъ, въ книгѣ, направленной проти Бруно Бауэра, — говоритъ, что противорѣчіе, свойственное капитализму, неизбѣжно вызываетъ у рабочихъ стремленіе устранить капиталистическія производственныя отношенія, а неудач сославшійся на него Ленинъ увѣряетъ, что это противорѣчіе можетъ толкнуть пролетаріатъ только на борьбу, ведущуюся *почвѣ* этихъ отношеній. *Каутскій вѣренъ марксизму: Ленинъ измѣняетъ ему.* Тассо у Гете, слушая Антоніо, восклицаетъ:

Mit Beifall und Verehrung hör' ich dich.

Въ отвѣтъ на это Антоніо говоритъ:

Und dennoch denkst du wohl bei diesen Worten
Ganz etwas Anders, als ich sagen will.

Такъ и Каутскій могъ-бы сказать Ленину по поводу сво словъ, „съ одобреніемъ и почтеніемъ“ цитируемыхъ Ленины „*ты придалъ имъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой они имѣют меня*“.

Я вижу, что „твердый“ читатель опять „возмущенъ“ и подобно самому вульгарному „соціалисту-революціонеру“, соб ется писать „протестъ“. Но я опять прошу его слушать дал

Въ спорѣ съ Бернштейномъ Каутскій, опровергая нел истолкованіе взглядовъ Маркса, даваемое бѣднымъ Эдуар вслѣдъ за буржуазными экономистами въ родѣ Шульце Ге ница, слѣдующимъ образомъ излагаетъ то, что онъ справе

сомъ была написана его книга о положеніи англійскихъ рабочихъ, та же экономическая необходимость поставила Англію въ *исключительное положеніе*, благодаря которому ея пролетаріатъ утратилъ революціонныя стремленія, одушевлявшія его въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Объ этомъ см. написанное Энгельсомъ же „Приложеніе“ къ американскому изданію англійскаго перевода его книги, особенно стр. v и vi-ую. Теперь экономическая необходимость, устраняя исключительное экономическое положеніе Англіи, опять поворачиваетъ, хотя пока еще въ слабой степени, взоры англійскихъ рабочихъ къ соціализму.

[1] См. также, какую дѣятельную роль рекомендуетъ онъ американской соціалистической „бациллѣ“ въ предисловіи къ упомянутому выше американскому изданію вышеназванной его книги. Это предисловіе помѣчено 26 января 1887 г.

[1] Die Heilige Familie, стр. 243.

[2] Тамъ же, та же стр.

[1] „Die Neue Zeit“. 1901—1902. № 3, s. 75.

такъ и то, что Ленинъ называетъ „группами“, являются лишь различныхъ степеней агентами комитета: имъ назначаются и исполняютъ имъ же данныя порученія. Это — аппаратъ (худъ онъ или хорошъ — не объ этомъ рѣчь), которымъ маленькая группа можетъ, по мнѣнію тов. Ленина, дѣйствовать на большое движеніе, но это не организація людей. Въ „Письмѣ“ встрѣчаются слова: кружокъ, группа, но, что подъ этими словами — по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ — Ленинъ подразумѣваетъ простое подведеніе (въ умѣ или на бумагѣ) нѣсколькихъ лицъ подъ одну рубрику, это видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста: „По тому же типу порученій… должны быть организованы всѣ разнообразныя группы, обслуживающія движеніе“ (стр. 12) и, затѣмъ, перечисляя эти „группы“, Ленинъ — между гимназической и транспортной — помѣщаетъ „группу содѣйствующихъ чиновниковъ“. Еще въ „Что дѣлать“? онъ перечисляетъ различныя вѣдомства до полицейскаго, духовнаго и придворнаго включительно, въ средѣ которыхъ организація революціонеровъ можетъ найти себѣ содѣйствующихъ. Можетъ, конечно, но кому придетъ фантазія соединять на самомъ дѣлѣ, въ одинъ кружокъ, или хотя бы только знакомить между собою этихъ чиновниковъ? Никому, конечно, не исключая и Ленина. Онъ представляетъ ихъ себѣ сгруппированными лишь въ головѣ комитетчика, завѣдующаго тѣми агентами, которые сносятся съ чиновниками. То же оригинальное представленіе объ организаціи видно изъ его возраженія Мартову, замѣтившему на съѣздѣ Лиги, что по формулѣ Ленина даже агенты Ц. К. не входятъ въ партію, такъ какъ не составляютъ организаціи. „Формально, возражаетъ Ленинъ („Шагъ“, стр. 50, 51) достаточно было бы образовать организацію агентовъ Ц. К.“. Да, но фактически „партійной“ организаціей изъ нихъ все же не вышло бы. Агенты исполняютъ по порученію Ц. К. дѣла Ц. К. Если бы они автономно повели эти дѣла, рѣшая ихъ по большинству голосовъ. они стали бы на мѣсто Ц. К. Но Ленинъ только въ насмѣшку предлагаетъ это рѣшеніе, а въ серьезъ вѣщаетъ слѣдующее: „*Идея* же § 1 въ моей формулировкѣ состоитъ въ *стимулѣ*: организуйтесь! въ *обезпеченіи реальнаго* контроля и руководства. Съ точки зрѣнія *существа дѣла*, смѣшонъ самый вопросъ о томъ, войдутъ ли въ партію агенты Ц. К., ибо *реальный* контроль за ними обезпеченъ *уже тѣмъ, что они назначены въ агенты*“ (курсивъ Ленина во всей цитатѣ). „Организуйтесь!“, по Ленину значитъ: попадите въ агенты. „Членъ партіи“ — тотъ, за кѣмъ Ц. К. обезпечилъ себѣ контроль. „Организуйтесь!“, „организація“, „членъ партіи“ и самая „партія“ — все это страшно двусмысленныя, очень хитрыя слова въ устахъ Ленина. Чтобы выразить „идею“ Ленина просто и недвусмысленно, § 1 устава долженъ быть формулированъ такимъ образомъ: „Членомъ партіи будетъ называться тотъ, кого Ц. К. возьметъ подъ свой реальный контроль“.

Это не шутка: „идея“ Ленина именно такова. Читатели помнятъ, вѣроятно, страницы „Письма“, посвященныя разноскѣ литературы. Въ заключеніе Ленинъ говоритъ, что для разносчиковъ „нужна величайшая конспирація и военная дисциплина“, и, поэтому именно, они „должны принадлежать“ къ партіи. Мы тоже думаемъ, что должны… но организованы то по проекту Ленина всетаки не разносчики, а только разноска. И не потому они входятъ у Ленина въ партію, что они организованы, а потому что организація расноски литературы нуждается въ строжайшемъ контролѣ надъ разносчиками. Тѣхъ же, чья дѣятельность не нуждается въ строгомъ контролѣ, напр., рабочихъ, „вырабатывающихъ виды профессіональныхъ требованій“, можно не зачислять въ партію, какими бы сознательными и преданными социальдемократами они ни были.

Своеобразность ленинскаго пониманія членства въ партіи и организованности особенно ярко выступаетъ въ слѣдующемъ разсужденіи, долженствующемъ доказать Аксельроду, что никакой путаницы между понятіями: партія и организація онъ не дѣлаетъ, а, наоборотъ, Аксельродъ смѣшиваетъ широкій и узкій смыслъ слова организація.

„Слово организація, поучаетъ Ленинъ, „Шагъ впередъ“ стр. 39) употребляется обыкновенно въ двухъ смыслахъ: широкомъ и узкомъ. Въ узкомъ смыслѣ оно означаетъ отдѣльную ячейку человѣческаго коллектива, хотя въ минимальной степени оформленнаго. Въ широкомъ… сумму такихъ ячеекъ“. Въ примѣръ онъ приводитъ флотъ, армію, государство, учебное вѣдомство, могъ бы прибавить — почтовое. Но кто и когда, кромѣ Ленина, считалъ эти вѣдомства организаціями „человѣческаго коллектива“ (матросовъ, учителей, почтальоновъ и проч.), а не общественныхъ функцій? Но съ точки зрѣнія директоровъ морскаго, учебнаго, почтоваго вѣдомствъ, организовать эти вѣдомства значитъ, набрать нужный персоналъ во всѣ ячейки, а затѣмъ его контролировать. И съ этой же точки зрѣнія смотритъ Ленинъ на „построеніе партіи“.

Теперь понятной становится та злость, съ которой онъ безпрестанно возвращается въ своей книгѣ къ Мартовскому стачечнику, объявляющему себя членомъ партіи (напр. стр. 42). Вообразите въ самомъ дѣлѣ положеніе почтмейстера, если бы „каждый стачечникъ имѣлъ право объявлять себя“ почтальономъ. Но у страха глаза велики. Формула Мартова сама по себѣ ничуть не мѣшаетъ Ц. К. организовать свои вѣдомства, хотя бы и по „Письму къ товарищу“. Право самовольно зачислять себя въ его агенты она никому не даетъ и помѣшать какой бы то ни было положительной работѣ Ц. К. она не можетъ. Чему она мѣшаетъ, такъ это отрицательной работѣ Ц. К. надъ приспособленіемъ размѣровъ партіи къ своимъ собственнымъ удобствамъ, къ своей дѣеспособности, мѣшаетъ сведенію числа членовъ партіи къ тому числу агентовъ, которое можетъ въ данный моментъ употребить Ц. К.

Можетъ показаться, что разъ формула Мартова не мѣшаетъ Ц. К. организовать свои функціи по „Письму къ товарищу“, то и формула Ленина, сама по себѣ, даже при строгомъ проведеніи, произвела бы въ партіи только словесный разгромъ, простое переименованіе тѣхъ соціальдемократовъ, которые раньше считали себя членами партіи, въ членовъ „движенія“, что ли, или какъ-нибудь иначе. Но на самомъ дѣлѣ, за этимъ словеснымъ различіемъ скрывается глубокое различіе въ пониманіи, что такое партія, въ самомъ отношеніи въ партіи.

Намъ всѣмъ случается, употребляя слово „партія“ въ узкомъ, искусственномъ смыслѣ этого слова (основалась въ 1898 г., состоитъ изъ такихъ то комитетовъ и проч.), забывать изъ-за него о партіи въ естественномъ и широкомъ смыслѣ, хотя до такого полнаго игнорированія партіи въ этомъ второмъ смыслѣ, какое обнаруживаетъ Ленинъ и его (пріобрѣтенное послѣ съѣзда) эхо, едва ли кто доходилъ. Это забвеніе осталось у насъ, какъ наслѣдіе тѣхъ временъ, когда строились кружки и организаціи и называли себя партіями, но не было той дѣйствительной партіи, которая теперь есть и которой нельзя построить ни сверху, ни снизу, нельзя ни создать, ни даже уничтожить однимъ рѣшеніемъ съѣзда, хотя терзать и ослабить при продолжительныхъ стараніяхъ, конечно, можно.

Хорошая организація можетъ чрезвычайно усилить партію и помочь ея росту, но складываться настоящая, живая партія начинаетъ и помимо организаціи простымъ противопоставленіемъ себя, т. е. людей, одинаково думающихъ и чувствующихъ, тѣмъ, кто думаетъ и чувствуетъ иначе. Въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова нашу партію можно опредѣлить, какъ ту часть (partie, Partei, party) все сильнѣе волнующихся за послѣднія десять лѣтъ слоевъ населенія Россіи, которую соціальдемократія успѣла захватить на свою долю всей совокупностью своей теоретической и практической борьбы, борьбы не въ Россіи только, а въ цѣлой Европѣ, начиная не съ перваго или второго съѣзда, а съ самаго Маркса.

Всю эту, не построенную какимъ-нибудь центромъ, а „произвольно“ существующую и растущую партію Ленинъ всецѣло отбрасываетъ въ „движеніе“, выдѣляя изъ него лишь группу заговорщиковъ, вербующихъ себѣ то или иное количество агентовъ.

На слова Мартова, что для него „заговорщицкая организація имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ широкая соціальдемократическая рабочая партія“, Ленинъ возражаетъ, что слѣдовало сказать: „поскольку ее облекаетъ широкое соц.-демократическое рабочее *„движеніе“*“ (курсивъ Ленина „Шагъ“ стр. 43). Мартовъ имѣлъ въ виду *людей*, составляющихъ партію, а движеніе — это различныя проявленія настроенія, взглядовъ, чувствъ населенія.

Движеніе постольку и становится соціальдемократическимъ, поскольку выдѣляетъ изъ себя элементы С.-Д. Р. П. Въ современной Россіи, движеніе какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и среди интеллигенціи существовало бы и въ томъ случаѣ, если бы не было на свѣтѣ ни одного соціальдемократа. Оно бы только проявилось и выразилось нѣсколько иначе. Движеніе — революціонное движеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова — идетъ на пользу всѣмъ, кто ищетъ себѣ сторонниковъ. Подъ его могучимъ дѣйствіемъ начинаютъ рости дремавшіе зародыши всякихъ партій, оно гальванизируетъ даже патріотически-монархическія чувствованія.

Главной задачей организованнаго ядра партіи является именно всасываніе возможно большей части движенія въ партію, закрѣпленіе ее за партіей. Да — не только радоваться — добиваться должны мы того, чтобы весь слой рабочихъ, изъ котораго выходятъ подсудимые по процессамъ о стачкахъ и демонстраціяхъ, думалъ, чувствовалъ и говорилъ: „наша партія, мы — часть партіи, я — членъ партіи“, хотя бы и не всѣ они выдержали тотъ экзаменъ, о которомъ говорилъ тов. Павловичъ (прот. стр. 248). Вѣдь при строгости экзаменаторовъ можно бы провалить и иного делегата съѣзда. Важно, чтобы всѣ эти рабочіе считали дѣла партіи своими собственными, чувствовали себя отвѣтственными за нихъ, не предъ Ц. К., а предъ самими собою. Отъ интеллигенціи требуется, конечно, полное знаніе и пониманіе программы, но, несомнѣнно, мы можемъ только радоваться, когда хорошія организаціи студентовъ и даже гимназистовъ стремятся стать частью нашей партіи.

Этотъ партійный патріотизмъ принадлежитъ, конечно, къ „невѣсомымъ величинамъ“ (Imponderabilien, по выраженію Каутскаго), но безъ него въ воздухѣ виселъ бы нашъ „заговоръ“. Разъ всѣ права на партію, а, слѣдовательно, и всѣ обязанности, вся отвѣтственность сосредоточены въ узкомъ кругѣ руководителей, стоящемъ лицомъ къ лицу лишь съ „движеніемъ“, пассивно берущимъ *наши*, (а не „свои“) листки, идущимъ на *наши* демонстраціи, то это не закрѣпленное за нами движеніе въ минуту разстройства въ центрѣ партіи, въ минуту бѣды и неудачи легко можетъ пойти и за другими. Удержать его можетъ только широко распространенный партійный патріотизмъ *членовъ партіи*.

Партійная организація должна быть замкнутымъ цѣлымъ, ея двери должны запираться изнутри и открываться, сообразуясь не со стремленіемъ стучащихся, а съ потребностями работы. Вступленіе въ партійную организацію можно, пожалуй, сравнить съ „чиномъ“. Но членство въ партіи ни въ какомъ случаѣ не чинъ, а право гражданства. Необходимо объективное мѣрило, объективныя условія, исполняя которыя соціальдемократъ можетъ реализовать это право. Плохо дѣло, если это право перестаетъ быть привлекательнымъ, если за нимъ „не гонятся“. Это означало бы, или утрату соціальдемократіей притягательной силы по отношенію къ движенію, переходъ этой силы къ какой-нибудь другой партіи, либо ослабленіе самаго движенія.

Партія, въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, на своей постоянно расширяющейся периферіи не можетъ не быть „расплывчатой“. Формула Мартова ни въ какомъ случаѣ не расширяетъ — какъ говоритъ Ленинъ — а опредѣляетъ и тѣмъ самымъ суживаетъ понятіе членства партіи, но она суживаетъ его цѣлесообразнымъ образомъ, отграничивая отъ партіи какъ тѣхъ, кто раздѣляетъ лишь часть нашихъ стремленій, такъ и людей, раздѣляющихъ эти стремленія чисто платонически, безъ дѣйствительнаго желанія помочь ихъ осуществленію. Она ставитъ искусственный барьеръ предъ той нейтральной полоской, на которой растущая партія естественно всасываетъ въ себя элементы движенія, но ни одного уже сложившагося соціальдемократа, желающаго работать въ партіи, она за бортъ не выбрасываетъ.

По „идеѣ“, выраженной въ формулировкѣ Ленина, на первое время въ партіи остались бы только утвержденные съѣздомъ комитеты и избранные члены Ц. К., которымъ предстояло начать строить свой агентурный аппаратъ[1]) по „Письму къ товарищу“.

„Какое содержаніе этой страшной, на первый взглядъ, фразы: выбросить за бортъ?“ спрашиваетъ Ленинъ и отвѣчаетъ утвержденіемъ, что люди, которые не войдутъ въ партійную организацію (а, слѣдовательно, и въ партію), могутъ работать въ непартійной. „О выбрасываніи за бортъ, въ смыслѣ отстраненія отъ работы, отъ участія въ движеніи не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи“ (стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 51), возражая на утвержденіе Аксельрода, что правовѣрнымъ кружкамъ и лицамъ, подчиняющимся постановленіямъ центровъ партіи, нельзя запретить никакими декретами называться соціальдемократами и считать себя частью партіи, тов. Ленинъ говоритъ, что запрещать называться соціальдемократами нельзя и незачѣмъ, запретить же считать себя частью партіи можно и и должно.

---

[1]) До съѣзда самъ Ленинъ думалъ, что на постройку требуются годы (см. послѣднія строки „Письма къ товарищу“) и только на съѣздѣ увѣровалъ въ „прохожденіе этаповъ“ простымъ подниманіемъ рукъ къ верху.

считаетъ истиннымъ взглядомъ Маркса и съ чѣмъ самъ онъ безусловно соглашается:

„Уничтоженіе мелкаго производства, составлявшаго прежде господствовавшую форму, создаетъ пролетаріевъ, наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе развивается капиталистическое производство на развалинахъ ремесла, тѣмъ болѣе уменьшается для наемнаго рабочаго возможность добиться независимости отъ эксплуатаціи и отъ порабощенія капиталомъ въ качествѣ изолированнаго производителя на основѣ частной собственности; тѣмъ болѣе усиливается его стремленіе (у Каутскаго сказано даже сильнѣе: Verlangen. Г. П.) уничтожить частную собственность. Такъ возникаютъ съ силой естественной необходимости вмѣстѣ съ пролетаріатомъ соціалистическія тенденціи какъ у самихъ пролетаріевъ, такъ и у тѣхъ, которые становятся на точку зрѣнія пролетаріата“.[1])

Каутскій прибавляетъ: „такъ объясняется возникновеніе соціалистическихъ стремленій“. И въ самомъ дѣлѣ, оно объясняется именно такъ. И это объясненіе и представляетъ собой тотъ „прямой уголъ“, ту искомую истину, которая вполнѣ согласна съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи и одинаково далека отъ „острыхъ угловъ“ односторонности, свойственной какъ Ленину, такъ и „экономистамъ“. Пролетаріатъ вовсе не есть „Матерія“, неизвѣстно кѣмъ осужденная на вращеніе въ заколдованномъ кругѣ „трэдъ-юніонизма“ и могущая выйти изъ этого круга лишь съ помощью „Духа“, „бациллы“, „интеллигенціи“. Нѣтъ! Влекомый непобѣдимой силой современныхъ общественныхъ отношеній, онъ и самъ болѣе или менѣе быстро движется въ направленіи къ *соціализму*, онъ и самъ обнаруживаетъ *соціалистическія стремленія*. Но „бацилла“ можетъ ускорить движеніе, сдѣлать его болѣе осмысленнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ; она можетъ сыграть въ высшей степени полезную воспитательную роль въ средѣ борющагося съ классомъ капиталистовъ пролетаріата. И въ этомъ ея великое историческое значеніе.

Группа „Освобожденіе Труда“, соціальдемократическіе взгляды которой сложились *въ прямой зависимости* отъ „стихійнаго роста рабочаго движенія“, всегда приписывала „бациллѣ“ именно это значеніе. Она всегда оставалась вѣрной марксизму также и въ этомъ отношеніи. И вотъ почему „ликвидація четвертаго періода“ нашего движенія, — характеризующагося вліяніемъ ленинской метафизики, подобно тому, какъ „третій періодъ“ его характеризуется вліяніемъ „экономизма“, — должна будетъ состоять, между прочимъ, въ томъ, чтобы подняться, наконецъ, до теоретической точки зрѣнія этой группы. Это скоро увидятъ даже совсѣмъ близорукіе.

Такъ-то, „твердые“ товарищи! Вы сами, надѣюсь, видите теперь, что вашъ „диктаторъ“ здорово, и — нечего грѣха таить! — постыдно промахнулся. Или вы всетаки не видите этого? Ну, такъ читайте еще.

По поводу того же проекта программы австрійской партіи Каутскій говорилъ на съѣздѣ этой партіи въ Вѣнѣ, въ послѣполуденномъ засѣданіи 4-го ноября 1901 года.

„Вѣрно то, что рабочее движеніе само изъ себя не можетъ породить соціальдемократическую мысль. Рабочее движеніе порождаетъ соціалистическій инстинктъ, оно порождаетъ въ пролетаріатѣ потребность въ соціализмѣ, потому что пролетарій все болѣе чувствуетъ, что своими единичными силами, какъ отдѣльная личность, онъ не можетъ придти къ обладанію средствами производства. Но теоретическое пониманіе, необходимое для того, чтобы привести къ ясному сознанію этотъ инстинктъ, вышло не изъ среды пролетаріата, потому что у пролетаріата отсутствовали всѣ необходимыя для этого условія научной работы. Это убѣжденіе родилось въ головахъ буржуазныхъ ученыхъ, имѣвшихъ достаточно честности и безпристрастія, чтобы не ослѣплятьcя нуждами буржуазіи. Всѣ наши первые и великіе соціалисты принадлежали къ этому слою: Сэнъ-Симонъ, Фурье, Лассаль, Марксъ, Энгельсъ. Но ихъ теоріи остались бы простыми теоріями, если бы слой даровитыхъ пролетаріевъ не передалъ ихъ массѣ пролетаріата, если бы онѣ не оплодотворили рабочаго движенія и не сплавились въ одно цѣлое съ нимъ.“[1])

Эти слова прежде всего показываютъ, что — по мысли Каутскаго и вопреки уже слишкомъ хорошо знакомому намъ невѣрному мнѣнію Ленина, — соціалистическая теорія развивалась отнюдь не „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“. Каутскій прямо заявляетъ: „Изъ соединенія рабочаго движенія съ соціалистической теоріей возникъ новый, соціальдемократическій образъ мыслей, при развитіи котораго не только рабочіе учились у соціалистическихъ теоретиковъ, но и соціалистическіе теоретики у рабочихъ“.[2]) Кромѣ того, рѣчь Каутскаго на съѣздѣ австрійской партіи показываетъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать сказанное имъ прежде о внесеніи соціалистической мысли „извнѣ“ въ среду пролетаріата. „Извнѣ“ вносится *именно только ясное сознаніе, только научная теорія*, а историческое движеніе *за предѣлы трэдъ-юніонизма*, — вмѣстѣ съ порождаемымъ имъ *„соціалистическимъ инстинктомъ“*, — вызывается самимъ положеніемъ пролетаріата и родится въ собственной средѣ этого класса. Оказывается, значитъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той самой мыслью Каутскаго, которую мы уже встрѣтили въ томъ мѣстѣ его книги противъ г. Бернштейна, гдѣ онъ говоритъ, какъ надо понимать относящійся къ этому вопросу взглядъ Маркса. Но здѣсь онъ высказываетъ ее по другому поводу и потому даетъ ей другую формулировку. Прежде онъ писалъ, что капитализмъ порождаетъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и соціалистическія стремленія какъ у самихъ пролетаріевъ, такъ и у тѣхъ людей высшихъ классовъ, которые становятся на ихъ точку зрѣнія; теперь онъ говоритъ, что соціалистическія стремленія пролетаріевъ, не будучи освѣщены соціалистической теоріей, остаются *инстинктомъ* и не достигаютъ *соціальдемократической сознательности*. Новая формулировка, пожалуй, менѣе удачна, чѣмъ старая, потому что въ нее закрались нѣкоторыя неточности и неясности; напримѣръ, Фурье совсѣмъ не принадлежалъ къ буржуазнымъ ученымъ, а Сэнъ-Симона можно причислить къ нимъ лишь съ оговоркой. Не совершенно ясно, что именно надо понимать подъ соціалистическимъ инстинктомъ въ его противоположности соціалистическому сознанію, такъ какъ въ общественной психологіи не легко провести границу между инстинктомъ и сознаніемъ. Но это для насъ здѣсь не важно. Намъ надо было знать, имѣлъ-ли право Ленинъ ссылаться на Каутскаго для подтвержденія своей мысли, и мы ясно видимъ теперь, что такого права у него совсѣмъ не было.

„Инстинктивный соціализмъ“ долженъ, по мнѣнію Каутскаго, вести къ *соціальной революціи*. И даже не только *„инстинктивный соціализмъ“*. Въ своемъ спорѣ съ г. Бернштейномъ Каутскій высказываетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что борьба классовъ въ капиталистическомъ обществѣ своей собственной неумолимой логикой должна *даже враждебныхъ соціализму* пролетаріевъ поставить передъ такими задачами, рѣшеніе которыхъ „поразитъ капиталистическій способъ производства въ самое сердце“.[1]) И это же убѣжденіе, цѣликомъ заимствованное имъ у Маркса и Энгельса, лежитъ въ основѣ его сочиненія „Die soziale Revolution“, переведеннаго на русскій языкъ *подъ редакціей Ленина*. Вотъ собственныя слова Каутскаго: „Я хотѣлъ знать, какія послѣдствія *необходимо* (mit Nothwendigkeit) выростаютъ изъ политическаго господства пролетаріата въ силу его классовыхъ интересовъ и нуждъ производства, совершенно независимо отъ той теоретической основы, на которой стоялъ бы пролетаріатъ во время своей побѣды. Такимъ образомъ я именно устранялъ при этомъ всякое предположеніе о вліяніи на пролетаріатъ соціалистическихъ ученій. (Слушайте, „твердые“, слушайте! Г. П.) Въ началѣ моего изслѣдованія я прямо ставлю вопросъ: какъ долженъ будетъ пролетаріатъ воспользоваться своею властью? Не то, чего *захочетъ* онъ на основаніи той или другой теоріи или того или другого настроенія, но то, что онъ *долженъ* будетъ предпринять, движимый своими классовыми интересами и силой экономической необходимости.“[2])

Довольно. Ленинъ не понялъ ни Каутскаго, ни Энгельса, ни Маркса, т. е. вообще онъ не понялъ научнаго соціализма въ его отношеніи къ этому вопросу. *И это его непониманіе представилось ему въ видѣ неспособности пролетаріата выйти за предѣлы „трэдъ-юніонизма“, который, къ тому же, изображается имъ, какъ нѣчто упавшее съ неба въ законченномъ видѣ, разъ навсегда данное и неизмѣнное*[3]).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Г. Плехановъ.

---

[1]) Bernstein und das sozialdemokratische Programm, Stuttgart 1899, стр. 53.

[1]) Protokoll über die Verhandlungen des Gesammtparteitages der Sozialdem. Arbeiterpartei Oesterreichs abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901. s. 124.

[2]) Тамъ же, та же стр.

[1]) Bernstein etc. S. 180.

[2]) Die Neue Zeit, 22 Jahrg. Bd. I № 19, S. 591.

[3]) На вопросъ, почему я не обнаружилъ его заблужденія тотчасъ же по выходѣ его надѣлавшей такъ много шуму, но въ сущности очень слабой во всѣхъ отношеніяхъ брошюры, *отвѣчаетъ окончаніе второй половины этой статьи*, къ которому я и отсылаю читателя.

Итакъ, „выброшенному за бортъ“ большинству партіи, всѣмъ этимъ „самозачислявшимся“ въ нее Мартовскимъ „стачечникамъ“ и Аксельродовскимъ правовѣрнымъ интеллигентамъ нельзя запретить ни соединяться въ организаціи, ни работать, ни вліять на движеніе. Но ихъ должно отдѣлить (нравственно отдалить) отъ партіи запрещеніемъ считать ее своей партіей, а себя — ея частью; должно сдѣлать для нихъ необязательными всѣ резолюціи партіи, всѣ ея рѣшенія и постановленія (на это указывалъ еще на съѣздѣ тов. Русовъ), должно сдѣлать необязательной и самую программу. Нельзя и незачѣмъ, впрочемъ, запрещать имъ называться соціальдемократами, считать себя частью соціальдемократіи. Слѣдуетъ вспомнить, однако, что нельзя запретить этого не только имъ, а нельзя никому: ни бернштейніанцамъ и „идеалистамъ“, которыхъ не мало развелось около легальной литературы, ни „чистымъ экономистамъ“, которые легко могутъ возродиться при первой же заминкѣ политической борьбы, ни чистѣйшимъ демократамъ, часто отличающимся величайшимъ равнодушіемъ ко всѣмъ теоріямъ, но могущимъ увлечься предполагаемой способностью соціальдемократовъ выводить рабочихъ на улицы. И всѣхъ этихъ оппортунистическихъ волковъ вы искусственно объединяете однимъ именемъ, однимъ правовымъ положеніемъ, по отношенію къ „партіи“, съ ея резервной арміей, благодаря которой только и возможна безпрерывность работы партіи при безчисленныхъ арестахъ.

Формулировка Мартова обвинялась въ отпираніи двери, черезъ которую могутъ пробраться оппортунисты. Ленинъ не замѣчаетъ, что, отгородивъ и заперевъ двойными засовами маленькій уголокъ партіи, гдѣ засѣли бы, по предположенію, самые твердые изъ правовѣрныхъ „искровцевъ“, онъ, тѣмъ самымъ, выбрасываетъ въ открытое поле, гдѣ свободно рыщутъ всѣ волки „оппортунизма“, всю остальную, менѣе твердую на его взглядъ, массу соціальдемократовъ. Какъ вамъ кажется: соотвѣтствуетъ ли такая „концепція“ централизму, хотя бы самому твердому, въ цѣли котораго, кромѣ всевластія центра, должно же входить и объединеніе партіи? Но мы опять забыли, что для Ленина существуетъ не партія, а лишь его планъ „построенія партіи“, исходя изъ того „центра“, въ которомъ находится авторъ плана.

Итакъ, какой же именно „идеѣ“ Ленина былъ нанесенъ ущербъ вотомъ съѣзда по § 1 устава? Да все той же, отмѣченной въ первыхъ же рѣчахъ сторонниковъ формулировки Мартова: „идеѣ“ игнорированія партіи, „выбрасыванія ея за бортъ“ ради устройства заговора.

Но при свѣтѣ погони за „реваншемъ“ выступаетъ другая субъективная сторона той же идеи, объясняющая въ свою очередь бѣшенство этой погони. Партія для Ленина — это его „планъ“, его воля, руководящая осуществленіемъ плана. Это — идея Людовика XIV: L'état c'est moi — партія это я, Ленинъ.

В. Засуличъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Когда же конецъ? Изъ Иркутскаго уѣзда сообщаютъ: Съ предпослѣдней партіей, прошедшей въ Якутскъ, вышла скверная исторія. Конвойный офицеръ оказался мерзавцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы конвойные привели къ нему въ 1 ч. ночи одну ссыльную, Вейнерманъ. Солдаты отказались, и унтеръ офицеръ послалъ телегр. своему начальнику, что ему отдаются незаконныя приказанія. Бригадный генералъ смѣнилъ офицера и послалъ на смѣну другого офицера. Но до пріѣзда вновь назначеннаго офицера разыгралась трагедія. Офицеръ вновь потребовалъ уже отъ другихъ конвойныхъ, чтобы къ нему привели Вейнерманъ. Новые конвойные оказались сговорчивѣе, и (тутъ начинается область догадокъ, такъ какъ мы встрѣтили по дорогѣ солдатъ, которые провожали партію до Витима, а случай произошелъ дальше въ селѣ Нохтуйскомъ) и потащили ее. Изнасиловалъ ли онъ ее или нѣтъ, неизвѣстно: знаемъ только, что офицера убили, что послѣ произошла свалка съ солдатами, и что убитъ со стороны ссыльныхъ Шацъ и раненъ Минскій.

Только что мы получили слѣдующее подлинное письмо одного изъ участниковъ новой трагедіи, написанное до ея окончательной развязки:

7 іюня, 30 верстъ отъ Витима.

Четвертаго іюня въ с. Чечуйскомъ на остановкѣ произошло слѣдующее. Мы сдали Женю Гиршфельдъ, слѣдовавшую въ Непу; она вернулась къ паузку съ однимъ политикомъ. Поручикъ Сикорскій приказалъ конвойнымъ не пускать насъ къ нимъ, прогнать ихъ. Мы бросились навстрѣчу, съ паузка на берегъ прямо по водѣ. Конвой требовалъ выстроиться на повѣрку, билъ прикладами и штыками, загонялъ въ воду и тѣснилъ въ паузокъ. Либерманъ получилъ глубокую рану штыкомъ въ бокъ, Шинкаревская штыкомъ въ руку, Лившицу пробита голова, Либерману голова въ трехъ мѣстахъ, болѣе мелкое некогда теперь писать. Когда стали бросать съ паузка полѣнья, солдаты открыли стрѣльбу надъ нашими головами, выпустивъ болѣе тридцати пуль, такъ какъ нѣкоторые стрѣляли по два раза. О болѣе мелкихъ столкновеніяхъ до и послѣ Чечуйска сейчасъ писать некогда — ждемъ нападенія. Вотъ текстъ телеграммы, которую отправимъ со станка, до котораго еще пять верстъ, если удастся: „Срочная. Петербургъ. Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Копія. Иркутскъ. Генералъ-Губернатору. Поручикъ запаса Сикорскій, сопровождающій отдѣльнымъ паузкомъ партію политическихъ, вышедшую Александровска 15 мая, производитъ самыя возмутительныя издѣвательства надъ всѣми, особенно женщинами. 4 іюня, вызвавъ политическую Ревекку Вайнерманъ на свой паузокъ, заперъ двери, дѣлалъ гнусныя предложенія, предлагая деньги, грозя силой. Снявъ дверной крючекъ, Вайнерманъ вырвалась, сопровождаемая гнусными ругательствами. Седьмого іюня три часа ночи черезъ солдатъ Полканова и Боразова приказалъ привести Вайнерманъ немедленно, хотя бы связанную, сопровождая приказаніе циничными указаніями, какъ бить ее, остальныхъ политическихъ удерживать ударами прикладовъ и штыковъ. Приказаніе пока не исполнено. Поручикъ настойчиво повторяетъ приказаніе. Отношенія обостренныя. Предлагаемъ Вашему Высокопревосходительству обезопасить насъ отъ позорящихъ выходокъ, поступковъ офицера. Малѣйшее проявленіе насилія вызоветъ самое отчаянное сопротивленіе. Староста партіи Лурье“.

Сикорскій грозилъ сѣчь ее и т. д., сѣчь всѣхъ насъ по очереди, всего передавать некогда. Мы рѣшили всѣ умереть, но не допустить ни до розогъ (онъ хочетъ вызывать для этого къ себѣ на паузокъ), ни до насилія надъ женщинами. Конвой ночью отказался исполнить распоряженіе офицера, но что будетъ, когда онъ начнетъ имъ грозить, не знаемъ. О родѣ и способѣ нашей защиты и смерти вы узнаете изъ факта, если намъ не удастся доплыть мирно до Витима (30 верстъ осталось), или если въ Витимѣ не будутъ приняты достаточныя мѣры для нашей охраны. Я пишу это, чтобы знали въ чемъ дѣло. Посылая, быть можетъ, послѣдній привѣтъ, прошу передать его отъ всѣхъ всѣмъ товарищамъ, друзьямъ и роднымъ.

Въ нашей партіи теперь политиковъ, рѣшившихъ бороться (изъ Александровска выѣхали съ нами не принадлежащіе къ товариществу: Райхеръ съ семьей, Корисскій, Инякинъ и Фураевъ — эти, конечно, бороться не будутъ.) 28 человѣкъ:

1) **Минскій Маркъ, на 4 г., по дѣлу Томск. инт.** 2) Лурье **Михаилъ, по дѣлу Симф. с.-д. Ком., на 8 л., студ. Одесс. унив.** 3) Шацъ Наумъ, на 4 г., наборщикъ, по Варш. и Вилен. дѣлу Бунда. 4) Слуцкина Татьяна, до приговора, по дѣлу Екат. с.-р. Ком., дантистка. 5) Рѣшетовъ Егоръ, на 5 л., слесарь-конторщикъ, по дѣлу Иркут. с.-д. Ком. 6) Либерманъ Левъ, на 3 г., по Варш. дѣлу Бунда, инт. 7) Домостроевъ Николай, на 3 г., по Тиф. с.-д. Ком., домаш. учитель. 8) Гиндинъ, на 4 г. по Бакинск. с.-д., слесарь. 9) Таубинъ Давидъ, на 3 г., по Кіев. с.-д. 1900 г., слесарь. 10) Рубинштейнъ Яковъ, на 4 г., по Киш. с.-д. дѣлу Юж. гр., маляръ. 11) Сысинъ Алексѣй, на 4 г., по Нижегор. с.-д. Ком., ст. Моск. ун. 12) Рузеръ Леонъ, на 4 г., по д. Одесс. дем. 1902 г., учен. зубоврач. школы. 13) Микша Осипъ, на 3 г., за устр. побѣга, сапожникъ. 14) Законъ Хаимъ, на 3 г., по Варшав. дѣлу Бунда, жестянникъ. 15) Михлинъ Соломонъ, на 3 г., по дѣлу Симфер. с.-д. Ком., портной. 16) Розенфельдъ Борисъ, на 3 года, по Варш. дѣлу Бунда, кожевникъ. 17) Баскинъ Абрамъ, до приговора, по Одесс. с.-р. дѣлу. 18) Болотинъ Акимъ, на 5 л., по Моск. с. д. дѣлу, литейщикъ. 19) Китаевъ Иванъ, на 4 г., по Ивано-Вознес. с. д. дѣлу, слесарь. 20) Кирилловъ Михаилъ, на 4 года, по Екат. с.-д. дѣлу, слесарь. 21) Бернштейнъ Александръ, на 4 г., по Одесс. с.-д. Ком., загран. студ. 22) Этингофъ Абрамъ, на 3 г., по Витеб. с.-д. дѣлу. 23) Шинкаревская Рахиль, на 3 г., по дѣлу Южн. Раб., портниха. 24) Лившицъ Ной, на 3 г., по Варш. дѣлу Бунда, литографщикъ. 25) Вейнерманъ Ревекка, на 3 г., фармацевтка изъ Ковно. 26) Каганъ Лиза, на 3 г., по Виленскому дѣлу Бунда, перчаточница. 27) Дашевскій Ефимъ, на 5 л., по Елизаветград. с.-д. дѣлу, слесарь. 28) Биндеръ Давидъ, на 5 л., по Одесс. с.-р. дѣлу, столяръ.

По этому же поводу пишутъ: Сикорскій успѣлъ зарекомендовать себя въ опредѣленномъ смыслѣ уже давно и зарекомендовать настолько, что даже здѣшнее офицерство (иркутское), далеко не отличающееся особой разборчивостью, отказалось принять его въ свою среду, когда онъ въ качествѣ запасного былъ призванъ въ настоящую мобилизацію на дѣйствительную службу. Сикорскій прекрасно понималъ свою миссію, когда брался за обязанности конвойнаго офицера: еще здѣсь въ Иркутскѣ онъ открыто грозилъ „свернуть „ихъ“ въ бараній рогъ“. Понимало, очевидно, и начальство, что оно дѣлаетъ, назначая конвойнымъ офицеромъ такого человѣка, какъ Сикорскій.

Бѣшенство администраціи противъ политическихъ все усиливается. На дняхъ, при отправкѣ вольнослѣдующихъ женъ, всѣмъ имъ безъ исключенія произвели самый нахальный и оскорбительный обыскъ. Всѣ вещи были въ буквальномъ смыслѣ слова истерзаны. Допрашивали о каждой стклянкѣ, о каждомъ лоскуткѣ. Пользуясь безотвѣтностью жертвы, палачъ всегда становится нахальнѣй. Терроръ противъ политиковъ вошелъ уже окончательно въ систему; какъ видно изъ послѣдняго факта, онъ растетъ не только въ глубь, но и вширь.

Продажа Россіи. Распродажа Россіи съ молотка начинается. Подписанъ русско-германскій торговый договоръ, отдающій производителей русскаго хлѣба, и прежде всего, конечно, крестьянъ, на потокъ и разграбленіе нѣмецкимъ аграріямъ. Колоссально повышенныя таможенныя ставки на хлѣбъ, въ концѣ концовъ, будутъ переложены частью на потребителя — нѣмецкаго рабочаго, частью на производителя — русскаго крестьянина.

За сколько серебренниковъ произведена эта „патріотическая“ продажа? Это еще вопросъ. *Но во всякомъ случаѣ союзъ царя съ нѣмецкими аграріями не можетъ не быть направленнымъ къ усиленію европейской реакціи.* Кенигсбергскій процессъ, учащающіеся случаи обратнаго водворенія нѣмецкой полиціей въ Россію дезертировъ и эмигрантовъ — показываютъ отчасти характеръ того вознагражденія, которое получаетъ самодержавный Іуда.

Однако, достигая трогательнаго единенія съ померанскими баронами, самодержавіе подсѣкаетъ другой сукъ, на которомъ сидитъ — свой кредитъ у буржуазіи. Интересы нѣмецкой промышленности должны на столько пострадать отъ высокой пошлины на хлѣбъ, что нѣмецкая буржуазія — трусливая, какъ всякая буржуазія, и надѣявшаяся не на свои силы, а на невыгодность и непріемлемость договора для Россіи — ни мало не можетъ порадоваться новому доказательству „дружбы“ русскаго царя. А рядъ пораженій на войнѣ, разоблаченія Кенигсбергскаго процесса, вѣсти о настроеніи въ Россіи, убійство Плеве — все это начинаетъ внушать сомнѣніе въ кредитоспособности царскаго правительства.

И вотъ, органъ германскихъ биржевиковъ, „Berliner Tageblatt“, пишетъ: „Какъ извѣстно, въ настоящее время дѣлаются попытки заключить въ Германіи новый русскій заемъ... Въ своемъ послѣднемъ обозрѣніи мы уже говорили... что германскій денежный рынокъ и германскіе капиталисты должны обусловить свое участіе въ новомъ русскомъ займѣ *водвореніемъ культуры въ Россіи вмѣсто варварства...*“ Затѣмъ газета упоминаетъ, что агенты русскаго министерства финансовъ *постоянно* указываютъ на обширность Россіи и ея естественныхъ богатствъ; но, возражаетъ „Berliner Tageblatt“, „господство произвола въ русской политической жизни тяжелымъ гнетомъ ложится на промышленность и торговлю“. Отмѣтивъ признаки надвигающейся русской революціи, газета кончаетъ новымъ напоминаніемъ не давать Россіи денегъ, если не будетъ введена конституція.

Вотъ хорошее начало! Еще одинъ, и, быть можетъ, самый чувствительный, ударъ русскому самодержавію! Но если народъ не вмѣшается активно въ этотъ процессъ крушенія самодержавія, оно, конечно, разоритъ и распродастъ по клочкамъ всю Россію раньше, чѣмъ принесетъ на алтарь кредита свой деспотизмъ.

Новыя авантюры. Ньючвангъ взятъ японцами, и стоявшая тамъ канонерка „Сивучъ“ взорвана; на Мотіенлинскомъ перевалѣ и при Дашичао — сильнѣйшія пораженія съ потерею тысячъ убитыхъ и раненыхъ; два русскихъ парохода и контръ-миноносецъ сдались въ плѣнъ японскому флоту; Портъ-Артуръ — на волоскѣ; Куропаткинъ съ главными силами русской арміи, быть можетъ, наканунѣ Седана... Вотъ сколько новыхъ лавровъ вплело самодержавіе въ свой „побѣдный“ вѣнокъ за двѣ недѣли, и вотъ сколько крови стоилъ за этотъ короткій срокъ царизмъ русскому народу! Будетъ ли народъ ждать, пока самодержавіе захлебнется въ крови его? Допуститъ ли онъ, чтобы льющаяся потокомъ изъ его ранъ кровь новою жизнью вливалась въ дряхлое и гнилое тѣло самодержавія?

Самодержавіе для своего спасенія, конечно, ни передъ какими потоками народной крови не остановится. Попавши въ капканъ на Дальнемъ Востокѣ, оно безумно мечется, стараясь хоть на часъ отсрочить минуту своей гибели. Оно не остановилось даже передъ попыткой вызвать европейскую войну въ придачу азіатской.

Такой именно попыткой были разбойничьи подвиги крейсеровъ Добровольнаго Флота, прошедшихъ подъ торговымъ флагомъ Дарданеллы и лишь въ открытомъ морѣ обратившихся въ военныя суда. Захватъ пароходовъ нейтральныхъ державъ имѣлъ цѣлью вызвать конфликтъ съ однимъ изъ европейскихъ государствъ и втянуть, такимъ образомъ, въ войну связанную договорами „союзную“ Францію. Но французская буржуазія, охотно получающая проценты на деньги, ссужаемыя царственному „другу“, не имѣетъ, однако, ни малѣйшей охоты ставить свое существованіе на карту во имя сохраненія трона Романовыхъ. Вотъ почему при первыхъ же шагахъ самодержавія по пути новой авантюры, Франція категорически отказалась поддерживать русское правительство, и ему пришлось униженно покаяться передъ Англіей. Пока судьба страны въ рукахъ самодержавной шайки, каждый день можно ждать новыхъ кровавыхъ осложненій. Самодержавный звѣрь раненъ: надо прикончить его!

По дорогѣ въ Манджурію (изъ писемъ слѣдующихъ *на войну*). „... Солдаты въ Самарѣ ѣли картофель, а то все время питались кислой отвратительной капустой, полученной въ даръ отъ Москвы“. — „9-го іюня. Сегодня въ послѣдній разъ солдаты ѣли на продовольственномъ пунктѣ. Былъ безобразный супъ и каша съ сквернымъ саломъ. Господа интенданты, пользуясь своими правами, могутъ дѣлать, что имъ заблагоразсудится. Можно вписать въ книги, что обѣдъ тамъ-то и тамъ-то былъ плохъ, ну и только. Послѣ кампаніи разберутъ, а солдаты пока изволь кушать“... „10-го іюня. Сегодня ротный отхлесталъ рядового за то, что тотъ остался недоволенъ обѣдомъ“. „11-го іюня. 1000 дагестанцевъ ѣдутъ добровольцами. Жалованье рядовымъ 20 руб. въ мѣсяцъ, фельдфебелю — 40 р... Ѣдятъ преимущественно баранину. Купятъ барана (а, може, и стянутъ), зарѣжутъ кинжалами и тутъ же, гдѣ-нибудь на станціи, на вольномъ воздухѣ жарятъ шашлыкъ. Фуражъ для лошадей больше крадутъ... Офицеры у нихъ преимущественно пропившіеся гвардейцы, отребья культуры, имъ вручены въ распоряженіе эти дѣти природы. Признаться, съ такими соратниками вести дѣла рискованно: чуть что — и они тебя кинжалами въ бокъ. По дорогѣ многіе изъ нихъ уже успѣли подраться и поранить другъ друга“. „14-го. Вечеромъ напали на ротнаго. Найдено средство немножко и на него подѣйствовать. Еще прежде, когда были на продовольственномъ пунктѣ, когда были скверные обѣды, говорили ему: „смотрите, у солдатъ откроется кровавый поносъ, и вы потеряете всю команду“. Подъ вліяніемъ этого, онъ два дня готовилъ въ походной кухнѣ. Сегодня настращали его, говоря, что солдаты пристрѣлятъ его въ походѣ за дурное обращеніе; примѣры этому бывали въ турецкую кампанію“.

Новыя чудеса въ перспективѣ. Газеты сообщаютъ, что въ Казани украдена чудотворная икона Божьей Матери. Мы готовы биться объ закладъ, что тутъ готовится новое чудо, въ дополненіе къ недавнимъ чудесамъ Серафима Саровскаго. Въ концѣ концовъ выйдетъ, что икона не похищена, а „сама ушла“ на театръ военныхъ дѣйствій. И тогда уже держись, „япошки“: Богородица быстро сведетъ на нѣтъ все ихъ военное искусство!

Одесса. Въ іюнѣ собраніемъ 286 рабочихъ, созванныхъ мѣстнымъ комитетомъ Партіи, принята резолюція противъ войны. Резолюція, разобравъ очень обстоятельно характеръ современной войны и политики царизма, заканчивается требованіемъ „немедленнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій и созыва земскаго собора, свободно выбраннаго путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, для дальнѣйшаго управленія страной и опредѣленія ея внѣшней политики. Высказываясь такъ, мы выражаемъ свою полную готовность всѣми силами способствовать комитету въ дѣлѣ распространенія имъ этихъ взглядовъ среди самыхъ широкихъ массъ рабочихъ путемъ печатной и устной агитаціи, устройства мелкихъ и крупныхъ собраній и подготовкой массовыхъ демонстрацій“.

Принятію резолюціи предшествовали рѣчи нѣсколькихъ ораторовъ. По прочтеніи ея раздались возгласы: „долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода!“, слившіеся съ звуками „Варшавянки“.

Резолюція черниговскихъ рабочихъ по поводу войны.

„Мы, черниговскіе организованные рабочіе, на собраніи въ 100 человѣкъ единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

Раздѣляя стремленія всего борющагося россійскаго пролетаріата и съ ненавистью относясь къ россійскому самодержавному правительству, которое, для удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ капиталистовъ и укрѣпленія своихъ основъ, расшатанныхъ борьбой россійскаго пролетаріата, проливаетъ моря народной крови, мы съ ужасомъ и отвращеніемъ смотримъ на то гнусное и кровавое дѣло, которое совершается на Дальнемъ Востокѣ.

Позоромъ клеймимъ мы существующій капиталистическій строй и нераздѣльно связанное съ нимъ чудовище — милитаризмъ.

Всѣ тѣ темныя силы, которыя угнетаютъ нашу родину, которыя окружили насъ кольцомъ безправія и произвола, не въ состояніи помѣшать намъ выразить свою братскую солидарность японскимъ товарищамъ-соціальдемократамъ въ той борьбѣ, которую они, какъ одинъ изъ отрядовъ великой арміи всемірнаго пролетаріата, ведутъ противъ существующаго капиталистическаго строя и возгорѣвшейся войны на Дальнемъ Востокѣ, не могли помѣшать намъ присоединиться къ восторгу всѣхъ россійскихъ соціальдемократовъ по поводу Вашего привѣтствія, дорогіе японскіе товарищи!

Долой милитаризмъ!
Да здравствуетъ всемірная соціальдемократія!
Да здравствуетъ братство народовъ!
Долой россійское самодержавіе!

Минскъ. Въ субботу 19 іюня у насъ состоялось собраніе изъ 60-70 еврейскихъ и русскихъ рабочихъ. Ораторъ, посланный мѣстной группой Партіи, говорилъ на тему: „Война, внутренній кризисъ и задачи россійскаго пролетаріата“. Собраніе прошло очень оживленно. Говорили, кромѣ того, о террорѣ, о сопротивленіи полиціи на демонстраціяхъ, о требованіяхъ соціальдемократіи и ея программѣ. Въ концѣ собранія была принята резолюція, въ которой собраніе выражаетъ свой протестъ по поводу войны, выражаетъ свою братскую солидарность съ японскимъ пролетаріатомъ и призывъ къ тому, чтобы россійскій пролетаріатъ активно постарался способствовать прекращенію войны, требуя созыва учредительнаго собранія.

Настроеніе въ массѣ очень бодрое, и много разговоровъ по поводу собранія. На послѣднемъ пѣли пѣсни и закончили его возгласами: „долой самодержавіе! да здравствуетъ демократическая республика! да здравствуетъ соціализмъ! да здравствуетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія!“

Незадолго до этого времени были распространены у насъ „Извѣщенія Сѣверо-Западнаго Комитета“, произведшія очень хорошее впечатлѣніе. Въ цѣломъ рядѣ кружковъ и сходокъ выяснялось значеніе Сѣв.-Зап. Ком. и разбиралось его извѣщеніе. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ собраніяхъ разбирался національный вопросъ и выходъ Бунда изъ Партіи. Въ данный моментъ въ кружкахъ, кромѣ регулярной пропагандистской работы, выясняется современное положеніе вещей: о войнѣ, кризисахъ и т. д.

Минская Группа Р. С. Д. Р. П.

Бобруйскъ (отъ мѣстной группы). Въ воскресенье, 27-го іюня на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ сіонисты служили панихиду по д-рѣ Герцлѣ (вождѣ сіонистовъ). Сіонисты, видно, готовились къ скандалу; соціальдемократы же, какъ „партійные“, такъ и „бундовцы“, ничего не замышляли и явились туда, какъ зрители. Сначала все было хорошо: говорилъ ораторъ, служили панихиду. Но вотъ канторъ запѣлъ молитву за царя. Это было совершенно неожиданно для соціальдемократовъ, потому что громаднѣйшее число присутствовавшихъ сіонистовъ были такъ называемые „Пойалей Ціонъ“ (рабочіе-сіонисты), которые ужъ сколько времени кричатъ, что они, а не соціальдемократы, самые „чистые“ соціалисты. Въ этомъ мы имъ повѣрили еще меньше, чѣмъ соціалистамъ-революціонерамъ, но послѣ того, какъ громаднѣйшее количество сіонистскихъ фракцій включило въ свою программу политическую борьбу, отъ нихъ можно было ожидать большей политической порядочности. Вполнѣ естественно, что соціальдемократы не могли и не хотѣли удержаться, и все кладбище огласилось криками: „долой самодержавіе!“ и пронзительными свистками. И вотъ произошло нѣчто характерное: мѣстный П. Ц. г. Кутнеръ скомандовалъ: „Б. О. (Боевой Отрядъ) впередъ!“, а приставъ крикнулъ: „наши сюда!“, и хорошо вооруженные сіонисты, безъ различія фракцій, подъ командой *пристава* и г. *Кутнера* (будущаго одесскаго студента) бросились на безоружныхъ соціальдемократовъ. Произошла отчаянная свалка. Соціальдемократовъ было приблизительно въ 5 разъ меньше сіонистовъ, но всё таки они себя въ обиду не дали. Крики: „долой самодержавіе!“ перемѣшивались съ криками: „да здравствуетъ самодержавіе! да здравствуетъ сіонизмъ! долой соціалистовъ! да здравствуетъ полиція!“ Какова идиллія! Возмутительнѣе всего, что *сіонисты хватали соціальдемократовъ и передавали полиціи для ареста*. Полиція, однако, никого не арестовала, и дѣло обошлось безъ жертвъ. Въ ночь съ 29-го на 30-ое іюня полиція арестовала здѣсь человѣкъ 18 на пирушкѣ. При нѣкоторыхъ, говорятъ, были револьверы.

Прошу напечатать слѣдующую поправку: въ № 66 „Искры“ напечатано, что мѣстная группа образована рабочими, отколовшимися отъ Бунда. Это не точно. Она образована исключительно русскими рабочими, кромѣ одного еврейскаго, и только когда группа рѣшила начать работу и среди евреевъ, къ намъ перешли отколовшіеся. На дняхъ у насъ было собраніе еврейскихъ рабочихъ. Послѣ реферата о войнѣ была единогласно вынесена резолюція, протестующая противъ войны и требующая созыва земскаго собора.

Архангельскъ. 19 іюня изъ мѣстной тюрьмы выпущенъ политическій ссыльный К. И. Покровскій, просидѣвшій всего два съ небольшимъ мѣсяца. Обвинялся онъ по 252 ст. п. 3 и 4 (составленіе и храненіе прокламацій). Пока оставленъ здѣсь. Выпущенъ послѣ врачебнаго освидѣтельствованія, установившаго, что онъ боленъ.

24 іюня часовъ въ девять вечера былъ произведенъ обыскъ у Маянца (политическаго ссыльнаго), у котораго сидѣло еще двое знакомыхъ. Обыскъ производила полиція, потребовавшая какой то ящикъ (?). Взято 3-4 письма. Подъ окномъ во дворѣ найдены 3 №№ „Освобожденія“ (47, 48, 49). Ящика никакого не найдено. Никто не арестованъ.

15-16 іюня былъ произведенъ обыскъ въ г. Пинегѣ (Арх. губ.) у Ю. Г. Кокъ (пол. ссыл.), при чемъ найдена прокламація, писанная гектографскими чернилами. 26-го утромъ, по телеграммѣ изъ Архангельска, онъ былъ арестованъ, при чемъ ему даже не дали надѣть пальто, несмотря на свѣжую погоду, и повезли въ Архангельскъ. Дорогой ему въ теченіе чуть не полутора сутокъ удалось только выпить стаканъ чаю съ хлѣбомъ. Въ Холмогорахъ, пока исправникъ спалъ, урядникъ предложилъ ему сѣсть въ какой то невозможный клоповникъ, а, получивъ отказъ, пригласилъ „на помощь“ 9 мужиковъ и при ихъ содѣйствіи втолкнулъ его въ этотъ клоповникъ. Въ происшедшей свалкѣ Кокъ былъ довольно сильно помятъ, и у него пропало золотое кольцо. Въ настоящее время онъ посаженъ въ тюрьму, и свиданія ему не разрѣшены, такъ какъ всѣ жандармы отправились по уѣздамъ, вѣроятно, для обысковъ и арестовъ.

Не такъ давно появились двѣ прокламаціи гектографированн. за подписью „Бѣломорскій союзъ соц.-демократовъ“. Мѣсто выхода не обозначено.

Въ № 66 „Искры“ было сказано, что въ Архангельскѣ вышли двѣ первомайскихъ прокламація. Одна за подписью „Группа ссыльныхъ Дальняго Сѣвера“ другая — „Группа сознательныхъ рабочихъ“. Сюда, вѣроятно, вкралась описка или опечатка. Подписи, на самомъ дѣлѣ, были такія: „Группа соціальдемократовъ Дальняго Сѣвера“ и „Группа сознательныхъ рабочихъ соц.-демократовъ“.

27 іюня здѣсь объявленъ призывъ на службу запасныхъ нижнихъ чиновъ по флоту. Патріотизма не замѣтно, въ семьяхъ плачутъ и ругаютъ полицію, которая съ 2 часовъ ночи на 27 іюня начала разыскивать подлежащихъ призыву и надѣлала не мало тревоги. Директоръ-распорядитель „Товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства“ П. И. Виттъ, какъ говорятъ, подалъ на высочайшее имя прошеніе объ отсрочкѣ призыва, такъ какъ въ противномъ случаѣ придется прекратить рейсы.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. Кризисъ, вызванный войной во многихъ мѣстахъ Россіи, еще не коснулся непосредственно бакинской промышленности, но уже начинаетъ давать о себѣ знать рабочимъ. Во-первыхъ, рабочіе, выброшенные на улицу въ другихъ городахъ, въ поискахъ работы попадаютъ и въ Баку. — и тѣмъ увеличиваютъ здѣсь число ищущихъ работы. И если и профессіональному рабочему, какъ токарю, слесарю и т. д. съ каждымъ днемъ становится труднѣе находить работу, то о чернорабочихъ нечего и говорить. Широкихъ размѣровъ безработица здѣсь еще не пріобрѣла, — но время это не за горами.

Мѣстный сатрапъ Накашидзе былъ лишь предусмотрителенъ, когда торопился оповѣстить царицынскихъ и астраханскихъ рабочихъ о возможной безработицѣ въ Баку. Правда, не безработица была при этомъ двигающимъ импульсомъ губернаторскихъ оповѣщаній, а забота о собственномъ спокойствіи. Если безработные вообще неспокойный элементъ, то скопленіе ихъ въ Баку съ его безпокойной атмосферой можетъ быть чревато послѣдствіями. — Капиталисты — тѣ учитываютъ предстоящую и отчасти имѣющую мѣсто безработицу. Одни изъ нихъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, стараются отдѣлаться отъ „крамольниковъ“; другіе, какъ Биби-Эйбатскій промыселъ, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ требуютъ отъ всякаго вновь поступающаго рабочаго записки изъ жандармскаго управленія. На Каспійскомъ промыслѣ (что на Биби-Эйбатѣ), какъ только появляется новый человѣкъ просить мѣста, тотчасъ же освѣдомляются, не знаетъ ли онъ кого-нибудь на этомъ промыслѣ, — и если у него оказывается хоть одинъ или двое знакомыхъ, то о поступленіи его не можетъ быть и рѣчи. Правда, капиталисты забываютъ при этомъ, что не личныя знакомства, а общіе интересы соединяютъ рабочихъ въ крѣпкую боевую силу противъ гнета правительства и капиталистовъ. И вообще, чего-чего только капиталисты не дѣлаютъ, чтобы, гдѣ и когда возможно, прижать рабочихъ. Обставляя болѣе или менѣе прилично мастеровъ, устраивая для нихъ сносныя квартиры, давая имъ топливо и воду со льдомъ, администрація совершенно не заботится о всѣхъ остальныхъ промысловыхъ рабочихъ, — по большей части, несчастныхъ, забитыхъ татарахъ. Такое неравное отношеніе къ своимъ рабочимъ наблюдается у капиталистовъ на каждомъ шагу. Недавно былъ пожаръ на Каспійскемъ промыслѣ. Владѣлецъ наградилъ однихъ лишь мастеровъ за „вѣрную службу“, а остальные рабочіе, которые усерднѣе другихъ спасали на пожарѣ хозяйское добро, ничего не получили. Подобные случаи, возможные и въ другое время, теперь будутъ встрѣчаться все чаще и чаще. На промыслѣ „Олеумъ“ (на Биби-Эйбатѣ) масленщики прошлогодней всеобщей забастовкой добились квартирныхъ денегъ. Теперь владѣлецъ этого промысла постепенно увольняетъ этихъ рабочихъ, а новымъ не даетъ квартирныхъ денегъ. На электрической силѣ, чтобы не выдавать квартирныхъ денегъ, нанимаютъ рабочихъ не помѣсячно, а на недѣлю, на двѣ.

Иваново-Вознесенскъ. Наша соціальдемократическая организація сильно окрѣпла и развилась за послѣднее время. Теперь и иваново-вознесенскіе рабочіе могутъ повторять: „ничего съ нами не подѣлаешь!“ Организація раскинулась и на сосѣднія села и деревни. На агитаціонныя собранія сходятся рабочіе сотнями и революціонныя пѣсни разносятся далеко по окрестнымъ деревнямъ.

Возвращались рабочіе съ такой масовой сходки и видятъ несутся на нихъ десятки всадниковъ. „Казаки!“ Что же рабочіе? разбѣжались по лѣсу? Нѣтъ! Они стали за кучей камней и вооружились булыжниками. Всадники оказались не казаками, а гуляющими представителями мѣстной буржуазіи. Какими глазами они посмотрѣли другъ на друга!

„Ничего съ ними не сдѣлаешь!“ — говоритъ начальство и выдвигаетъ... зубатовскаго агента Игнатія Волкова, члена Петербургскаго „Собранія“, представителемъ котораго, какъ извѣстно, является отецъ Георгій Гапонъ. Волковъ распространяетъ уставъ этого „Собранія“, собираетъ рабочихъ и пишетъ прокламаціи, которыя вызываютъ хохотъ среди рабочихъ.

„Личность“ этого „товарища“ достаточно уже извѣстна и. боюсь, что ей придется много пострадать... Зубатовство отжило свой вѣкъ...

Иваново-Вознесенскъ. 13-го іюня ивановскіе организованные рабочіе встрѣтились съ казаками.

Подъ Ивановымъ протекаетъ рѣка Уводь. Тамъ, гдѣ она пересѣкаетъ мѣстность, называемую Сластиха, стоитъ небольшая мельница. Дорога черезъ плотину ведетъ мимо огородовъ въ густой лѣсъ. Въ этомъ лѣсу часто собирались организованные рабочіе.

Полиція знала это, и полицейскіе агенты шныряли по огородамъ и по берегу рѣки, рѣдко рѣшаясь заглядывать въ лѣсъ. Не разъ уже рабочіе учили здѣсь скромности этихъ любознательныхъ господъ, примѣняя методъ обученія, давно уже *въ теоріи* отвергнутый современной педагогіей. Эти агенты имѣютъ, повидимому, довольно тѣсныя сношенія съ огородникомъ, который вмѣстѣ съ своими рабочими (ихъ у него человѣкъ 15) обнаруживалъ самое враждебное отношеніе „къ какой то цѣлой партіи“. Маленькія групповыя собранія они прямо разгоняли. 13 іюня вечеромъ нѣсколько сотъ рабочихъ собрались на Сластихѣ въ лѣсу. Когда начали уже расходиться, на собраніе явились два запоздавшіе товарища, сильно избитые огородниками. Страшно возбужденные, обливаясь кровью, они сказали собранію, что полиція натравила на нихъ огородниковъ. Значительная часть рабочихъ не могла сдержать своего негодованія и бросилась къ огородникамъ. Началось избіеніе огородниковъ: однихъ побросали въ рѣку, другіе, избитые, разбѣжались, кто куда. Рабочіе вломались въ домъ хозяина-огородника и произвели полный разгромъ: двери, оконныя рамы, вѣнскіе стулья, столы, посуда, — все разбито въ куски. (Теперь огородникъ подалъ по начальству „на соціалистическую партію“ счетъ въ 145 руб.) Женщинъ, дѣтей и болѣе цѣнное имущество (скотъ, сундуки съ добромъ) рабочіе не тронули.

Проучивъ по своему огородника, рабочіе снова ушли въ лѣсъ. Черезъ часъ, полтора начали расходиться группами. Въ это время лѣсъ оцѣпили казаки. Появились ихъ лазутчики. Увидѣвъ, что осталось всего человѣкъ сорокъ рабочихъ, казаки рѣшились на аттаку. Товарищи забаррикадировались, какъ могли, и оказали мужественное сопротивленіе. Самъ атаманъ (такъ зовутъ мѣстнаго вахмистра) попалъ въ руки товарища-женщины, которая сволокла его съ лошади. Пришлось казакамъ отступить. Спѣшившись, они пошли, сабли наголо, въ новую аттаку. Сильно досталось рабочимъ, досталось и казакамъ. Роману Семенчикову перерубили шашкой два пальца, одинъ казакъ отправленъ въ больницу.

Казаки захватили въ плѣнъ нѣсколько товарищей, связали ихъ и жестоко надъ ними издѣвались. Одну дѣвушку выволокли за волосы изъ лѣсу и били кулаками и нагайками по плечамъ и по лицу. Наловили, кромѣ того, въ лѣсу съ десятокъ пьяныхъ прикащиковъ и посторонней публики (дѣло было въ воскресенье). Плѣнныхъ отвели черезъ городъ въ тюрьму. Они пѣли революціонныя пѣсни, и большая толпа сочувствующихъ шла за ними слѣдомъ. Въ тюрьмѣ казаки снова начали бить и били такъ, что Семенчиковъ, напримѣръ, два часа пролежалъ безъ сознанія. Въ слѣдующіе дни большинство выпустили за отсутствіемъ уликъ. Осталось въ тюрьмѣ только четверо.

Въ тюрьмѣ пѣли революціонныя пѣсни и кричали „долой самодержавіе!“ Отъ какихъ бы то ни было показаній всѣ въ одинъ голосъ отказались. Теперь оставшихся по одному разсылаютъ въ разныя тюрьмы. Клавдія Карякина (при ней нашли литературу) въ Покровъ, Василій Ивановъ (поднадзорный) во Владиміръ, Романъ Семенчиковъ въ Шую и Василій Голубевъ въ Ковровъ. Послѣ этого событія рабочіе снова собирались уже два раза на массовыя сходки. Обсуждали все происшедшее и выражали глубокое негодованіе по поводу учиненныхъ казаками насилій надъ связанными беззащитными товарищами. „Съ плѣнными японцами обращаются, какъ съ людьми, а съ нами обращаются хуже, чѣмъ съ собаками!“ Впервые ивановцы оказали сопротивленіе вооруженной силѣ. Въ прежніе года, говорятъ старики, тысячи стачечниковъ разбѣгались передъ казацкой нагайкой, а теперь уже не то...

Послѣ этой исторіи полные негодованія рабочіе повели свое дѣло еще живѣе. Рабочіе сознаютъ, что при этомъ столкновеніи надѣлали кучу ошибокъ и что легко могли бы избѣжать всякихъ жертвъ. Чувствуется громадный недостатокъ въ опытныхъ сознательныхъ руководителяхъ. Требуютъ листковъ и литературы...

Ростовъ на Дону. Въ Ростовской тюрьмѣ въ настоящее время находится рабочій Тихонъ Терещенко, обвиняемый въ покушеніи на убійство мастера завода Пастухова — Солодовникова, извѣстнаго здѣсь подъ прозвищемъ „Качалы-Мочалы“. Терещенко содержится на положеніи „уголовнаго“ и преданъ окружному суду. Дѣло его будетъ разбираться въ октябрѣ сего года. Въ нашемъ распоряженіи имѣются довольно интересныя показанія Солодовникова, данныя имъ на слѣдствіи.

Вотъ какъ разсказываетъ самъ Солодовниковъ исторію этого покушенія: „1 декабря 1903 г., гдѣ я работаю, въ 6 час. веч. данъ былъ гудокъ объ окончаніи работы... Я отправился домой...“ Описавъ рядъ улицъ, по которымъ онъ проходилъ, Солодовниковъ продолжаетъ: „недоходя до угла... мнѣ повстрѣчались два человѣка, — одинъ прошелъ мимо съ права, другой слѣва. Я шелъ съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ... Я поднялъ фонарь и озиралъ въ лицо парня, проходившаго слѣва, и хорошо узналъ въ лицо Тихона Терещенко. Я былъ всего въ двухъ шагахъ отъ него и видѣлъ Терещенко въ упоръ и хорошо знаю, что это былъ онъ. — Терещенко произнесъ: „вотъ!“ Сказалъ онъ это своему товарищу, шедшему съ права. Послѣдняго я совсѣмъ не разсмотрѣлъ. Соображая, что готовится нападеніе, я прибавилъ шагу. Терещенко и товарищъ сейчасъ же повернули вслѣдъ за мной... Я хотѣлъ добраться скорѣе до перекрестка Екатерининской улицы, но не дошелъ, когда преслѣдовавшій меня началъ стрѣлять въ меня. Онъ стрѣлялъ на разстояніи трехъ саженъ. Онъ далъ два выстрѣла, а за тѣмъ третій. Однимъ выстрѣломъ я былъ раненъ въ ногу. Я упалъ и кричалъ... Стрѣлявшій побѣжалъ... Товарища Терещенко я видѣлъ лишь мелькомъ и по росту, а также по инымъ обстоятельствамъ... предполагаю, что это былъ Иванъ Лисицынъ. Интересна характеристика, которую Солодовниковъ даетъ Терещенкѣ: „я думаю, что Терещенко и Лисицынъ стрѣляли въ меня изъ мести за то, что я уволилъ ихъ съ завода... это очень дерзкіе молодые люди. Оба очень вольнодумны, много о себѣ думаютъ (! и составляютъ кружокъ лицъ, занимающихся политической пропагандой. У нихъ на заводѣ среди рабочихъ и среди молодежи имѣется всегда кружокъ, очень интересующійся прокламаціями, устройствомъ стачекъ, вопросомъ объ образѣ правленія и о религіи. Терещенко и Лисицынъ — люди этого кружка. И они мстятъ мнѣ, какъ я думаю, не столько отъ себя, сколько отъ лица своихъ единомышленниковъ... Я подозрѣвалъ Терещенко въ распространеніи прокламацій... затѣмъ я видѣлъ Терещенко разсуждающимъ съ рабочими о чемъ то въ часы, когда надо было работать... Я не разъ видѣлъ, что онъ сидѣлъ въ рабочіе часы и читалъ газеты...“ Дальше излагается, при какихъ обстоятельствахъ Т. былъ уволенъ. Въ другомъ мѣстѣ Солодовниковъ разсказываетъ: „Рабочіе завода Пастухова меня ненавидѣли, проявленій ненависти было много. Кромѣ подметныхъ писемъ съ угрозами, было еще письмо съ угрозой, но я его разорвалъ. Однажды ночью въ 1903 году кто то съ улицы бросилъ большой камень въ мое окно, камень влетѣлъ въ комнату и опрокинулъ стулъ. Затѣмъ раза три мою парадную дверь обливали карболовой кислотой. Кислота съѣдала краску и портила платье. Однажды кто то меня облилъ въ церкви сѣрной кислотой. Въ другой разъ облили сѣрной кислотой мою куртку, висѣвшую на заводѣ во время работы. 9 февраля 1904 года, когда я возвращался въ 6 час. веч. съ завода съ проводникомъ, на меня снова было нападеніе, неизвѣстно кто стрѣлялъ въ меня почти въ упоръ изъ револьвера. Три пули застряли при этомъ въ пальто, а я какъ то остался невредимъ. Отъ полковника Карпова, жандармскаго офицера, я знаю, что обо мнѣ имѣется напечатанное въ тайной типографіи стихотвореніе, въ которомъ меня поносятъ за мое отношеніе къ рабочимъ. Въ настоящее время, въ виду настроенія рабочихъ, я рѣшился покинуть Ростовъ“.

Этотъ собственный разсказъ Солодовникова довольно ярко характеризуетъ этого мерзавца.

Карачевъ. Орлов. губ. Недѣли двѣ тому назадъ на пеньковыхъ трепальняхъ, принадлежащихъ мѣстнымъ богачамъ: Бойцову, Дракину (одни фамиліи чего стоятъ!!) и др. вспыхнули безпорядки, въ которыхъ участвовали болѣе 1000 рабочихъ, недовольныхъ пониженіемъ заработной платы. Толпа разгромила квартиры хозяевъ, подожгла склады пеньки. Впрочемъ, когда распространился слухъ, что пенька выгодно застрахована, ее поспѣшила погасить. Волненія были вполнѣ стихійныя. Въ тотъ же день они стихли сами собой, такъ что прибывшія на другой день войска были уже не нужны. У мѣстнаго (Орловскаго) комитета нѣтъ здѣсь никакихъ связей, и движеніе было совершенно не использовано.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВОЕ ПОРАЖЕНІЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИЦІИ.

Втеченіе послѣдняго года трогательная дружба, связывающая нѣмецкую полицію съ русской, проявилась въ рядѣ насильственныхъ актовъ по отношенію къ русскимъ революціонерамъ и ихъ нѣмецкимъ товарищамъ. Арестъ Красикова и Щеколдина, высылка десяти русскихъ изъ Германіи, рѣчи министровъ въ рейхстагѣ, наконецъ, обыски и аресты среди нѣмецкихъ соціальдемократовъ въ Восточной Пруссіи, вѣроятно, еще свѣжи въ памяти нашихъ читателей. На дняхъ этотъ походъ завершился самымъ крупнымъ актомъ: въ Кенигсбергѣ разбирался процессъ девяти прусскихъ гражданъ, обвинявшихся въ принадлежности къ тайному сообществу и въ государственной измѣнѣ. Вкратцѣ исторія этого дѣла такова: въ ноябрѣ прошлаго года, вслѣдствіе доноса *свободомыслящихъ* газетъ, произведены были обыски у нѣкоторыхъ лицъ въ Мемелѣ, при чемъ была обнаружена русская нелегальная литература и нѣсколько человѣкъ арестовано. Нѣсколько позже полиція передала нѣсколько брошюръ, взятыхъ таможенными чиновниками изъ посылки на имя кенигсбергскаго соціальдемократа Новагроцкаго, русскому консулу статс. сов. Выводцеву, съ просьбою дать свое заключеніе, не содержится ли въ брошюрахъ чего-нибудь опаснаго. Консулъ опасность обнаружилъ и перевелъ въ доказательство нѣсколько цитатъ, по выраженію прокуратуры, „кровожаднаго содержанія“. На основаніи этого, Новагроцкій былъ арестованъ. Найденная у него и въ Мемелѣ переписка дала поводъ къ привлеченію еще нѣсколькихъ лицъ въ Восточной Пруссіи и въ Берлинѣ. Такимъ образомъ создался процессъ.

По германскимъ законамъ распространеніе и контрабандная перевозка соціальдемократической литературы не наказуемы, а потому для построенія обвиненія пришлось прибѣгнуть къ очень мудреному юридическому хитросплетенію. Германское уголовное уложеніе, какъ, впрочемъ, и русское, знаетъ особый видъ преступленія: принадлежность къ тайному сообществу, независимо отъ его цѣлей, образа дѣйствій и т. д. Правда, высшее судебное учрежденіе Германіи — „Reichsgericht“ — неоднократно разъяснило, что при этомъ подразумѣвается стремленіе сообщества воздѣйствовать на общественныя отношенія въ Германіи, однако, и при такомъ толкованіи соотвѣтствующій параграфъ закона оказывается очень растяжимымъ или, какъ говорятъ нѣмцы, — „каучуковымъ“. Этимъ параграфомъ и воспользовалась прокуратура для обвиненія. Но этого ей показалось мало: она привлекла къ дѣлу еще и статью о государственной измѣнѣ, въ понятіе которой германское уголовное право включаетъ и дѣйствія, направленныя къ измѣненію государственнаго строя внѣзаконными способами. Это преступленіе наказуемо и въ томъ случаѣ, если оно направлено противъ существующаго строя дружественной державы, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы законодательство послѣдней обезпечивало взаимность и чтобы обвиненіе было возбуждено самимъ заинтересованнымъ правительствомъ; самостоятельно же начать процессъ прокуратура не имѣетъ права. Вслѣдствіе этого, прусское министерство *предложило* русскому правительству возбудить преслѣдованіе противъ указанныхъ выше девяти прусскихъ гражданъ, что послѣднее и не преминуло сдѣлать черезъ своего посланника въ Берлинѣ, который представилъ при этомъ переводъ статей русскаго закона, гарантирующихъ Германіи взаимность. Такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ выступили два обвинителя: правительство германское и правительство русское.

Съ первыхъ же шаговъ судебнаго разбирательства обвинители фактически превратились въ обвиняемыхъ. Трудно себѣ представить что либо возмутительнѣе обстановки, въ которой создавался и протекалъ процессъ, и дѣйствій обоихъ правительствъ, его инсценировавшихъ. За все время предварительнаго слѣдствія обвиняемымъ и ихъ адвокатамъ, несмотря на настойчивыя требованія, не только не сообщено было содержаніе инкриминируемыхъ брошюръ, но даже не названы ихъ *заголовки*. Отобранныя посылки были перепутаны полиціей и слѣдователями такъ, что на судѣ невозможно было даже установить, что у кого было взято. Обвинительный актъ, обнимающій 200 писанныхъ листовъ, врученъ былъ только за пять дней до разбирательства дѣла: прокуратура не попыталась даже изслѣдовать юридическія основы обвиненія и провѣрить сооообщенныя ему русскими дипломатическими чиновниками данныя, на которыхъ это обвиненіе было построено. Оба прокурора, участвовавшіе въ судебномъ разбирательствѣ, прибѣгали во время послѣдняго къ самымъ некрасивымъ уловкамъ по отношенію къ обвиняемымъ и ихъ защитникамъ, вродѣ внезапнаго вытаскиванія на свѣтъ божій фактовъ, о которыхъ не упоминалось ни единымъ словомъ ни во время предварительнаго слѣдствія, ни въ обвинительномъ актѣ; пользовались лживыми доносами реакціонной газеты „Post“, старались подтасовать русской соціальдемократіи террористическія намѣренія и т. п. Впрочемъ, прокурорамъ всѣхъ странъ свойственны подобныя дѣйствія и удивляться тутъ нечему. Но казалось бы, въ странѣ конституціонной, въ странѣ съ „прочнымъ правопорядкомъ“, какъ любитъ выражаться наши либералы, предсѣдатель суда и самый его составъ должны бы держаться въ рамкахъ строжайшей безпартійности. Но и въ этомъ отношеніи прусская юстиція оказалась отнюдь не на высотѣ положенія. Предсѣдатель явно тянулъ руку прокуратуры, предоставляя ей полную возможность за уши притянуть данныя для обвиненія и стѣсняя въ то же время защиту въ ея стремленіи всесторонне освѣтить юридическую и политическую сторону дѣла. Кромѣ того, онъ отнюдь не пытался скрыть своей ненависти къ соціальдемократамъ, каковыми признали себя семь изъ девяти обвиняемыхъ и большинство свидѣтелей защиты; дѣлалъ явно пристрастныя замѣчанія; позволялъ себѣ оскорбительныя выходки по отношенію къ соціальдемократіи, вызвавшія рѣзкій отпоръ со стороны защитника Гаазе и свидѣтеля — столяра Линде. Судъ простеръ, наконецъ, свою пристрастность до того, что въ то время, какъ всѣ свидѣтели обвиненія были приведены къ присягѣ, большинство свидѣтелей защиты были допрошены безъ присяги въ виду ихъ, якобы, симпатіи (Begünstigung) къ обвиняемымъ, чѣмъ на ихъ показанія какъ бы набрасывалась тѣнь недостовѣрности. Если принять во вниманіе, что въ подготовленіи процесса само прусское министерство юстиціи принимало живѣйшее участіе, то придется признать, какъ это дѣлаютъ даже всѣ буржуазно-либеральныя газеты Германіи, что прусское правосудіе выказало себя въ этомъ дѣлѣ съ самой позорной стороны.

Но еще неизмѣримо большимъ позоромъ покрыло себя наше самодержавное чиновничество. Ибо если прусскіе министры и судьи оказались виновными въ небрежности судопроизводства, пристрастіи къ подсудимымъ, наконецъ, въ рабьей угодливости по отношенію къ царизму, то русская бюрократія, въ лицѣ такихъ высокопоставленныхъ представителей, какъ генеральный консулъ въ Кенигсбергѣ и посланникъ въ Берлинѣ, *не остановились передъ прямымъ подлогомъ и обманомъ* для защиты своего неправаго дѣла. Переводъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ отобранныхъ у обвиняемыхъ брошюръ, сдѣланный русскимъ консуломъ въ Кенигсбергѣ, переводъ, на которомъ основано было все обвиненіе, оказался совершенно искажающимъ смыслъ подлинника. И на прямой вопросъ защитника: „гдѣ напечатана переведенная вами фраза?" консулъ Выводцевъ ничего не могъ отвѣтить, а только лихорадочно перевертывалъ листы брошюры и смущенно молчалъ. Предсѣдатель сдѣлалъ попытку выручить оскандалившагося чиновника указаніемъ на спѣшность, съ которой онъ долженъ былъ дать отчетъ о книжкахъ, но для всякаго ясно было, что „представитель русскаго государственнаго начала" хотѣлъ ввести въ обманъ нѣмецкій судъ. Второй, еще худшій подлогъ, учиненъ былъ тѣмъ же консуломъ, но на этотъ разъ еще утвержденъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ. На запросъ о гарантіяхъ взаимности, предоставляемыхъ русскимъ законодательствомъ, эти почтенные представители императорскаго правительства привели переводъ статей 241, 249 и 260 русскаго уложенія, изъ которыхъ первая говоритъ о покушеніяхъ противъ жизни, здравія и чести императора, вторая — о заговорѣ съ цѣлью насильственнаго переворота и третья — о наказуемости однородныхъ преступленій, направленныхъ противъ государственнаго строя другихъ державъ. При этомъ они сознательно умолчали о томъ, что ст. 241 имѣетъ въ виду только оскорбленіе величества *дѣйствіемъ*, ибо о словесномъ и письменномъ говорятъ статьи 245 и 246, затѣмъ, что составленіе и распространеніе противоправительственныхъ изданій карается по ст. 251, а не 249, а для всѣхъ этихъ трехъ статей ст. 260 *гарантіи не даетъ*. Наконецъ, въ 260 ст. опущена была фраза: „въ случаѣ, если существуетъ договоръ о взаимности или опубликованный спеціальный законъ". По справкѣ оказалось, что ни договора, ни закона не имѣется. И сильное волненіе господствовало въ залѣ суда, когда адвокаты устанавливали съ непреложной очевидностью этотъ обманъ русскихъ чиновниковъ.

Но центральнымъ пунктомъ процесса, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, явились показанія экспертовъ и свидѣтелей, вызванныхъ защитой для освѣщенія общественныхъ порядковъ Россіи, противъ которыхъ борется литература, бывшая объектомъ судебнаго разбирательства. Главными изъ этихъ свидѣтелей были бывшій профессоръ Томскаго университета Рейснеръ и шарлоттенбургскій соціальдемократъ В. Бухгольцъ, родившійся и прожившій большую половину своей жизни въ Россіи. Первый изъ нихъ подробно, но въ объективномъ академическомъ тонѣ изложилъ правовыя условія жизни въ Россіи и охарактеризовалъ культурное состояніе нашего отечества, второй, главнымъ образомъ, остановился на безчинствахъ русскихъ администраторовъ и показалъ, какимъ образомъ правительственныя звѣрства и беззаконія создаютъ психологическую основу для террористическихъ актовъ. Такъ просты и очевидно правдивы были показанія этихъ двухъ свидѣтелей, что судъ, въ отступленіе отъ принятой имъ системы, увидѣлъ себя вынужденнымъ привести ихъ къ присягѣ. Такимъ образомъ, все россійское безправіе, вся политика насилія, лжи и грабежа самодержавнаго режима, вся его гнусная, антикультурная роль были подъ присягой засвидѣтельствованы въ судебномъ засѣданіи. И когда „Vorwärts" въ своей передовицѣ восклицалъ: „передъ судомъ стояла Россія, Россія царя-батюшки, Россія абсолютизма и насилія, Россія угнетеннаго и подавленнаго благороднаго народа, Россія кнута и кровавой безчеловѣчности", — ни одна изъ буржуазныхъ газетъ не посмѣла вступиться, не посмѣла отрицать и того, что вмѣстѣ съ оффиціальной Россіей къ позорному столбу была выставлена и оффиціальная Пруссія, танцующая на заднихъ лапкахъ передъ международнымъ жандармомъ и оказывающая ему грязныя услуги.

Таковы „обвинители" Кенигсбергскаго процесса, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отшатнется вся культурная Европа. Другую картину представляли „обвиняемые"[1]. За исключеніемъ двухъ, — совершенно темныхъ контрабандистовъ, это — убѣжденные соціальдемократы, въ большинствѣ рабочіе, скромные члены партіи. Они держатся съ большимъ достоинствомъ, не отрицаютъ, что помогали русскимъ товарищамъ, но, наоборотъ, считаютъ это своимъ партійнымъ долгомъ. При всемъ томъ „виновными" себя не признаютъ, ибо считаютъ самый фактъ преслѣдованія ихъ незаконнымъ. На вопросъ о цѣляхъ соціальдемократіи они просто, ясно и разумно излагаютъ ея основные принципы и категорически утверждаютъ, что ихъ русскіе товарищи во всѣхъ своихъ взглядахъ стоятъ на почвѣ международной пролетарской партіи. Они считаютъ своимъ полнымъ правомъ не называть именъ и законспирировывать свои дѣйствія, въ виду происковъ русскихъ шпіоновъ заграницей и въ виду дружбы, питаемой къ нимъ нѣмецкой полиціей. Ихъ нравственное превосходство было въ глаза всѣмъ присутствующимъ; освободительная и культурная работа, совершаемая соціальдемократіей въ лицѣ всѣхъ ея работниковъ до самаго скромнаго рядового, предстала въ ихъ рѣчахъ во всемъ ея міровомъ значеніи. И тѣмъ цѣннѣе это свидѣтельство, что на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли не вожди, не руководители движенія, а именно эти маленькіе, незамѣтные рядовые, имя которымъ легіонъ. Пролетаріатъ всего міра и его авангардъ, международная соціальдемократія, съ полнымъ правомъ можетъ гордиться такими представителями. Мы же, русскіе соціальдемократы, обязаны имъ еще благодарностью за товарищескую помощь, оказанную ими намъ въ нашей работѣ, за мужественно перенесенныя ими нравственныя и физическія страданія и за защиту на судѣ нашего дѣла, такъ блестяще проведенную ими и ихъ адвокатами, товарищами Гаазе, Либкнехтомъ, Гейнеманомъ и Шварцомъ.

Двѣ недѣли тянулся судъ. Адвокаты разбили по всѣмъ пунктамъ обвиненіе, они слѣдовали за нимъ по пятамъ во всѣ закоулки, откуда оно пыталось извлечь для себя матеріалъ, они вскрыли всѣ темныя пружины, создавшія процессъ, они талантливыми допросами свидѣтелей вывели на свѣтъ божій интимныя сношенія между русской и прусской полиціей, подготовившія его. Они фактически указали отсутствіе необходимыхъ юридическихъ предпосылокъ для обвиненія въ государственной измѣнѣ и съ совершенной очевидностью для непредубѣжденнаго человѣка выяснили невозможность говорить о тайномъ сообществѣ на основаніи одного факта переписки между нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ и пересылки литературы отъ одного къ другому; наконецъ, они ссылались на то, что, вѣдь, если и было сообщество, то оно ненаказуемо, т. к. дѣятельность его затрагивала только русскіе интересы, а отнюдь не германскіе. Всѣ доводы прокурора и его помощника, которые, несмотря на свое полное и скандальное пораженіе во время судебнаго слѣдствія, всетаки поддерживали обвиненіе въ полномъ его объемѣ, были блестяще опровергнуты защитой. Судъ, дѣйствительно, вынужденъ былъ отвергнуть обвиненіе въ государственной измѣнѣ, но, какъ настоящій королевскій прусскій судъ, составленный исключительно изъ коронныхъ судей, онъ не нашелъ въ себѣ достаточно мужества для полнаго оправданія всѣхъ подсудимыхъ. Шестеро изъ обвиняемыхъ приговорены къ тюремному заключенію отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ за принадлежность къ тайному сообществу; при этомъ въ своей мотивировкѣ приговора, для доказательства наказуемости „сообщества", судъ долженъ былъ прибѣгнуть къ нижеслѣдующей юридической натяжкѣ, представляющей, однако, очень цѣнное политическое признаніе: „обвиняемые должны были понимать, — говорится въ мотивировкѣ приговора, — *что пламя революціоннаго движенія можетъ переброситься и въ Германію*".

Политическій итогъ процесса сводится къ новой публичной пощечинѣ, полученной русскимъ абсолютизмомъ и его нѣмецкими приспѣшниками передъ лицомъ всей цивилизованной Европы. Совпавъ случайно по времени съ разбойничьими подвигами русскихъ крейсеровъ въ Красномъ морѣ, онъ вызвалъ волну негодованія всей честно мыслящей Европы. Даже самыя буржуазныя газеты, за исключеніемъ ультра-реакціонныхъ, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ выражаютъ свое отвращеніе къ царизму и требуютъ прекращенія всякихъ услугъ послѣднему со стороны нѣмецкихъ властей. Съ другой стороны, процессъ является громадной моральной побѣдой соціальдемократіи, что также признается буржуазно-либеральными органами съ большей или меньшей ноткой сожалѣнія. Наконецъ, онъ даетъ богатый агитаціонный матеріалъ, который нѣмецкіе соціальдемократы намѣрены всесторонне использовать, чему уже положено начало громадными собраніями, состоявшимися въ Кенигсбергѣ и въ Берлинѣ и вынесшими резолюціи протеста противъ царизма. Слѣдовало бы и русскимъ товарищамъ воспользоваться этимъ поводомъ для всесторонней агитаціи среди рабочихъ массъ и провести въ многочисленныхъ собраніяхъ резолюціи, выражающія сочувствіе и благодарность русскихъ пролетаріевъ ихъ нѣмецкимъ товарищамъ.

* * *

На созванномъ въ Кенигсбергѣ народномъ собраніи была принята слѣдующая резолюція:

„Подъ впечатлѣніемъ вскрытыхъ „русскимъ процессомъ" варварскихъ порядковъ царизма, собраніе выражаетъ своимъ борющимся за свободу русскимъ братьямъ свою непоколебимую симпатію и заявляетъ, что *намѣрено и впредь выполнять по отношенію къ нимъ свой долгъ международной солидарности*, пока и Россія не примкнетъ къ западноевропейской культурѣ и не будетъ преобразована въ современное правовое государство". Аналогичныя резолюціи приняты на собраніяхъ въ Берлинѣ, Познани и Маннгеймѣ.

По окончаніи процесса, редакціей „Искры" была послана тов. Гаазе привѣтственная телеграмма, выражающая ему и его коллегамъ благодарность Партіи за защиту дѣла русской соціальдемократіи.

---

[1] Экспедиторъ „Vorwärts'а" Петцель и столяръ Эренфортъ изъ Берлина, кассиръ Браунъ и рабочій Новагроцкій изъ Кенигсберга, рабочіе Мертинсъ, Трептау, Клейнъ изъ пограничной полосы Восточной Пруссіи; ремесленники, они же контрабандисты, Кугель и Кегстъ оттуда же.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Уважаемые товарищи!

Позвольте мнѣ попросить гостепріимства въ „Искрѣ" для нижеслѣдующихъ строкъ.

Въ № 46 „Революціонной Россіи", который прислалъ мнѣ недавно одинъ изъ товарищей, напечатано заявленіе редакціи органа „Литовской соціальдемократіи", протестующее противъ „завѣдомо неправильныхъ свѣдѣній", данныхъ будто бы мною на послѣднемъ засѣданіи Междунар. Соціалист. Бюро. По словамъ автора, который основывается на отчетѣ газетъ „Peuple" и „Vorwärts", я стала отрицать raison d'être для Л. С.-Д. П. и выставила Польскую Соц.-Дем. представительницей также литовскаго пролетаріата". Дѣйствительно, отчетъ въ „Peuple"ѣ и составленный по „Peuple"ю отчетъ въ „Vorwärts", передали мои слова неправильно, но я уже опровергла въ печати эти неточныя данныя гораздо раньше, чѣмъ появились жалобы литовской редакціи.

На самомъ дѣлѣ ни мое заявленіе, ни само Бюро не касалось вовсе вопроса о raison d'être почтенной литовской организаціи. Рѣчь исключительно шла о томъ, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ ея представителямъ составлять на интернаціональномъ конгрессѣ *особую делегацію*.

Когда прочитано было письмо „Лит. Соц.-Дем.", выражавшее подобное желаніе, я заявила, что здѣсь дѣло касается не новой, до сихъ поръ не представленной на конгрессахъ страны (относительно которой Бюро имѣло бы компетенцію разрѣшить вопросъ, какъ оно, напр., и поступило по отношенію къ соціальдемократіи Герцогства Люксембургскаго), а только особой соціалистической организаціи, дѣйствующей на территоріи, на которой дѣйствуютъ и другія организаціи, уже въ Бюро представленныя; такъ, напр., Соц.-Дем. Польши и Литвы, какъ это уже показываетъ ея названіе, дѣйствуетъ также и на Литвѣ.

Ввиду этого нѣтъ никакого основанія для представителей „Лит. Соц.-Дем." составлять особую делегацію на конгрессахъ; имъ остается только присоединиться къ одной изъ существующихъ делегацій, въ которыхъ уже представлены соціалисты, дѣйствующіе также на Литвѣ (т. е. къ русской или къ секціямъ польской делегаціи).

Въ духѣ вышеизложеннаго я возстановила истину въ „Vorwärts" на другой день послѣ появленія въ немъ ложнаго отчета. Одновременно я послала то же опроверженіе секретарю Междун. Соц. Бюро, тов. Серви съ просьбой помѣстить его въ органѣ бельгійской партіи. Въ отвѣтъ Серви сообщилъ мнѣ, что передалъ мое дементи редакціи и что оно вскорѣ будетъ напечатано. Къ сожалѣнію, не получая „Peuple"я, я не могла провѣрить, было ли это исполнено. Независимо отъ этого, я попросила также и польскихъ товарищей опровергнуть подхваченное польскими националистами (П. П. С.) ложное изложеніе дѣла, что и было сдѣлано въ № 16 органа Польской Соц.Дем. „Czerwony Sztandar" (Красное Знамя).

Послѣ всего этого предъявленіе претензіи со стороны литовской редакціи кажется мнѣ довольно страннымъ, тѣмъ болѣе, что ей, какъ я это вижу, *извѣстно* опроверженіе въ „Vorwärts". Если это не объясняется тѣмъ, что почтенной партіи просто выгодно почему-либо положеніе обиженнаго, остается только предположить, что *націоналистическая точка зрѣнія* лишаетъ ее способности понимать нѣкоторыя простыя положенія (Для информаціи русскаго читателя нужно замѣтить, что „Литовская Соціальдемократія" хочетъ, если я вѣрно освѣдомлена, — создать независимую литовскую республику, натурально-исключительно „въ интересахъ пролетаріата" и, вѣроятно, на томъ только „историческомъ" основаніи, что если бы во времена оны не состоялся злополучный бракъ литовскаго князя Ягайло съ дочерью польскаго короля Ядвигой, Литва могла бы и по сей день оставаться самостоятельнымъ государствомъ). Быть можетъ, для редакціи литовскаго органа само собой разумѣется, что каждая партійная организація и ужъ во всякомъ случаѣ каждая національность (въ смыслѣ этнографической группы) обязательно должна быть представлена на интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессахъ особой делегаціей. Я на этотъ счетъ придерживаюсь нѣсколько иного мнѣнія и думаю, что международный соц. конгрессъ является не этнографическимъ музеемъ для выставки всѣхъ существующихъ и существовавшихъ когда-либо національностей и обломковъ таковыхъ, — проблематическихъ, какъ и дѣйствительныхъ, — имѣющихъ „національную культуру", какъ и оной пока не имѣющихъ, но надѣющихся еще „развить" ее со временемъ, — а представительствомъ *политическихъ* и экономическихъ организацій всемірнаго пролетаріата, *какъ класса*, причемъ естественной и нормальной составной единицей конгресса является делегація, объединяющая въ себѣ всѣ организаціи, дѣйствующія въ общихъ *политическихъ условіяхъ*, т. е. въ рамкахъ одного и того же государства. И я думаю, что, хотя въ свое время были сдѣланы исключенія для Польши и Чехіи — къ слову сказать, въ періодъ, когда националистическія тенденціи въ рабочемъ движеніи не разрѣшились еще въ „пролетарскія" программы возстановленія дюжины новыхъ „независимыхъ республикъ", — но, по всей вѣроятности, въ томъ же духѣ, что и я, высказалось бы теперь громадное большинство соціалистовъ, если бы вопросъ сталъ на очередь. Тотъ же взглядъ въ примѣненіи къ Польшѣ я уже высказала въ „Neue Zeit" нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, если бы узкіе интересы литовскаго прихода не мѣшали литовской редакціи взглянуть на вопросъ нѣсколько пошире, то она поняла бы, что послѣдовательное проведеніе принципа этнографическихъ делегацій повлекло бы за собою самую абсурдную перетасовку въ группировкѣ интернаціональныхъ конгрессовъ. Такъ, если принять за признакъ національности, дающей право на особую делегацію, *языкъ*, то напр. швейцарской делегаціи пришлось бы исчезнуть и раствориться въ делегаціяхъ нѣмецкой, французской и итальянской. Нѣмецкіе австрійцы вмѣстѣ съ нѣмцами Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и частью швейцарцевъ должны были бы присоединиться къ германской делегаціи. То же самое относится къ Соединеннымъ Штатамъ и Англіи. За то одна Россія и Австрія надѣлили бы конгрессъ числомъ новыхъ этнографическихъ делегацій приблизительно равнымъ или даже превышающимъ число всѣхъ уже существующихъ делегацій всѣхъ странъ. И я могу завѣрить автора замѣтки въ „Революціонной Россіи", что отнюдь не вопросъ о raison d'être „его партіи, а простой здравый смыслъ и желаніе, чтобы въ интернаціональномъ движеніи восторжествовалъ *классовой* и *политическій*, а не этнографически-національный принципъ, заставили меня высказаться противъ созданія литовской делегаціи.

Въ заключеніе одно фактическое замѣчаніе. Авторъ замѣтки утверждаетъ, что соціальдемократія Польши и Литвы не имѣетъ никакихъ организацій на Литвѣ и не дѣйствуетъ тамъ вовсе. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности познакомиться лично съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ и могу судить только по сообщеніямъ товарищей, дѣйствующихъ въ Русской Польшѣ. По отчетамъ этихъ товарищей, а также по сообщеніямъ въ прессѣ, польскіе соціальдемократы работаютъ также на Литвѣ, такъ, напр., въ *Бѣлостокѣ* и др. мѣстахъ. Что же касается Литовской Соц.-Дем., то, по тому же источнику, дѣятельность ея ограничивается однимъ изъ менѣе промышленныхъ центровъ Литвы, именно городомъ Вильно, гдѣ данная партія имѣетъ приверженцевъ въ трехъ ремеслахъ. Этими данными ограничиваются мои свѣдѣнія о литовск. организаціи. О проявленіяхъ какого бы то ни было массового политическаго движенія, вызваннаго Лит. Соц.-Дем., о ея демонстраціяхъ и т. п. я не слыхала, — можетъ быть потому, что я не читаю по литовски. Впрочемъ, отсутствіе массового соціалистическаго движенія среди литовцевъ не было бы вовсе удивительнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, „коренное литовское населеніе", о которомъ говоритъ авторъ, принадлежитъ главнымъ образомъ къ крестьянству, среди городскихъ же рабочихъ развѣ только самые отсталые употребляютъ литовскій языкъ. Если литовская редакція серьезно думаетъ, что это „коренное населеніе" необходимо представлять на конгрессѣ въ *особой* делегаціи, то я чувствую себя принужденной протестовать противъ угнетенія и поглощенія литовцами *жмудиновъ*, которыхъ авторъ причисляетъ, вѣроятно, тоже къ коренному населенію, и готова требовать также особую жмудскую делегацію. Заодно уже можно „возстановить" тоже „независимую жмудскую республику" — исключительно въ интересахъ рабочаго класса.

Р. Люксембургъ.

Берлинъ-Фриденау.

Группой соціальдемократовъ Дальняго Сѣвера въ апрѣлѣ и маѣ изданы слѣдующіе листки (гектограф.): 1) Первомайскій листокъ, 2) Майскій листокъ Ц. К. (перепечатка), 3) листокъ „Искры": Война противъ войны, 4) Война и правительство (200 шт.), 5 и 6) Письма изъ Якутска о мартовской бойнѣ по 100 шт., 7) Резолюція группы по поводу Якутскихъ событій (100 шт.), 8) Къ Архангельскимъ рабочимъ и обществу (по поводу Якутской бойни 180 шт.), 9) Программа группы (180 шт.), 10) Къ учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ (100 шт.) и 11) О чемъ говорятъ сухія цифры (коментаріи къ докладу мин. юстиціи о политическихъ дѣлахъ и пр. 100 шт.). Каждый листокъ выпускался (за исключеніемъ указанныхъ) въ количествѣ 150-200 экз. и распространялся во всемъ районѣ дѣятельности группы. За два мѣсяца издано всего около 1600 листковъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. 7 іюня арестованы, между прочимъ, слѣд. лица: интел. Суховъ и Соколовъ, часовыхъ дѣлъ маст. Керве, раб. Сергѣй Романенко, Шарекъ, Иванъ Васильевъ, ст. Нагель, А. Логачева. **Москва.** Многочисленные аресты были въ концѣ іюня. **Кіевъ и Одесса.** Около середины іюня большіе провалы. 19 іюня на Подолѣ въ Кіевѣ взято собраніе въ 15 чел. **Арзамасъ**, Нижегор. г. 10 іюня арестованъ пом. уѣздн. земск. статистика (бывш. стат. моск. у.) Ив. Потѣхинъ. **Каменецъ-Подольскъ.** Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Ив. Оземловскій (арест. 10 апр. на границѣ одновременно съ арестомъ шести пуд. соц.-дем. литературы, въ перевозкѣ которой и обвиняется), Отто Штернбекъ (арест. 13 апр. на границѣ съ 3 пуд. соц.-дем. литературы), Рубинштейнъ и Козацкій (по дѣлу транспорта соц.-рев.), Бор. Гольдманъ сидитъ около года (взятъ близъ границы) и М. Назарьевъ (осужденъ судебной палатой). **С. Подбродзе**, близъ Вильны. Арестованъ И. Гольдштейнъ 12 іюня. **Харьковъ.** 21 іюня арестованы: Истоминъ, Битусъ, братъ и сестра; раньше — Г. Горовицъ.

Недавно въ **Иркутскъ** привезли съ Востока 16 человѣкъ изъ санитарнаго персонала, замѣченныхъ въ пропагандѣ среди солдатъ. Какъ говорятъ, надъ ними будетъ назначенъ военный судъ. Тамъ же сидитъ унт.-офиц. Илья Быковъ, преданный военн. суду.

Бѣжали: 1) С. Афанасьева (изъ Иркутск. губ., сослана по кіевскому дѣлу „Искры" 1902 г.), 2) Друянъ, раб. (въ прошломъ году бѣжалъ изъ екатеринославской тюрьмы, но въ апрѣлѣ этого года былъ узнанъ на улицѣ въ Кіевѣ; нынѣ снова бѣжалъ изъ той же тюрьмы), 3) Григорій Львовъ (изъ Енис. губ., сосланъ по варшавскому дѣлу 1901 г. на 3 года и получилъ въ Сибири 3 года прибавки; прибылъ заграницу), 4) Конк. Захарова (изъ екатерин. тюрьмы 28 іюня; арест. въ декабрѣ 1901 г. по одесск. дѣлу „Искры" и сослана въ В. С. на 5 л., откуда въ декабрѣ бѣжала изъ Александровской тюрьмы. Въ январѣ была вновь арестована въ Екатеринославѣ по дѣлу комитета). Изъ Архангельской губ. бѣжали: 5) техникъ Ростопчинъ (Нижегор. соц. дѣло), 6) Торгашевъ (Петерб. с.-д. дѣло), 7) Никитинъ (машинистъ по Харьк. с.-д. дѣлу), 8) Сакваралидзе (гимназистъ изъ Кутаиса), 9) Воронинцынъ (по Харьк. с.-д. дѣлу), 10) Голендеръ, 11) Дубровинскій (Уральск. с.-д.) и 12) Авдѣевъ (соц.-рев.)

Неудачно бѣжали изъ шемахинской уѣздной тюрьмы 11 мая Гавріилъ Хундадзе и Петръ Монтинъ (рабочій): черезъ три дня они были арестованы въ 40 вер. отъ Баку.

Некрологъ. Изъ Средне-Колымска пишутъ: „12 марта 1904 г. у насъ умеръ отъ самоотравленія морфіемъ тов. Комай. Покойный прибылъ въ Сибирь со здоровьемъ, совершенно разстроеннымъ физически и психически. Якутскій врачъ выдалъ больному свидѣтельство о застарѣломъ бронхитѣ, но новоиспеченный вице-губернаторъ Чаплинъ призналъ возможнымъ послать больного въ Колымскъ. Здѣсь покойнаго стали посѣщать навязчивыя идеи и острая меланхолія. — Покушеніе 12 марта было третьимъ, и съ роковымъ исходомъ. 9 часовъ длилась агонія. Шагъ за шагомъ мы уступали товарища смерти... Умеръ въ 12½ ч. ночи".

Я зналъ хорошо покойнаго и могу прибавить къ его біографіи слѣдующее: Покойный былъ 26-27 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ по профессіи наборщикомъ. Свое революціонное воспитаніе онъ получилъ въ Бѣлостокѣ, потомъ принималъ участіе въ Варшавскомъ движеніи и въ Гроднѣ. Въ послѣдній разъ онъ работалъ (въ качествѣ наборщика) въ типографіи издававшейся въ Россіи Соц. Дем. Раб. Библіотеки, по дѣлу коей онъ былъ арестованъ и сосланъ послѣ почти двухгодового заключенія въ Петропавловской крѣпости на 8 лѣтъ. Въ крѣпости онъ нажилъ чахотку, а его нервная система крайне расшаталась. Опасаясь, чтобы жандармы не воспользовались его разстройствомъ, онъ трижды пытался покончить съ собою въ крѣпости, но неудачно. Проходя черезъ Якутскъ и встрѣтившись со своими друзьями, онъ нѣсколько оправился и надѣялся совсѣмъ справиться съ одолѣвавшими его галлюцинаціями. Но, видно, Чаплинъ рѣшилъ разлучить его съ друзьями — послѣдней душевной опорой въ недолго остававшейся ему чахоточной жизни. Такъ-то царскіе прислужники добили угасавшую жертву!... Въ лицѣ Комая сошелъ въ могилу одинъ изъ рѣдкихъ по развитію, преданный соц. дем. дѣлу, отзывчивый душой рабочій...

В—ъ

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue de Carouge, près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).
Адресъ для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи":
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).
Просятъ обозначать: „для редакціи" или „для Лиги".

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

НАКОНЕЦЪ-ТО!

Итакъ, намъ, сторонникамъ партійнаго большинства, дана будетъ возможность систематически, въ литературной формѣ статей, высказываться на страницахъ центральнаго органа партіи. Это формально заявлено въ 66 № „Искры“, въ отвѣтѣ редакціи на резолюцію Тверского Комитета... Мы очень рады этому, и конечно, воспользуемся разрѣшеніемъ. Странно только одно. Въ своемъ отвѣтѣ на резолюцію, которая, повидимому, и имѣла отчасти въ виду добиться такого заявленія, редакція дѣлаетъ видъ, что эта полная возможность для насъ высказываться въ „Искрѣ“ была чѣмъ-то само собою подразумѣвающимся, и если сторонники большинства ею не пользовались, то виноваты только они сами. Къ сожалѣнію, это невѣрно.

Когда какой-нибудь литературный органъ желаетъ дать мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ противниковъ, противъ которыхъ ведетъ ожесточенную полемику, то онъ *сообщаетъ* имъ это. Въ противномъ случаѣ, со стороны противниковъ было бы просто смѣшно посылать свои статьи въ редакцію; лучше ужъ адресовать ихъ прямо въ редакціонную корзину. Гдѣ и когда редакція приглашала насъ высказываться?

Въ прошломъ году редакція „Искры“ два раза выступала съ такими приглашеніями. Но... оба они къ намъ не относились. Въ первый разъ это было при старой, „неуступчивой“ редакціи сторонниковъ большинства: Плехановъ и Ленинъ обращались къ *литераторамъ меньшинства* съ просьбою высказаться въ „Искрѣ“. Тѣ предпочли отвѣтить оффиціальнымъ заявленіемъ о бойкотѣ. Во второй разъ это было уже при нынѣшней редакціи: она предлагала *комитетамъ* присылать резолюціи по поводу положенія дѣлъ въ партіи, и обѣщала печатать эти резолюціи безъ различія направленій. О статьяхъ отдѣльныхъ членовъ большинства тамъ ничего не говорилось. Кажется, дѣло ясное...

Редакція напоминаетъ о напечатанномъ ею письмѣ тов. Александрова. Но письмо это представляло изъ себя скорѣе рядъ вопросовъ, чѣмъ полемику. Какіе выводы могли мы сдѣлать изъ этого факта, когда мы знали, что тогда же полемически выясняющее вопросъ письмо Ленина было не то отклонено, не то отложено въ долгій ящикъ. Мы, рядовые работники большинства, могли ожидать только того, что съ нами станутъ церемониться еще меньше. Нечего сказать, веселое это занятіе, живя, напр., въ Россіи, гдѣ на каждаго работника ложится такая подавляющая масса работы, писать и отсылать со всякими трудностями статьи, которымъ почти нѣтъ шансовъ послужить для чего-либо иного, кромѣ развлеченія редакціи. Нужна совсѣмъ особая психологія, чтобы найти достаточное поощреніе къ работѣ въ той мысли, что „а можетъ быть — ха-ха — и помилуютъ!“

Если редакція хотѣла дать намъ высказываться, то она *вдвойнѣ обязана была* открыто заявить это, потому что 4 изъ 5 ея членовъ не находили возможнымъ работать въ газетѣ вмѣстѣ съ нами тогда, когда „Искра“ находилась въ рукахъ избранной съѣздомъ редакціи. Поэтому „легкомысленнымъ“ приходится считать вовсе не „обвиненіе“, выраженное Тверскимъ Комитетомъ, а тотъ пріемъ, посредствомъ котораго редакція старается свалить съ больной головы на здоровую отвѣтственность за свою — въ лучшемъ случаѣ — небрежность[1].

Такъ или иначе, теперь обѣщаніе дано, дѣло улажено, и я пользуюсь этимъ, чтобы высказаться по поводу двухъ самыхъ крупныхъ за послѣднее время актовъ полемики со стороны нашихъ противниковъ — по поводу фельетона Плеханова въ 65 № „Искры“ и письма Каутскаго — № 66.

Въ своемъ фельетонѣ „Централизмъ или бонапартизмъ?“ тов. Плехановъ выясняетъ сущность своихъ разногласій съ теперешнимъ большинствомъ партіи. Онъ сводитъ ее къ вопросу о *безусловномъ правѣ раскассированія отдѣльныхъ партійныхъ организацій*, правѣ, которое, по его словамъ, большинство партіи хочетъ дать Ц. К., а меньшинство — не хочетъ давать. Такъ представляется дѣло Плеханову. Къ счастью для большинства, Плехановъ сильно ошибается.

Откуда, собственно, почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія о такой „бонапартистской“ точкѣ зрѣнія большинства?

Даже въ той резолюціи трехъ представителей большинства, которую онъ цитируетъ, говорится только о „правѣ раскассированія“, но *не о безусловномъ и безконтрольномъ* правѣ, какое изображаетъ Плехановъ. О безусловномъ правѣ тамъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ представители стоятъ вѣдь на почвѣ постановленій съѣзда, который создалъ высшую, контрольную инстанцію надъ Ц. К. — Совѣтъ партіи. А что касается *ограниченнаго* права раскассированія, то на съѣздѣ тов. Мартовъ объяснялъ, что такое право дать Ц. К. можно и не опасно, потому что Ц. К. во всякомъ случаѣ серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится на такой важный шагъ, какъ распущеніе какой-нибудь организаціи. Другой товарищъ указалъ на одинъ дѣйствительный случай, гдѣ необходимо было самое быстрое „раскассированіе“: въ организаціи былъ провокаторъ, а она не хотѣла распускаться.

Плехановъ указываетъ, что на съѣздѣ Лиги онъ самъ, вмѣстѣ съ Ц. К., защищалъ „нѣкоторыя требованія“ бонапартистскаго характера, конечно, по недоразумѣнію. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь по вопросу о Лигѣ Ц. К. *уступилъ*, отказался отъ своихъ требованій: гдѣ же тутъ основанія обвинять его *теперь* въ „бонапартизмѣ?“ Тогда надо обвинять и Плеханова.

Плехановъ говоритъ, что Ц. К. „не разъ выражалъ увѣренность, что ему принадлежитъ неограниченное право раскассировывать человѣковъ“. Гдѣ и когда это заявлялось? И какимъ образомъ Совѣтъ партіи допустилъ такую узурпацію своего права — быть высшимъ истолкователемъ устава между съѣздами? Я, сторонникъ большинства, знающій очень многихъ его членовъ, отъ самыхъ видныхъ дѣятелей до рядовыхъ работниковъ, никогда не слыхалъ ни о чемъ подобномъ; а тов. Плехановъ никакихъ фактовъ не указываетъ.

Но, можетъ быть, Плехановъ основывается не на заявленіяхъ, а на *дѣйствіяхъ?* Можетъ быть, практически дѣлались бонапартистскія попытки измѣнять по произволу составъ тѣхъ или иныхъ организацій, вводя въ нихъ, противъ ихъ желанія, однихъ членовъ, удаляя другихъ?

Такихъ попытокъ никто изъ нашихъ противниковъ не указываетъ и указать не можетъ, *потому что ихъ не было.* Впрочемъ, виноватъ, я ошибся. Одна такая попытка, дѣйствительно, имѣла мѣсто, и возобновляется до сихъ поръ. Въ одинъ изъ комитетовъ, дѣйствительно, хотятъ ввести новыхъ лицъ противъ его желанія, и требуютъ, чтобы онъ отказался отъ одного изъ своихъ видныхъ членовъ. Да, но этотъ комитетъ, который стараются такимъ образомъ „раскассировать“, есть *Центральный Комитетъ.*

Одна организація была, пожалуй, и въ дѣйствительности „раскассирована“, и настолько, что кореннымъ образомъ измѣнила свое направленіе. Но и ее „раскассировалъ“ не Ц. К., а какой то другой „Центральный Журавль“ (выраженіе Плеханова). Эта раскассированная организація была — *редакція „Искры“*.

Итакъ, никакого „бонапартизма“ нѣтъ, а если онъ и есть, то не тамъ, гдѣ ищетъ его Плехановъ. Дѣло сводится къ недоразумѣнію. Разъ оно выяснено, что же раздѣляетъ насъ съ тов. Плехановымъ?

Отвѣта надо, повидимому, искать въ открытомъ письмѣ Плеханова къ Ц. К. (№ 66 „Искра“).

Въ этомъ письмѣ тов. Плехановъ допускаетъ, что онъ, можетъ быть, и ошибся на счетъ бонапартизма, но винитъ въ этой ошибкѣ „молчаніе“ Ц. К. Ну, и прекрасно, пусть такъ, Ц. К. виновенъ, что своей преступной небрежностью допустилъ развиться у тов. Плеханова устрашающимъ галлюцинаціямъ бонапартизма. Выразимъ за это порицаніе Ц. К. и — перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Но тутъ происходитъ что-то загадочное. „Бонапартизмъ“ вдругъ превращается въ „политику Ленина“ и „брошюру Ленина“. Плехановъ требуетъ, чтобы Ц. К. торжественно отрекся отъ той и другой, тогда онъ, Плехановъ, признаетъ свою ошибку на счетъ „бонапартизма“. Но, позвольте, товарищъ, гдѣ же бонапартизмъ въ политикѣ Ленина? Раскассировалъ онъ кого-нибудь? Увы! скорѣе онъ самъ былъ „раскассированъ“ изъ редакціи. Гдѣ бонапартизмъ въ его брошюрѣ? Отстаиваетъ онъ тамъ „неограниченное право раскассированія“?

„На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые“, тов. Плехановъ.

Остается вопросъ о „кооптаціи“.

Но тутъ Плехановъ, конечно, согласится, что во-первыхъ, вопросъ этотъ не принципіальный — это вопросъ о мѣрѣ уступокъ нашимъ общимъ противникамъ; во-вторыхъ, что теперь кооптація уже невозможна, именно съ точки зрѣнія „цѣлесообразности“. Вы только представьте себѣ, тов. Плехановъ, что въ „робеспьеровскій“ комитетъ, состоящій всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, вводятся два пылающихъ гнѣвомъ и местью термидоріанца. Хороша будетъ „работоспособность“ комитета[1].

Что же еще? Ваше раздраженіе противъ Ленина, такъ ясно выступающее въ Вашемъ письмѣ, и противъ трехъ представителей, которыхъ Вы награждаете лично оскорбительными эпитетами? Но „представителей“ Вы не поняли, обвиненій противъ Ленина не доказали; съ личными настроеніями всѣ мы — люди „партійной дисциплины“, и Вы въ томъ числѣ — сумѣемъ быстро справиться. Принципіальные вопросы выяснены — въ нихъ разногласій нѣтъ. Что же насъ раздѣляетъ?

Перехожу къ письму Каутскаго.

Въ противоположность Плеханову, Каутскій высказывается прямо въ пользу *автономистскихъ* стремленій меньшинства. Онъ доказываетъ правильность этихъ стремленій тѣмъ, что при нашихъ условіяхъ борьбы, когда она ведется нелегально и въ значительной мѣрѣ тайно, широкая формальная централизація только стѣсняла бы дѣятельность мѣстныхъ организацій и увеличивала бы опасность проваловъ. Онъ ссылается на опытъ Германіи въ эпоху исключительныхъ законовъ, когда каждой отдѣльной организаціи пришлось предоставить очень широкую автономію. Это сравненіе прекрасно выясняетъ мысль Каутскаго, и то недоразумѣніе, въ которое онъ впалъ въ данномъ случаѣ.

До исключительнаго закона въ Германіи существовала широкая, хотя молодая, но уже высоко централистическая организація (*сравнительно* высоко, разумѣется). При исключительномъ законѣ оказалось невозможнымъ въ прежнемъ объемѣ выполнять централистическія функціи общепартійныхъ учрежденій: пришлось сдѣлать шагъ къ автономіи, при чемъ однако централизаціи, по словамъ Каутскаго, оставалось достаточно, чтобы эту автономію нельзя было „смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ руководящаго центра“.

Такъ было въ Германіи. А какъ обстоитъ дѣло у насъ, въ Россіи? Никакой централизаціи до съѣзда у насъ не было, не было ничего, кромѣ самой широкой, безпредѣльной „автономіи“. Съѣзду предстояло *впервые создать* централистическія функціи. Собравшіеся на съѣздъ представители хорошо знали наши русскія условія, и понимали, что какими бы широкими „формальными“ полномочіями ни надѣлить наши центральныя учрежденія, *фактическая* автономія всетаки останется очень обширной, уже конечно гораздо шире, чѣмъ въ организаціяхъ нѣмецкой соціальдемократіи подъ исключительнымъ закономъ.

При такихъ условіяхъ все сравненіе Каутскаго оказывается сплошной ошибкой. То, что онъ защищаетъ подъ именемъ „широкой автономіи, которую однако не слѣдуетъ смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ центровъ“, и то, чего добиваются наши дезорганизаторы, вещи совершенно различныя, совершенно непохожія одна на другую. По существу, Каутскій стоитъ *на нашей точкѣ зрѣнія.* Нашъ уставъ *даетъ* нашимъ мѣстнымъ организаціямъ „широкую автономію“, а сама жизнь, на почвѣ которой мы стоимъ, *подразумѣваетъ* еще болѣе широкую автономію. Но мы не хотимъ „безсилія центровъ“. Между тѣмъ, его-то и добиваются наши противники. Если бы осуществилась ихъ насильственная кооптація, то вмѣсто Ц. К. мы имѣли бы просто хроническій скандалъ[2].

Какъ добросовѣстный ученый, Каутскій заранѣе сдѣлалъ оговорку о томъ, что можетъ ошибиться вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Онъ былъ правъ.

Другой пунктъ общаго характера въ письмѣ Каутскаго, это вопросъ о мартовской или ленинской формулировкѣ перваго § устава. И здѣсь Каутскаго ввело въ заблужденіе незнакомство съ конкретными условіями развитія нашей партіи. Если бы онъ зналъ, какой *громадный* вредъ принесли ей различные чуждые ей элементы, которые долго къ ней примазывались, *разные* „легальные марксисты“, особенно изъ литераторовъ, то онъ врядъ ли сталъ бы защищать ту формулировку, которая предупредительно надѣляетъ всю эту публику правами членовъ партіи. Останавливаться на этомъ я не стану: мнѣ пришлось бы только повторять всю, поистинѣ блестящую, аргументацію Плеханова на съѣздѣ. Къ тому же, не изъ-за перваго пункта ведется теперь борьба: это тотъ пунктъ, на которомъ мы потерпѣли пораженіе, и, по свойственной намъ „неуступчивости“, подчинились — до слѣдующаго съѣзда.

Каутскій говоритъ о громадномъ организаціонномъ значеніи *довѣрія къ вождямъ.* Да, въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны, и именно потому хотѣли имѣть *свободно выбранныхъ нами вождей.*

Каутскій выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ понадобилось Ленину удалить трехъ изъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ. *Не Ленину*, тов. Каутскій, а *большинству съѣзда*, съ *Плехановымъ* и Ленинымъ во главѣ; и не „удалить“, а „не выбрать“, потому что редакція органа *партіи* должна была организоваться заново. Почему же не выбрать? Да *хотя бы* потому, что *фактическими* редакторами „Искры“, редакторами въ полномъ смыслѣ слова были только Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ: мы всѣ признаемъ громадныя заслуги остальныхъ трехъ редакторовъ, но редакторскія права — не орденъ за заслуги, а средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Да, наконецъ, развѣ съѣздъ не имѣлъ права и основанія выбирать тѣхъ, кого желалъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ комедія съ выборами, зачѣмъ пунктъ въ уставѣ о выборности редакціи? Надо было тогда просто ввести въ уставъ положеніе о *пожизненномъ* (можетъ быть, даже наслѣдственномъ?) редакторствѣ такого-то кружка, и только.

Каутскій говоритъ, что въ интересахъ партіи надо столковаться передъ съѣздомъ, чтобы меньшинство *во всякомъ случаѣ* подчинялось большинству, хотя бы даже большинству только одного голоса. Святая истина! и очень горькая для нашего меньшинства! Каутскій, повидимому, не знаетъ, что передъ вторымъ съѣздомъ *объ этомъ столковались*, и всѣ приняли на себя такое обязательство: а немедленно послѣ съѣзда литераторы меньшинства объявили бойкотъ выбранной съѣздомъ редакціи, комитеты же меньшинства — выбранному съѣздомъ Ц. К. Да, вполнѣ правъ Каутскій — но онъ не знаетъ, что „автономія“ меньшинства доходила до нарушенія прямыхъ обязательствъ.

Каутскій выясняетъ, что въ интересахъ общаго дѣла необходима взаимная уступчивость. Святая истина! Но только, не зная исторіи дѣла, Каутскій попалъ въ положеніе того священника, который проповѣдуетъ умѣренность бѣднымъ, а кушаетъ вмѣстѣ съ богатыми. Большинство много уступало; оно уступило въ вопросѣ о Лигѣ, оно уступило въ вопросѣ о редакціи; *а въ чемъ уступило меньшинство?* Оно ни въ чемъ не уступило — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ.

Правда, уступать безъ конца и мы не можемъ: вѣдь уступчивость и для насъ не принципъ, а только средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Каутскій говоритъ, что если произойдетъ расколъ въ партіи, то виноватъ будетъ одинъ Ленинъ. Жаль, что знаменитый ученый измѣнилъ здѣсь своей научной сдержанности и осторожности, не допускающей рѣшительныхъ выводовъ тамъ, гдѣ у человѣка недостаточно данныхъ. Вѣдь Каутскій, оказывается, не зналъ даже того, кто — нападающая сторона въ нынѣшнемъ конфликтѣ.

Каутскій говоритъ: „я готовъ измѣнить свои выводы, если мнѣ докажутъ, что мои предпосылки невѣрны“. Да, товарищъ, ваши предпосылки невѣрны, но, конечно, вина въ этомъ не ваша.

Боюсь я, что не на радость меньшинству напечатала редакція письмо Каутскаго!

Еще нѣсколько словъ по поводу отвѣта редакціи на резолюцію Тверского Комитета. Редакція совѣтуетъ тверскимъ товарищамъ „подумать надъ тѣмъ, почему точка зрѣнія большинства не порождаетъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ резолюцій“ и т. д. Въ началѣ своей статьи я показалъ, почему редакція *не имѣетъ права* говорить этого. Но остается тотъ несомнѣнный фактъ, что, *по количеству* литературныхъ произведеній, намъ трудно конкуррировать съ меньшинствомъ: большинство литераторовъ на его сторонѣ. Что это значитъ?

Редакція, вѣроятно, скажетъ, что это свидѣтельствуетъ, вообще, о большей сознательности меньшинства. Но какъ примирить съ этимъ объясненіемъ тотъ фактъ, что на сторонѣ *нашихъ принциповъ* оказались два самые крупные ума и таланта нашей партіи — *Плехановъ* и Ленинъ?

Гораздо вѣроятнѣе, поэтому, другое объясненіе: къ меньшинству естественнымъ образомъ тянутъ „интеллигентскіе“ элементы нашей партіи, потому что меньшинство защищаетъ индивидуалистическія и анархическія тенденціи въ организаціонной жизни, тѣ самыя тенденціи, которыя такъ дороги сердцу интеллигента[1].

Закончу маленькимъ практическимъ предложеніемъ, котораго не стану подробно мотивировать, потому что смыслъ его и такъ будетъ ясенъ.

Въ партійномъ органѣ намъ хотѣлось бы имѣть органъ *дѣйствительнаго единства партіи*: а потому всю текущую полемику, особенно въ виду ея остраго характера, лучше было бы совсѣмъ удалить со страницъ „Искры“ и печатать, напр., въ особыхъ приложеніяхъ къ ней. Въ виду чисто домашняго характера собственно организаціонныхъ вопросовъ, можно было бы, пожалуй, даже ограничить распространеніе этихъ приложеній одними членами партіи; но за это я, конечно, особенно стоять не буду. Такое выдѣленіе полемики улучшило бы отношеніе къ „Искрѣ“ со стороны дѣйствительнаго большинства партіи, большинства ея рядовыхъ работниковъ, особенно рабочихъ; легче было бы подводить итоги полемикѣ, и она была бы исчерпана скорѣе, чего всѣ мы такъ страстно желаемъ.

Рядовой.

* * *

Отъ редакціи. Товарищу, скромно назвавшему себя „Рядовымъ“, мы отвѣтимъ въ краткихъ словахъ:

1) Начальныя разсужденія о томъ, что ред. „Искры“ не приглашала до № 66 сторонниковъ „большинства“ высказаться, не выдерживаютъ самой легкой критики. Еслибъ т. Рядовой *понималъ*, какъ должно „меньшинство“ (и, вообще, соціальдемократія) смотрѣть на задачи партійнаго органа, онъ догадался бы, что и безъ особаго приглашенія литераторы „большинства“ могутъ надѣяться на помѣщеніе въ Ц. О. *дѣйствительно*-литературныхъ произведеній. А помѣщеніе полемическаго письма т. Александрова въ № 57 „Искры“ должно было разсѣять и послѣднія сомнѣнія. Если, кромѣ тов. Ленина, ни къ кому изъ „большинства“ редакція не обращалась съ спеціальнымъ предложеніемъ о *постоянномъ* сотрудничествѣ, то лишь потому, что литературно-заявившихъ себя товарищей мы не встрѣчали среди „большинства“. Ссылку тов. Рядового на брошюру Одесскаго Ком. мы отвергаемъ, въ виду мутнаго характера этого источника: изданная Од. Комитетомъ брошюра, „Докладъ о II съѣздѣ“, представляетъ собой нѣчто небывалое въ нашей революціонной литературѣ по *недобросовѣстности* тѣхъ обвиненій и недостовѣрности тѣхъ *сплетенъ*, которыя въ *нелегальной* типографіи печатались одесскими товарищами, не вѣдавшими, что онѣ творятъ. Тов. Рядовой проявилъ поразительное отсутствіе моральной чуткости, когда счелъ возможнымъ ссылаться на *такое* произведеніе печати.

2) Заявленіе тов. Рядового, будто бы въ нашей Партіи не было попытокъ давленія на мѣстные комитеты, въ видахъ „измѣненія по произволу состава тѣхъ или иныхъ организацій“, можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ этого товарища съ положеніемъ дѣлъ въ Партіи. Мы же знаемъ соотвѣтствующіе случаи въ Харьковѣ, Баку и Николаевѣ и знаемъ, что тов. Ленинъ, и многіе съ нимъ, и *послѣ* эксперимента съ Лигой отстаиваютъ безапелляціонное право Ц. К. вводить въ мѣстные комитеты своихъ членовъ, *безъ* согласія комитетовъ.

3) Смѣлость, съ которой тов. Рядовой разсказываетъ о томъ, кто въ старой „Искрѣ“ былъ фактическимъ редакторомъ, заставляетъ насъ напомнить тов. Рядовому, что, мысленно обозрѣвая ряды многочисленныхъ товарищей, вмѣстѣ съ нами работавшихъ въ организаціи „Искры“, мы не находимъ въ этихъ рядахъ даннаго товарища, а потому должны допустить, что свои свѣдѣнія о роли того или другого редактора „Искры“ онъ почерпнулъ изъ самаго ненадежнаго источника — кумушкиныхъ сплетенъ. Пользованіе такимъ источникомъ едва ли должно считаться необходимымъ признакомъ „твердаго искровства“.

Л. М.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ?[2]

(Письмо изъ Одессы).

Новѣйшій фазисъ нашей партійной жизни создалъ на мѣстахъ въ высшей степени тяжелую атмосферу, въ которой начинаетъ задыхаться все, что хочетъ жить, двигаться и работать въ сторонѣ отъ богатой области „засѣдательства“. Какимъ-то специфическимъ запахомъ дипломатіи несетъ отъ каждаго шага, каждаго дѣйствія „руководителей“, духъ этой дипломатіи заражаетъ все большія массы, она, очевидно, становится принципомъ всей дѣятельности, — и наконецъ, мы, *вмѣсто единой* солидарной соціальдемократической организаціи, видимъ механически сплоченную группу, цѣлость которой поддерживается исключительно безправностью отдѣльныхъ ея членовъ, оторванностью ихъ отъ *общаго дѣла*, микроскопичностью ихъ спеціальности да еще устрашающей силою „дисциплины". То, что тамъ „наверху", въ области центральныхъ учрежденій Партіи, нашло болѣе или менѣе принципіальный характеръ, одухотворено въ той или иной мѣрѣ сознаніемъ грандіозной отвѣтственности передъ дѣломъ русской революціи, здѣсь, „внизу", во тьмѣ „строгой и послѣдовательной" централизаціи, вырождается въ нѣкое „дѣльце", благопристойности ради оборудованное грозными баттареями параграфовъ уставовъ и размалеванное устрашающими красками „дисциплины". Если сидящіе тамъ, наверху, позволяютъ себѣ вещи вродѣ „ультиматумовъ" или тасованія комитетовъ въ духѣ „большинства", то несомнѣнно, что внизу ихъ представители пойдутъ въ этомъ отношенія еще дальше. Это прямо таки законъ всякаго бюрократическаго строя, что мѣстныя власти усердствуютъ всегда не по разуму. Провозглашенный свыше принципъ осаднаго положенія еще больше развязываетъ имъ руки; они совершенно теряютъ узду и „дисциплина" въ ихъ рукахъ становится страшнымъ бичомъ. Товарищи изъ „меньшинства" поймутъ, что сказанное выше недалеко отстоитъ отъ нашей дѣйствительности, а одесскіе товарищи увидятъ, можетъ быть, точную копію.

---

[1] Оказывается, не совсѣмъ „небрежность“: я былъ плохо освѣдомленъ объ этомъ дѣлѣ. Вотъ что напечатанно, между прочимъ, въ „докладѣ о II съѣздѣ“, изд. Одесскаго Комитета Партіи (стр. 23, прим.):

„Письмо Ленина не было напечатано; *точно также и заявленіе заграничнаго представителя Ц. К.* Не былъ напечатанъ *цѣлый рядъ писемъ въ редакцію и заявленій*... точно также *письмо „Что случилось?“ не увидѣло свѣта „Искры“*, но за то былъ напечатанъ насмѣшливый разборъ этого письма“ и т. д. (курсивъ вездѣ мой Р.). Милая редакція, какъ же вы это забыли?

[1] „Робеспьера“ я заимствовалъ изъ обычныхъ метафоръ меньшинства, а „термидоріанцы“, я надѣюсь, не хуже „бонапартистовъ“.

[2] Между прочимъ, дальнѣйшее пополненіе Ц. К., которое по уставу должно совершаться по *единогласному* рѣшенію, было бы затруднено до послѣдней степени: какое ужъ тамъ было бы „единогласіе“!

[1] Характерно, что даже терминъ *партійная дисциплина* тов. Мартовъ употребляетъ теперь, по большей части, въ сопровожденіи „знака ироническаго“, въ видѣ кавычекъ.

[2] Отъ ред. Это, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, запоздавшее письмо является *уже третьимъ* голосомъ протеста противъ мѣстныхъ комитетскихъ порядковъ.

Мѣстная организація вполнѣ можетъ удовлетворять идеалу „большинства". Централизація и дисциплина нашли себѣ здѣсь высшее воплощеніе. Полнѣйшее безправіе всѣхъ, даже стоящихъ непосредственно „подъ" комитетомъ товерищей, наидетальнѣйшее раздѣленіе труда, весьма искусно приспособленное къ нуждамъ централизаціи, ничтожнѣйшая освѣдомленность всѣхъ работниковъ не только въ дѣлахъ Партіи, но даже въ дѣлахъ мѣстнаго комитета, самыя слабыя связи его со всей организованной массой, подавленіе всякой тѣни самостоятельности, недовѣрчивое, подозрительное отношеніе ко всякой иниціативѣ, идущей снизу, предпочтеніе „техники" и „политики" живой работѣ въ массахъ и соціализму — вотъ характернѣйшія черты мѣстной организаціи. Все это, конечно, главнымъ образомъ, во имя двухъ фетишей — дисциплины и централизаціи. Немудрено, что самые полезные принципы въ силу этого превращаются въ прямую свою противоположность. Возьмите такъ называемое „раздѣленіе труда"! Принципъ хорошъ, да вышло то, что отдѣльный работникъ, сидя за мельчайшими функціями, совершенно лишенъ возможности вліять на общій ходъ дѣлъ. Да и что говорить о вліяніи, когда для него просто немыслимо ознакомиться съ общимъ теченіемъ дѣлъ, съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ „частяхъ". Всего лучше это видать на организаціи пропаганды, т. е. главнаго нерва соціальдемократической работы. Такъ, пропагандисты стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ организаціи, совершенно чужды всей ея жизни. Вся организація можетъ быть потрясена и взволнована какими-нибудь чрезвычайными событіями своей внутренней жизни, чтобы пропагандисты о нихъ даже и не знали. Въ кружокъ рабочихъ пропагандистъ является изъ совсѣмъ другого міра, гдѣ люди счастливо живутъ, не вѣдая болей, скорбей и заботъ общей соціальдемократической организаціи, гдѣ кругомъ брызжутъ прохладительные фонтаны чистѣйшей кристально-ортодоксальной науки, не загрязняемые и не запыливаемые презрѣнной „практикой". Мудрено ли, что вышедшій изъ этой Аркадіи пропагандистъ, являясь въ кружокъ рабочихъ, сразу становится имъ совершенно чуждымъ человѣкомъ, съ совсѣмъ иной психологіей, абстрактной, холодной, не накаленной въ горнилѣ живой общеорганизаціонной работы. Понятно, что и слушать такого пропагандиста скучно, да и ни о чемъ, кромѣ своей сухой, безъ плоти и крови „лекціи", пропагандистъ съ ними говорить не можетъ. Онъ только „ученый" и больше ничего. Вмѣстѣ съ другими учеными отъ соціальдемократіи онъ поступаетъ во владѣніе т. н. „завѣдующаго пропагандой". Можетъ быть, вы думаете, что черезъ этого завѣдующаго они пріобщаются къ животрепещущей общей работѣ организаціи? можетъ быть, это онъ, спускаясь внизъ въ организацію, проникая всюду въ отдѣльныя ея вѣтви, зная все и вся, приходитъ къ пропагандистамъ наверхъ свѣжій, полный силъ, овѣянный живымъ духомъ цѣлостной соціальдемократической организаціи и разсѣиваетъ и вокругъ себя эту живую атмосферу, убиваетъ въ зародышѣ вредные микробы кастовой замкнутости пропагандистовъ! Нѣтъ, читатель! И самъ „завѣдующій" подлежитъ законамъ раздѣленія труда, вслѣдствіе чего онъ для организаціи только „завѣдующій" и ничего больше, какъ завѣдующій. Связи съ организаціей у него еще меньше, чѣмъ у пропагандистовъ, т. к. у него нѣтъ даже тѣхъ кружковъ, которыя имѣются у послѣднихъ. Оторванность пропаганды отъ всей области соціальдемократической работы доходитъ здѣсь до того, что совершенно невозможно позвать непосредственно въ кружокъ пропагандиста. Нѣтъ, въ интересахъ централизаціи это дѣлается такъ: адресъ квартиры кочуетъ черезъ 4-5 инстанцій, покуда попадетъ въ верхъ, къ „завѣдующему", а отъ онаго адресъ лишь пойдетъ внизъ, къ пропагандисту. Кочуя по многочисленнымъ инстанціямъ, адресъ или коверкается или теряетъ какую-нибудь важную деталь; къ пропагандисту онъ приходитъ уже въ совершенно безобразномъ видѣ. Весь этотъ тяжелый путь адресъ совершаетъ 2 3 дня, такъ что пропагандиста приходится „заказывать" на этотъ срокъ раньше, квартиры же чаще всего попадаются на тотъ же самый или на другой день, распредѣлять ихъ по срокамъ крайне трудно. Результаты таковы: пропагандисты не попадаютъ на квартиры, кружки собираются 2-3 раза (бываетъ и больше) и безрезультатно расходятся, имѣются квартиры, которыми не пользуются, проваливаютъ квартиры безъ того, чтобы тамъ дѣйствительно что-нибудь произошло. Мудрено ли, что кружковъ жалкое число, что собираются они съ промежутками въ двѣ, три и четыре недѣли, съ различнымъ составомъ, что растетъ гора недоразумѣній, недовольство, что растетъ раздраженіе противъ интеллигентовъ, лишенныхъ всякаго конспиративнаго опыта, неаккуратныхъ, неловкихъ, скучныхъ и сухихъ...

Но „принципы" надо проводить „неукоснительно". А, вѣдь, это дѣлается во имя *централизаціи* и раздѣленія труда. Я такъ долго остановился на постановкѣ пропаганды, потому что думаю, что это самая важная часть соціальдемократической работы. Надо, наконецъ, оглянуться!..

Еще одинъ поучительный примѣръ. Въ интересахъ раздѣленія труда. централизаціи руководства и проч. и проч., городъ раздѣлили на нѣсколько районовъ. Но умудрились это устроить такимъ образомъ, такъ „прямолинейно", что окончательно исчезла всякая связь между районами и другъ для друга они — чуждыя страны, на въѣздъ въ которыя требуется спеціальная виза комитета. Опять таки: одинъ районъ можетъ быть потрясенъ и взволнованъ какими угодно событіями, чтобы другого это и не касалось. Такъ какъ одинъ районъ понятія не имѣетъ о потребностяхъ и нуждахъ другого, то между районными представителями передъ лицомъ комитета происходитъ форменный торгъ изъ за количества листковъ, брошюръ, людей и т. д. Комитетъ безсиленъ разобраться въ томъ, что и сколько кому, дѣйствительно, нужно, и въ результатѣ — самое несообразное раздѣленіе всѣхъ средствъ. Единственная связь между районами — это собраніе ихъ представителей, но ихъ всего четыре-пять человѣкъ, районы же раскинуты на громадномъ разстояніи. Очевидно, для дѣйствительной связи собранія ничего не даетъ.

Результаты на лицо. Въ организаціи растетъ угрожающе быстро „партикуляризмъ", приходская политика, каждая группка живетъ для себя, конкуррируетъ съ другой. Развивается кружковщина, да, кружковщина, и гораздо худшая, чѣмъ былая! Кружокъ періода экономизма и кустарничества былъ хоть многостороннимъ и цѣлостнымъ организмомъ, кружокъ періода „политики" и централизма — мертвый, гипертрофированный сколокъ дряхлаго тѣла.

Въ связи съ этимъ, нужно отмѣтить одно важное обстоятельство, бросающее яркій свѣтъ на характеръ мѣстной централизаціи. Это подчеркиваніе, и усиленное подчеркиваніе, мѣстными комитетчиками своей отвѣтственности передъ Ц. К. и полнѣйшее отсутствіе у нихъ сознанія какой-либо отвѣтственности передъ мѣстной организаціей. Являясь посланниками Ц. К., они всѣ взоры свои обращаютъ къ нему же; при малѣйшемъ конфликтѣ съ какимъ-либо учрежденіемъ внутри организаціи, они выходятъ побѣдителями, опираясь все на эту отвѣтственность. Спросите любого изъ нихъ, *почему* онъ противъ предоставленія тѣхъ или иныхъ правъ какимъ либо учрежденіямъ, и вы услышите: „какъ же мы можемъ это сдѣлать? Помилуйте, мы вѣдь несемъ такую отвѣтственность передъ Ц. К.". Укажите ему, что прокламаціи плохи, невыдержаны, непопулярны, и настаивайте, вслѣдствіе этого, на иной организаціи ихъ выпуска, на необходимости поставить это дѣло подъ контроль организаціи, и вамъ отвѣтятъ: „если бы наши прокламаціи были невыдержаны, Ц. К. давно бы насъ раскассировалъ". Стало быть... прокламаціи хороши. Неправда ли, доказательно? Словомъ, для комитетчиковъ Ц. К. все, а вся мѣстная организація, ропотъ рабочихъ, жалобы. недовольство и протесты ровно ничего или нестоящіе пустяки, разъ Ц. К. благосклонно молчитъ. Комитетчикъ такъ на себя смотритъ, что онъ въ „распоряженіи" Ц. К. — сегодня онъ его сюда назначилъ, завтра онъ его отзоветъ. О томъ, что онъ въ распоряженіи мѣстной организаціи — онъ психологически и не склоненъ даже думать; скорѣе наоборотъ: все его положеніе, вся система централизаціи укрѣпляетъ его въ томъ убѣжденіи, что вся организація находится въ его распоряженіи. Ц. К. отдалъ ее ему для этого: „хочу надѣну, хочу раздѣну..."

Теперь легко понять, *почему* комитетъ и *вся* остальная организація — это всегда двѣ „стороны", которыя находятся въ безпрерывномъ состязаніи. Примите во вниманіе, что вся организація построена на этомъ принципѣ исключительной отвѣтственности предъ высшими въ іерархической лѣстницѣ учрежденіями, и вамъ станетъ понятно, какъ это + раздѣленіе труда + централизація + дисциплина превращаютъ организацію въ какую-то груду политиканствующихъ, борющихся другъ съ другомъ дипломатовъ, больше занятыхъ всякого рода „упорядоченіями", „объясненіями", „розысканіями", „внушеніями" и тому подобной административной эквилибристикой, чѣмъ положительной соціальдемократической работой. Достаточно для подтвержденія указать на такой фактъ, что въ организаціи существуетъ большое количество лицъ, ни къ пропагандѣ, ни къ агитаціи, ни къ техникѣ, ни къ чему либо подобному неприкосновенныхъ, а *исключительно* занятыхъ чисто административной работой, какъ-то: передача и растолкованіе порученій, разслѣдованіе оппозиціи, собираніе текущаго статистическаго матеріала, разслѣдованіе объ отпавшихъ и испытаніе вновь приставшихъ, пріемъ распоряженій, сдача отчетовъ и... больше ничего.

Это ли не идеальное раздѣленіе труда?!

Вотъ въ такой сферѣ разыгралась и кончилась недавно война съ „меньшинствомъ".

Долгое время Одесскій Комитетъ прикидывался, что все обстоитъ благополучно. Подъ нимъ масса волновалась, до него доходили неформальные протесты, кругомъ все гудѣло о расколѣ, а онъ себѣ сидѣлъ, далекій отъ трепещущей жизни и ни на что не взиралъ. „Искра" была признана соблазнительной, „подпольная" литература была спрятана подъ семью замками, всѣмъ роздано было приказаніе, не волнуя массы неосновательными слухами, строго слѣдить, не появляется ли гдѣ „меньшинство". Нѣкоторое время была тишь да гладь. Но вотъ муравейникъ закопошился. Оказалось, что „меньшинство" появилось и собирается „мутить". Въ это время толки и волненія среди наиболѣе дѣятельныхъ и развитыхъ товарищей значительно усилились и, такъ какъ Комитетъ попрежнему оставался глухъ и нѣмъ, то естественно, что въ стремленіи узнать кое-что о партійныхъ событіяхъ, эти товарищи пошли по линіи наименьшаго сопротивленія и по *собственной* иниціативѣ устроили нѣсколько собраній, на которыхъ говорилъ представитель „меньшинства". Нетрудно понять, что вся логика и безуміе предшествующаго поведенія Комитета неизбѣжно вели къ тому, что собранія эти становились „тайными", совершались внѣ сферы недреманнаго ока комитетчиковъ, невольно окружались атмосферой преступнаго соблазна. Это еще болѣе всѣхъ взволновало и ничего не оставалось дѣлать — Комитетъ двинулся объяснять, что такое это „большинство" и „меньшинство". Отмѣчу здѣсь, что незадолго до этого появился въ Одессѣ 60-ый номеръ „Искры" съ запросомъ одного одесскаго товарища и отвѣтомъ Мартова. Въ городскомъ районѣ первое же собраніе 16-ю голосами противъ четырехъ высказалось за устройство диспута. Рѣчь комитетскаго оратора, крѣпко настоенная на помрачающей злокозненности „меньшинства", создала еще большую путаницу. И хотя Комитетъ раньше очень упорно отбивался отъ диспута, ссылаясь торжественно на то, что „меньшинство" де не въ Партіи, а потому и разговаривать съ нимъ нечего, что оно сплошь состоитъ изъ анархистовъ и проч. и проч., все же и здѣсь жизнь прорвала плотину комитетской неприступности. Пришлось устроить и диспутъ. Такъ закипѣла борьба. Могла ли она быть для нашего Комитета чисто идейной? Достаточно вспомнить сказанное мною выше объ Одесскомъ Комитетѣ, чтобы отвѣтить отрицательно. Въ дальнѣйшихъ его „поступкахъ" психологія осаднаго положенія выступила во всей своей непривлекательной наготѣ. Дѣйствительно, разъ Партія и не хочетъ, и боится *эволюціоннаго* характера идейной борьбы, идейной самозащиты, идейнаго объединенія и стремится придать всему этому характеръ *революціонный*, съ оттѣнкомъ инквизиціи, то само собой понятно, что она не столько заинтересована въ созданіи себѣ принципіально убѣжденныхъ и убѣждающихъ *сторонниковъ*, сколько въ фабрикаціи организаціонно подчиненныхъ *агентовъ*. Это обстоятельство поможетъ намъ понять дальнѣйшее поведеніе Одесск. Ком въ борьбѣ съ „меньшинствомъ". Когда Комитетъ ринулся въ бой, то оказалось, что симпатіи порядочнаго количества сознательныхъ рабочихъ въ той или иной степени перешли къ „меньшинству". Остальная же масса организованныхъ рабочихъ къ тому времени стояла совершенно въ сторонѣ отъ этихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, Комитетъ оказался безъ всякой, за ничтожнымъ исключеніемъ, поддержки стоявшихъ подъ нимъ товарищей. Очевидно, что надежды на то. что когда надо будетъ сокрушить врага, „ёнъ достанетъ", совершенно не оправдалась: пришлось орудовать „собственными средствіями". И вотъ Комитетъ. болѣе четырехъ мѣсяцевъ не контролировавшій лично работу, связанный со всей организованной массой лишь тремя-четырьмя лицами, лишенными какой бы то ни было самостоятельности — этотъ Комитетъ открываетъ эпопею внезапныхъ и тайныхъ ревизій, чтобы розыскать всѣ нити и корни. Начинается рядъ допросовъ, слѣдствій за спинами лицъ, дѣятельность которыхъ контролируется, вносящихъ сильнѣйшую деморализацію въ ряды товарищей. Подрывается авторитетъ посланныхъ Комитетомъ же людей, какъ снѣжный комъ растетъ гора слуховъ, подозрѣній, сплетенъ... Ходишь и дѣйствуешь, точно почва подъ тобою минирована... Начинается дѣленіе товарищей на „своихъ" и „не-своихъ". Пущенная кѣмъ-то на бѣду фраза „къ чорту Комитетъ!" вызываетъ вкупѣ съ прочими прегрѣшеніями цѣлое слѣдствіе объ оскорбленіи величества — словомъ Комитетъ „контролируетъ"! Въ этомъ „контролѣ" ему помогаютъ два-три человѣка изъ „своихъ". И. наконецъ, торжество! Корни и нити найдены! Судебно-административная кампанія заканчивается трескомъ изгнанія изъ отдѣльныхъ учрежденій и изъ всей организаціи разысканныхъ „меньшинствинцевъ".

Сначала это дѣлалось Комитетомъ такъ, чтобы невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, т. е. „меньшинствинецъ" вылеталъ изъ организаціи за что угодно, кромѣ своихъ убѣжденій, но долго эту комедію играть нельзя было. Комитетъ окончательно рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не допускать *ни въ какое учрежденіе* отверженцевъ „меньшинства". Духъ мѣстныхъ комитетчиковъ особенно возликовалъ, когда стало извѣстно, что въ Екатеринославѣ тоже повыкурили „анархистовъ" — и тамъ стало совершенно „чисто".

Во-истину по щедрински: „домой ѣзжалъ, народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, реформа кончалъ".

Торжество по всей линіи!

* * *

Мы стоимъ передъ серьезнымъ моментомъ. Логика „твердыхъ" неумолимо толкаетъ Партію къ формальному расколу. Не даромъ они стремятся къ созыву третьяго съѣзда. Система выкидыванія освящается такимъ оплотомъ „твердыхъ", какъ Од. Ком. Здѣсь геній „твердыхъ" находитъ себѣ наивысшее воплощеніе. Мѣстныя власти служатъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Видитъ ли все это Ц. К.? Понимаетъ ли онъ, что политика исключенія является грубымъ попирательствомъ всѣхъ нашихъ объединительныхъ стремленій, что она грозитъ Партіи неисчислимыми бѣдствіями, что слабо тлѣющая теперь искра дѣятельности[1]) можетъ при такомъ положеніи дѣлъ совершенно затухнуть. Были у насъ времена, когда кипѣла борьба съ экономистами и „кустарями". Каковы бы ни были тогда мѣры административнаго воздѣйствія, онѣ никогда не доходили до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ бюрократизма, до которыхъ онѣ дошли теперь. Но экономизмъ и оппортунизмъ для тогдашнихъ соціальдемократовъ былъ гораздо страшнѣе нынѣшняго „оппортунизма" и „экономизма" „меньшинства" — и все же шла совмѣстная практическая работа, все же въ жертву этой борьбѣ не отдавались насущныя нужды движенія. Что же, теперь это уже не годится? Что случилось? Одесскій Комитетъ въ своей резолюціи говоритъ, что „меньшинство" боролось сначала за власть, а потомъ уже при помощи власти. Но, вѣдь, когда въ періодъ борьбы съ экономизмомъ васъ упрекали въ „административномъ воздѣйствіи" вы съ благороднымъ негодованіемъ отвергали эти упреки, подчеркивая исключительно идейный характеръ вашихъ поступковъ, а теперь вы сами что-то не совсѣмъ по „идейному", а все болѣе насчетъ власти. Выходитъ, какъ видите, что и тогда вы боролись за власть, чтобы потомъ бороться уже при помощи власти. Или это невѣрно? Въ настоящій критическій моментъ, переживаемый Россіей, внутри нашей Партіи мы переживаемъ полнѣйшее затишье въ положительной работѣ, размѣры которой просто ничтожны. И надо быть яростными бюрократами, слѣпыми поклонниками властной руки, чтобы въ такіе моменты тормозить мѣстную работу позорнѣйшимъ походомъ на „меньшинство".

Фактически политика исключенія ведетъ къ тому, что множество товарищей совершенно лишается возможности работать для движенія. Что дѣлать человѣку, выкинутому изъ мѣстной организаціи, если онъ, по условіямъ заработка или семьи, не можетъ перекочевать въ другой городъ? Не всѣ же наши работники профессіональные революціонеры! Что дѣлать всѣмъ активнымъ поднадзорнымъ, если они, боже упаси, станутъ „меньшинствинцами" и не захотятъ поѣхать нелегальными въ другой городъ? Раньше вопросы эти рѣшались проще. Въ городѣ возникала новая организація, куда входили всѣ недовольные элементы. Ну, а теперь какъ? Неужели этотъ вопросъ не возникаетъ у представителей „большинства"? И развѣ не ясно, что тутъ явное провоцированіе или раскола въ видѣ двухъ параллельныхъ комитетовъ или наихудшихъ формъ кустарничества, за которое неизбѣжно уцѣпятся всѣ товарищи, не желающіе подвергнуться революціонному оскопленію. Развѣ это не наихудшій методъ „усѣченія истины" — создать организацію, въ которой не будетъ ни одного человѣка, отъ котораго можно будетъ услышать иное мнѣніе о существенныхъ вопросахъ организаціи, тактики и программы? Развѣ эта своеобразная черта осѣдлости, устраиваемая „меньшинству", не уничтожитъ въ корнѣ того распредѣленія силъ, къ которому, повѣримъ, такъ искренно стремится Ц. К.? Развѣ, вмѣстѣ съ территоріальнымъ раздѣленіемъ, не ухудшатся въ значительной степени конспиративныя условія для массы легальныхъ товарищей, для которыхъ „черта осѣдлости", устроенная „меньшинству". будетъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ черта осѣдлости правительства для евреевъ-революціонеровъ?

Развѣ не останется за бортомъ множество работниковъ евреевъ, еще не перешедшихъ на нелегальное положеніе, вслѣдствіе того, что почти всѣ „меньшинствинскіе" города находятся внѣ правительственной черты осѣдлости? Развѣ не создается окончательное психологическое отчужденіе одной части отъ другой (вспомните Бундъ), развѣ не съузится поле наблюденія, не возникнетъ деморализующая конкурренція... Надъ всѣми этими вопросами не мѣшало бы поразмыслить всѣмъ и Ц. К. въ особенности. Мы же думаемъ, что если политика выкуриванія будетъ продолжаться, то въ Партіи создастся затяжной кризисъ, выходъ изъ котораго трудно предугадать. Пока же работа совершенно парализуется — и Одесса тому примѣръ. Вокругъ да около организаціи ходитъ множество народу, лишеннаго дѣла, вышибленнаго изъ колеи современнымъ кризисомъ. Въ поискахъ за какой-нибудь революціонной работой, эти люди, привязанные тѣми или иными обстоятельствами къ данному мѣсту, снуютъ отъ одного знакомаго къ другому, покуда они, наконецъ, не попадаются, унося съ собою въ тюрьму озлобленіе за это проклятое безцѣльное шатаніе, вызванное этимъ крѣпколобымъ бюрократизмомъ.

Характернѣйшимъ явленіемъ переживаемаго нами кризиса служитъ то, что сравнительно много лицъ, одаренныхъ пропагандистскими или агитаторскими способностями, бѣгутъ вонъ отъ живой непосредственной работы въ массахъ къ техникѣ, спасаясь, такимъ образомъ, отъ удушающей атмосферы внутри нашихъ организацій.

Мѣстному Комитету легко обвинять насъ въ дезорганизаціи, жаловаться на то, что **мы** ему не дали устроить майскій праздникъ, но мы знаемъ, что Комитетъ все время былъ занятъ разслѣдованіемъ корней и нитей, что онъ совершенно отвернулся отъ практической работы, что тратилъ и тратитъ большія средства все на эту борьбу съ „меньшинствомъ", что въ самый критическій моментъ, когда выхватили лучшихъ работниковъ, а другіе должны были спасаться бѣгствомъ, онъ затѣялъ этотъ позорный походъ противъ крамолы, страшно взбудораживъ массу, отвлекъ всѣхъ отъ положительной работы... „Мы" имъ мѣшаемъ творить положительную работу! Ахъ, какъ хорошо было бы, если бы насъ не было — и вотъ, гони ихъ въ шею! Да, мы собираемся имъ помѣшать въ ихъ позорной политикѣ! Мы призываемъ всѣхъ товарищей, какое бы мѣсто въ организаціи они не занимали, всѣми мѣрами протестовать противъ новѣйшей организаціонной политики. Пусть же протесты будутъ услышаны всѣми, кто интересуется жизнью Партіи, пусть они будятъ спящихъ и выведутъ изъ бюрократическаго столбняка бодрствующихъ. Пользуйтесь всѣми подходящими случаями, чтобы эти протесты стали и громче, и шире, и глубже. Не оставляйте, товарищи, разрѣшеніе волнующихъ васъ вопросовъ въ исключительное вѣдѣніе двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ высшихъ учрежденій и комитетовъ, хотя бы эти лица и обладали весьма бойкими перьями, а сами въ цѣломъ рядѣ собраній выносите на свѣтъ божій ваши мнѣнія. Въ тяжелую годину раздоровъ въ верхахъ, мощное слово съ низовъ можетъ многое сдѣлать. Покажите, что Партія это не тѣсный союзъ заговорщиковъ, рѣшающій за всѣхъ, а широкая организація, въ которой общественное мнѣніе играетъ и должно играть свою великую роль. И тогда дѣло введенія партійной жизни въ нормальное русло подвинется впередъ значительно быстрѣе.

Ст. И.

---

[1]) По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, упразднительная дѣятельность Екатеринославскаго Комитета уже привела къ полному затишью въ мѣстной революціонной жизни. *Ред.*

Заявленіе Сибирскаго Союза.

Товарищи! На съѣздѣ, какъ извѣстно, не произошло никакихъ существенныхъ принципіальныхъ разногласій[1]). Меньшинство откололось отъ большинства по вопросу о выборѣ въ центры и отчасти по вопросу о соотношеніи Ц. О. и Ц. К. Но и этотъ послѣдній вопросъ тоже не можетъ считаться принципіальнымъ, такъ какъ онъ дебатировался на съѣздѣ именно какъ вопросъ практической цѣлесообразности съ точки зрѣнія того или другого субъективнаго отношенія къ личному составу центровъ. Но вотъ съѣздъ закончился. Меньшинство, „недовольное составомъ центровъ“, составило оппозицію въ партіи; разъѣхавшіеся сторонники этого меньшинства начали горячую агитацію противъ партійнаго большинства. Ц. О., благодаря непонятной намъ слабости т. Плеханова, вскорѣ оказался въ рукахъ партійнаго меньшинства. Только съ этого времени и начинается дѣйствительная смута въ нашей партіи.

Имѣя въ рукахъ своихъ такое могучее орудіе агитаціи, какъ Ц. О., „меньшинство“ сумѣло воспользоваться имъ въ *своихъ* видахъ, но не съ цѣлью водворенія мира въ партіи, о чемъ оно такъ громко говорило и говоритъ до сихъ поръ. „Терпимость“ — лозунгъ, провозглашенный на съѣздѣ „меньшинствомъ“ въ спорахъ о выборѣ въ центры, со съѣзда былъ перенесенъ внутрь широкой массы партійныхъ работниковъ, какъ *принципіальное* разногласіе. Въ номерахъ „Искры“, перешедшей въ руки меньшинства, стремленіе придать бывшимъ разногласіямъ принципіальный характеръ сразу же приняло довольно опредѣленный видъ. Это былъ не прямой, открытый натискъ на противника, а окольное, обходное дискредитированіе „большинства“ въ глазахъ дѣйствующихъ товарищей, мало или почти совсѣмъ не освѣдомленныхъ о характерѣ столкновенія на съѣздѣ. Призывъ къ умѣренности прозвучалъ внутри партіи, не разглядѣвшей *еще* и не понявшей причины такого поворота, рѣзкимъ диссонансомъ со всѣмъ прошлымъ искровской борьбы и заставилъ поднять голову всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе несогласенъ былъ съ „догмой“ ортодоксіи. Для широкой массы дѣйствующихъ товарищей этотъ призывъ былъ ошеломляющей неожиданностью, ибо она только что восприняла изъ того же источника спасительную строгость къ себѣ и другимъ.

Это была первая вступительная нота. Но и тутъ связь между „большинствомъ“ или, вѣрнѣе, позиціей большинства на съѣздѣ и „собакевическими“ пріемами организаціонной политики (къ чему очень скоро агитація „Искры“ свела „нетерпимость“) была чисто формальной.

Строгость отношенія при выборѣ въ центры или стремленіе обезпечить твердый искровскій курсъ въ Ц. К., съ одной стороны, и „прямолинейные“, „собакевическіе“ пріемы въ организаціонныхъ отношеніяхъ нерѣдко встрѣчаемые въ практикѣ нашихъ комитетовъ и обусловливаемые, конечно, общей слабостью и неумѣлостью партійныхъ работниковъ — съ другой стороны, — это два явленія совершенно разнаго порядка, связать которыя возможно лишь формально, но не фактически. Конечно, „собакевическіе“ пріемы могли проявиться и на съѣздѣ, но объ этомъ мы ровно ничего не слыхали, да и не всѣ детали борьбы на съѣздѣ могли дойти до нашего слуха (припомнимъ заботливое соображеніе „Искры“ объ особаго рода „интерференціи“ въ № 53). А не зная всѣхъ деталей борьбы на съѣздѣ, масса дѣйствующихъ товарищей въ Россіи не можетъ, конечно, и рѣшить, была ли „большинствомъ“ при выборѣ въ центры проявлена вполнѣ законная и необходимая строгость или „собакевическій“ пріемъ?

Въ такое время, когда строгость отношенія къ своимъ принципамъ далеко еще не окрѣпла въ нашей партіи, провозглашеніе принципа терпимости вообще (хотя потомъ и противопоставляемаго „собакевическимъ пріемамъ“ въ организаціонномъ дѣлѣ) болѣе чѣмъ опасно. Вмѣсто благодѣтельнаго воздѣйствія и исправленія дѣйствующихъ организацій въ дѣлѣ внутри-партійныхъ отношеній, „терпимость“, провозглашенная *такимъ образомъ*, могла бы скорѣе всего снова, какъ прежде, — хоть на время и въ совершенно иномъ образѣ — толкнуть теорію на жертву практикѣ. Вѣдь то, что „терпимо“ съ точки зрѣнія оппортюнизма, нерѣдко является преступленіемъ съ точки зрѣнія ортодоксіи, а то, что оппортюнистъ назоветъ „собакевическимъ пріемомъ“, съ точки зрѣнія ортодоксіи, будетъ спасительной строгостью!

Принципъ „терпимости“, провозглашенный ради оправданія поведенія меньшинства на съѣздѣ и дискредитированія позиціи большинства, широко растворилъ ворота въ партію раньше, чѣмъ *руководящіе центры надѣлили* эту послѣднюю революціонно-критическимъ масштабомъ.

Но разъ задавшись цѣлью во что бы то ни стало дискредитировать большинство въ глазахъ партіи и не имѣя возможности прямо изобразить позицію этого большинства въ видѣ позиціи Собакевича, меньшинство, или „Искра“, стало выискивать, подхватывать и раздувать многочисленные промахи и дефекты россійскихъ комитетовъ и совершенно *произвольно* связывать ихъ съ позиціей большинства на съѣздѣ.

Дѣло велось и ведется до сихъ поръ слѣдующимъ образомъ: Большинство, образовавшееся на съѣздѣ, не задѣвается прямо... Прочитавъ въ „Искрѣ“ ту или иную принципіальную статью, читатель видитъ лишь промахи и ошибки того или иного комитета. Многіе изъ этихъ промаховъ, въ сущности, не стоятъ ужъ слишкомъ большого вниманія, какое, однако, удѣляется имъ „Искрой“... Достаточно было отмѣтить, спокойно разъяснить, и ошибка, вѣроятно, навсегда была бы устранена. И добивайся меньшинство *только* исправленія этихъ дефектовъ, не имѣй оно, кромѣ этого, никакой иной цѣли, въ „Искрѣ“ никогда не проявилось бы такой переоцѣнки важности разныхъ „ошибокъ“ и столько страстности по отношенію къ пустымъ мелочамъ.

Но въ томъ то и дѣло, что въ интересахъ меньшинства представить эти мелочи въ чудовищномъ видѣ, напугать партію призракомъ выростающей „ереси“, назвать эту „ересь“ „утопическимъ“, „бюрократическимъ“ и т. п. централизмомъ и незамѣтно, чисто словесно-внѣшнимъ путемъ связавъ свою критику съ позиціей большинства на съѣздѣ, взвалить, такимъ образомъ, на шею послѣдняго всѣ „грѣхи“, изловленные „Искрой“ въ обширномъ морѣ партійной жизни.

Читатель, внимательно просматривающій въ „Искрѣ“ одну статью за другой, не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе хороши, что придраться совершенно не къ чему, но что всѣ онѣ, разсуждая о различныхъ дефектахъ партійной практики, мимоходомъ, между строкъ, болѣе или менѣе ясно указываютъ на какого то главнаго виновника настоящаго „грѣхопаденія“, оставшагося гдѣ-то позади... на съѣздѣ.

Такъ шагъ за шагомъ — не путемъ логики, а путемъ словеснаго внушенія — читатель приходитъ къ вѣрѣ... въ „грѣхопаденіе“ большинства и настраивается оппозиціонно, чего только и добивается меньшинство. Какъ будто именно большинство — одна часть партіи, а не вся партія въ цѣломъ, виновна и отвѣтственна въ принципіальной и практической слабости россійской соціальдемократіи!

Большинство, вѣроятно, не менѣе горячо стало бы бороться противъ тѣхъ ошибокъ и заблужденій россійской соціальдемократіи, противъ которыхъ теперь ратуетъ „Искра“. Не имѣя иной цѣли, кромѣ скорѣйшаго исправленія этихъ ошибокъ, оно только не стало бы раздувать значенія разныхъ мелочей и словесныхъ ляпсусовъ. Отъ подобнаго раздуванія не уберегся даже такой старый, испытанный и сдержанный товарищъ, какъ П. Б. Аксельродъ. Въ его интересной статьѣ въ № 55 „Искры“ есть одно (и даже не одно) мѣсто, гдѣ, ухватившись за употребленное однимъ комитетомъ неудачное слово „повиновеніе“, товарищъ Аксельродъ указываетъ на него, какъ на наивно формулированную объективную тенденцію нашей практики къ командованію и только къ командованію, иначе говоря — къ бюрократическому централизму, отрывающему верхи отъ низовъ. Это называется изъ мухи сдѣлать слона! Но вѣдь повиноваться можно не только *изъ подъ палки*, но и *добровольно, по убѣжденію!*

Если такой осторожный товарищъ, какъ П. Б. Аксельродъ, подъ давленіемъ своихъ субъективныхъ тенденцій, не могъ объективно взглянуть на многіе факты партійной жизни, то о другихъ нечего и говорить... Начиная съ 52 номера до послѣдняго, „Искра“ наполнена выискиваніемъ доказательствъ „прямолинейности“, „собакевическихъ пріемовъ“, „бюрократически полицейскихъ отношеній“ и т. п., и такъ какъ въ Россійской Соц.-Дем. Партіи, опирающейся на массы, но далеко еще не окрѣпшей принципіально, грѣховъ и проступковъ, пока что, можно найти вдоволь, особенно въ сферѣ организаціонной политики, то не мудрено, что „Искрѣ“ удалось уже много и много разъ... иллюстрировать обрисованный нами выше стремительный методъ доказательства того господства „бюрократическаго централизма“ въ нашей партіи, которое ведетъ свое начало отъ... „первороднаго“ грѣхопаденія большинства на съѣздѣ.

Въ статьѣ „На очереди“ (№ 63) тов. Л. М. пробуетъ, впрочемъ, нѣсколько исправить дѣло, заявляя, что „не все зло цѣликомъ воплощено въ такъ называемомъ большинствѣ съ тов. Ленинымъ и Ц. К. во главѣ“, но эта поправка ничуть не заставляетъ его отказаться отъ прежней политики. Съ приводимыми имъ анекдотическими фактами изъ жизни нѣкоторыхъ россійскихъ комитетовъ невидимо связывается и большинство, и тов. Ленинъ, и Ц. К.

Фактовъ, свидѣтельствующихъ о принципіальной слабости и практической неумѣлости россійской соціальдемократіи, безъ особаго труда можно выловить достаточно. А изобразить ихъ болѣе или менѣе „живописно“ — и еще того легче. Но ни существованіе этихъ фактовъ, ни появленіе такихъ „сторонниковъ“ большинства, съ которыми ни большинство, ни меньшинство не можетъ согласиться, не доказываетъ, однако, что позиція большинства на съѣздѣ была „еретической“. А развѣ у меньшинства мало найдется такихъ же „сторонниковъ“? Къ сожалѣнію, въ рукахъ „Искры“ — партійный органъ, въ рукахъ Ц. К. не имѣется этого могучаго орудія агитаціи; если бы условія борьбы въ этомъ отношеніи были одинаковы, многіе, вѣроятно, увидѣли бы, сколько еще худшихъ еретиковъ на сторонѣ меньшинства, широко открывшаго двери въ партію своимъ провозглашеніемъ „терпимости“.

„Утопическій централизмъ“, какъ особая система организаціонной политики, существуетъ *только* въ головахъ партійнаго меньшинства, стремящагося во что бы то ни стало оправдать свою „позицію“ на съѣздѣ и свою „оппозицію“ послѣ съѣзда.

Противъ погрѣшностей въ организаціонной тактикѣ, вполнѣ естественныхъ въ настоящее время въ нашей партіи, слѣдуетъ бороться, но не слѣдуетъ ради субъективныхъ цѣлей „очень узкаго кружка лицъ“ превращать эти погрѣшности въ чудовище, стараясь такимъ пріемомъ *искусственно* углубить существующія несогласія въ партіи.

Для большей ясности мы заявляемъ, что, стоя вполнѣ на сторонѣ большинства, образовавшагося на съѣздѣ, и вполнѣ понимая ту осторожность при выборахъ въ центры, которую выказало при этомъ большинство, мы, однако, совершенно не признаемъ того „утопически-бюрократическаго“ централизма, который „Искра“ хочетъ во что бы то ни стало навязать на шею большинства. Централистическая организація не есть мертвая машина, которую одинъ вырванный изъ нея винтикъ дѣлаетъ негодной..; нѣтъ, это живой организмъ, находящійся въ постоянномъ движеніи, постоянно растущій вглубь и вширь... Основа такой организаціи лежитъ въ массахъ пролетаріата.

Если въ настоящее время большинство „верховъ“ этой организаціи составляетъ еще соціалистическая интеллигенція, то ближайшей нашей задачей должно стать — замѣна большинства „верховъ“ изъ интеллигенціи большинствомъ изъ сознательнаго пролетаріата. Поэтому, квинтъ эссенціей всей нашей работы должна быть агитація и пропаганда соціальдемократическихъ идей *въ массахъ пролетаріата*. Самый типъ централистической организаціи долженъ быть таковымъ, какой наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ успѣшное выполненіе этой основной задачи.

При этомъ, однако, мы и не думаемъ провозглашать „терпимость“, какъ это сдѣлала „Искра“, ибо строгое отношеніе какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, и въ настоящее время (и во всякое другое будетъ) безусловно необходимо. Но это не означаетъ также и того, что мы сторонники той каррикатурной „нетерпимости“, которую такъ старательно выискиваетъ „Искра“, стараясь взвалить практическую неумѣлость соціальдемократическихъ работниковъ на плечи большинства. Мы знаемъ, что умѣлая тактика въ организаціонныхъ отношеніяхъ не дается сразу — ни провозглашеніемъ „нетерпимости“, ни провозглашеніемъ „терпимости“, а вырабатывается долгимъ упорнымъ трудомъ на практикѣ организаціонной работы.

Своей критикой, не формулирующей ясно разногласій большинства и меньшинства, „Искра“ только разжигаетъ страсти, не убѣждая ни ту ни другую сторону. Отъ такой „критики“ смута только растетъ, а не уничтожается.

Каковъ же выходъ изъ этого тяжелаго положенія?

Ц. К. говоритъ — III съѣздъ... „Искра“ возражаетъ: 1) Въ такое время, какъ теперь (война), работниковъ нельзя отвлекать. 2) III съѣздъ не приведетъ ни къ какимъ результатамъ, ибо никто еще хорошенько не ознакомился съ результатами второго съѣзда.

Все это безусловно вѣрно; но гдѣ же „Искра“ указываетъ выходъ? Съѣздъ нельзя, но что же можно?

Энергичная и дружная работа, отвѣчаетъ „Искра“. Но, вѣдь, все увеличивающаяся смута, не позволяя работать вмѣстѣ, парализуетъ энергію... Слѣдовательно, прежде всего нужно уничтожить причины этой смуты... Но какъ? Вмѣсто прямого отвѣта „Искра“ твердитъ одно: съѣзда нельзя и нельзя.

Въ такомъ *не-отвѣтѣ* скрыто стремленіе *силой необходимости* заставить большинство склониться передъ меньшинствомъ. Но, вѣдь, это физическая сила, а не убѣжденіе, да и едва ли такая уловка достигнетъ результата. Обѣ стороны не захотятъ уступить, а, тѣмъ болѣе, одна изъ сторонъ. Вопросъ — что же дѣлать — остается во всей своей силѣ.

Ни „Искра“, да и никто другой, едва-ли укажетъ иной выходъ, кромѣ III съѣзда. Указаніе на то, что большинство партійныхъ работниковъ слишкомъ еще мало освѣдомлено о II съѣздѣ, совершенно правильно. Но изъ этого одинъ выводъ: немедленное и широкое освѣдомленіе партіи о всѣхъ перипетіяхъ борьбы на второмъ съѣздѣ. А именно это-то „Искра“ менѣе всего и дѣлаетъ.

Поэтому, признавая меньшинство („Искру“) *главнымъ* виновникомъ все растущей смуты внутри партіи, смуты, которая парализуетъ дружную, энергичную и планомѣрную работу, мы, *не видя иного выхода*, всецѣло присоединяемъ свой голосъ къ заявленію представителей Ц. К.[1]) о скорѣйшемъ созывѣ третьяго общепартійнаго съѣзда. Необходимымъ условіемъ такого созыва должно стать: немедленное и широкое ознакомленіе всѣхъ дѣйствующихъ организацій съ результатами II съѣзда.

Сибирскій Союзный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Май 1904 г.

---

[1]) Если не считать § 1 устава.

[1]) „Представители“ Ц. К. не были уполномочены послѣднимъ заявлять о желательности съѣзда. *Ред.*

Резолюція Тверского Комитета, единогласно принятая на общемъ собраніи Комитета 3 мая 1904 г.:

Полемическій отвѣтъ тов. Л. М. (въ № 60 Ц. О.) на резолюцію Тверского Комитета о современныхъ задачахъ Партіи (№ 60 Центр. Орг.), затрагивая очень важные вопросы партійной организаціи, рѣшаетъ ихъ мимоходомъ въ такомъ анти-организаціонномъ и анти-партійномъ направленіи, что вызываетъ необходимость самаго рѣшительнаго протеста.

Дѣло идетъ прежде всего о томъ, кто и при какихъ условіяхъ имѣетъ право выпускать литературныя произведенія съ оффиціальнымъ заголовкомъ и лозунгомъ Партіи на обложкѣ. Тверской Комитетъ выразилъ недоумѣніе, какимъ образомъ брошюра тов. Троцкаго „Отчетъ сибирской делегаціи“, брошюра, проникнутая явнымъ неуваженіемъ къ высшему органу Партіи — ея съѣзду — и переполненная нетоварищескими пріемами полемики, могла появиться подъ фирмой *Партіи*, и просилъ сообщить ему, означаетъ ли это, что брошюра вышла съ одобренія редакціи Ц. О. или это просто фальсификація. Тов. Л. М. разъясняетъ, что одобренія Ц. О. здѣсь вовсе и не требовалось, что тов. Троцкій имѣетъ право собственной властью писать подъ фирмой Партіи. Разъясненіе Л. М. представляетъ изъ себя либо явное и грубое недоразумѣніе, либо отрицаніе основныхъ принциповъ *всякой* партійной организаціи. Все, что выходитъ подъ именемъ и лозунгомъ Партіи, лежитъ на отвѣтственности Партіи, какъ цѣлаго. Поэтому, пользоваться этимъ именемъ и лозунгомъ могутъ только законные органы Партіи, когда они дѣйствуютъ въ предѣлахъ своей установленной компетенціи. Такъ, подъ фирмой Партіи мѣстные комитеты могутъ выпускать изданія, имѣющія мѣстное значеніе; центральныя учрежденія — также изданія, имѣющія значеніе общепартійное. Это до сихъ поръ считалось общеизвѣстнымъ, и, напр., письмо тов. Ленина, напечатанное безъ одобренія редакціи Ц. О., появилось безъ *общепартійнаго* заголовка. Имя и лозунгъ Партіи не должны примѣняться „распивочно и на выносъ“. Даже не сочувствуя направленію нашего Ц. О., всѣ мы *должны* нести свою долю отвѣтственности за его характеръ и содержаніе; это понятно и справедливо: всякая партія имѣетъ такой органъ, какого заслуживаетъ; и мы дожны мириться съ такимъ положеніемъ до слѣдующаго съѣзда. Но мы не хотимъ нести отвѣтственность за все, что угодно будетъ напечатать товарищу Троцкому. Онъ имѣетъ право пользоваться фирмой Партіи только въ предѣлахъ своей партійной функціи, напр., какъ законный делегатъ Сибирскаго Союза, онъ могъ поставить партійный заголовокъ на томъ докладѣ, который представилъ непосредственно Сиб. Союзу, но не на брошюрѣ на ту же тему, выпущенной въ свѣтъ[1]).

Выражаемъ свое удовольствіе, что, судя по заявленію тов. Л. М., мы не ошиблись — предположенная нами фальсификація (неумышленная), дѣйствительно, имѣлась въ данномъ случаѣ.

Другой организаціонный вопросъ, которaго коснулся товарищъ Л. М., есть вопросъ о товарищескихъ отношеніяхъ въ партійной прессѣ. Наше замѣчаніе о нетоварищескихъ пріемахъ полемики тов. Троцкаго тов. Л. М. считаетъ вполнѣ однороднымъ съ прежними нападками на „Искру“ за ея нетоварищескую полемику съ „экономистами, террористами, народниками, націоналистами“. Изъ этого сопоставленія съ очевидностью слѣдуетъ, что т. Л. М. считаетъ отношенія нынѣшняго „большинства“ и „меньшинства“ принципіально тождественными тѣмъ отношеніямъ, которыя существовали между соціальдемократами съ одной стороны и экономистами и террористами и т. д. — съ другой. Спѣшимъ разъяснить тов. Л. М., что разница существуетъ: „экономисты, террористы“ и т. д. не были *товарищами* соціальдемократовъ по организаціи и даже по основному направленію, а „большинство“ и „меньшинство“, какъ предполагается, составляютъ одну партію.

Мы предполагаемъ здѣсь со стороны т. Л. М. полемическую обмолвку. Если же нѣтъ, то получается такая дилемма: либо тов. Л. М. считаетъ всѣхъ одинаково „товарищами“ соціальдемократовъ, и экономистовъ, и народниковъ и т. д., тогда онъ — освобожденецъ и долженъ открыто заявить объ этомъ; либо онъ насъ, представителей партійной лѣвой, считаетъ настолько же не-товарищами, насколько для него не-товарищи народники, экономисты и т. д., и опять таки это надо сказать прямо, а не намеками.

Примѣчаніе. Въ программной статьѣ новой редакціи Ц. О. (въ № 52) „Чего не дѣлать?“[2]) говорится: „Очень смѣшны и, если хотите, жалки тѣ мягкотѣлые люди, которые вотъ уже много лѣтъ... плаксиво рекомендуютъ намъ „товарищескіе пріемы полемики“. Почему смѣшны? *Только потому*, что они по своей политической наивности хотятъ навязать намъ въ товарищи такихъ „товарищей“, которые совсѣмъ не способны итти съ нами по одной дорогѣ... Неумѣстная же рѣзкость достойна скорѣе Собакевича, чѣмъ „ортодоксальнаго“ соціальдемократа. Что касается Тверского Комитета, то онъ высказался отнюдь даже не противъ рѣзкости, а противъ неприличнаго тона.

Тверской Комитетъ выражаетъ надежду, что редакція, помѣстившая отъ своего имени статью „Чего не дѣлать?“, поможетъ Тверскому Комитету разъяснить тов. Л. М. его ошибку.

Помимо всего этого, нехорошо то, что тов. Л. М. въ своемъ отвѣтѣ Тверскому Комитету подмѣняетъ его мысли другими, которыя Т. К. вовсе не высказывалъ. Онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ Т. К., высказываясь за свободный обмѣнъ мнѣній въ Партіи, могъ протестовать противъ опубликованія брошюры тов. Троцкаго. Т. К. вовсе не протестовалъ противъ *опубликованія* брошюры: онъ протестовалъ противъ *злоупотребленія фирмой Партіи*. Подъ *своей* фирмой т. Троцкій имѣетъ право опубликовывать, что ему угодно, и тогда никакіе пріемы полемики въ брошюрѣ не вызвали бы протеста со стороны Тверского Комитета.

Въ виду всего изложеннаго, Тверской Комитетъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не получилъ *серьезнаго* отвѣта на свою резолюцію.

Тверской Комитетъ проситъ редакцію напечатать и эту резолюцію.

Тверской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

4 мая 1904 г.

---

[1]) „Брошюра“ Троцкаго и есть его докладъ Сибирскому Союзу, и вотъ почему я считалъ его вправѣ печатать этотъ докладъ подъ фирмой Партіи. Л. М.

[2]) „Новой“ редакція „Искры“ стала только съ № 53.

Резолюція собранія организаторовъ Сормовскаго завода. „Обсуждая вопросъ о партійной дисциплинѣ и о подчиненіи меньшинства большинству во всѣхъ вопросахъ, мы пришли къ слѣдующему глубокому убѣжденію: что въ интересахъ партіи необходимо безусловное подчиненіе меньшинства большинству во всѣхъ рѣшеніяхъ, и всякую попытку меньшинства противодѣйствовать проведенію этихъ рѣшеній въ практической дѣятельности или отказъ отъ работы мы считаемъ дезорганизаторской работой и порицаемъ ее, а таковыхъ работниковъ считаемъ дезорганизаторами и анархистами, вредными для партійнаго единства. Но для выясненія возникающихъ въ Партіи разногласій мы признаемъ необходимой свободу идейной борьбы съ тѣмъ, чтобы эта борьба не вызывала дезорганизаціи или уклоненія отъ работы со стороны меньшинства и недовольныхъ элементовъ. Просимъ помѣстить эту резолюцію въ печати“.

Письмо въ „Искру“.

Прочитавъ въ № 184 „Послѣднихъ Извѣстій“ „Письмо въ редакцію“, а затѣмъ въ № 68 „Искры“ замѣтку „Можетъ ли это быть?“, я нахожу необходимымъ заявить слѣдующее:

Товарищъ-бундовецъ, вынося, — какъ онъ выражается, — „этотъ грязный поступокъ въ печать“ съ благимъ намѣреніемъ оповѣстить товарищей о жестокосердіи и преступности Иркутскаго Комитета, позабылъ, однако, объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ не слѣдовало бы ему забывать. По его письму можно заключить, что, *надѣясь* на помощь Ирк. Ком. и *нежданно* получивъ отказъ, онъ этимъ чуть было не былъ преданъ въ руки полиціи.

Это не совсѣмъ такъ. Отказъ въ помощи не былъ неожиданностью для тов. бундовца. Прежде, чѣмъ бѣжать, онъ благоразумно посовѣтовался съ однимъ изъ ссыльныхъ своей колоніи, близко стоявшимъ къ Ирк. Ком. Этотъ товарищъ совершенно ясно и опредѣленно предупредилъ его, что помощи отъ Ирк. Ком. въ данное время ожидать нельзя, ибо, благодаря наплыву массы бѣгущихъ, не только *всѣмъ*, но и тѣмъ немногимъ лицамъ, которые указаны ему центральными учрежденіями, онъ не всегда въ состояніи помочь. Къ тому же времени, когда тов. бундовецъ предпринялъ свой побѣгъ, Ирк. Ком. терпѣлъ одинъ уронъ за другимъ отъ жандармскаго нашествія. Объ этомъ также тов. бундовецъ былъ предупрежденъ своимъ собесѣдникомъ. Ему было объяснено, что черезъ г. Иркутскъ за послѣднее время бѣжитъ такая масса народа, что не только бундовцы, но и самые опредѣленные искровцы не получаютъ помощи, ибо силы Ирк. Ком. слишкомъ ограничены.

Не входя въ такія разсужденія, нѣкоторые обыватели, „широко“ смотрящіе на вещи, а за ними с.-р-ы, давнымъ-давно уже обвиняли Ирк. Ком. въ „узости“ и „безсердечности“. Причина этому та, что Комитетъ сталъ *устраивать побѣги* лишь тѣмъ, кого указывалъ ему центръ, т. е., естественно, лишь членамъ Партіи, и то въ очень ограниченномъ числѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ (очень нерѣдкихъ), когда онъ *не могъ оказать помощи* неожиданно прибывающимъ бѣглецамъ, тѣ же самыя лица стали утверждать, что *и помогаетъ* онъ лишь только искровцамъ. То же самое повторилъ и тов. бундовецъ, котораго, однако, не должны были ввести въ заблужденіе рѣчи посредниковъ (очень хорошо мнѣ извѣстныхъ и не имѣющихъ почти никакого касанія къ организаціи), т. к. онъ слышалъ разъясненіе отъ товарища, близко стоявшаго къ Иркутской организаціи.

Организація, которая *должна* исполнять свои боевыя обязанности, на территоріи которой разыгрались военныя дѣйствія, черезъ которую бѣгутъ десятки лицъ, легко бросить обвиненіе въ „недостойномъ революціонеровъ образѣ дѣйствій“, но лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на дѣло очень просто, съ точки зрѣнія „широкаго“ и добросердечнаго обывателя.

—ленъ, бывшій членъ Иркутскаго Комитета.

P. S. Нѣкоторыя лица повторяютъ нелѣпый слухъ, что будто бы Ц. К. „приказалъ“ не помогать всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые имъ не указаны. Или еще того хуже: „запретилъ“ бѣжать всѣмъ тѣмъ, которые не получатъ отъ него разрѣшенія. Никогда *такого* нелѣпаго распоряженія Иркут. Ком. не получалъ. Это есть ничто иное, какъ одна изъ многочисленныхъ сплетенъ, пущенныхъ досужими людьми съ цѣлью дискредитировать центральныя учрежденія. —ленъ. Іюль 1904 г.

Нѣчто о родствѣ Армянской Рабочей Организаціи съ Р. С.-Д. Р. П.

Заявленіе.

Въ № 3 „Вѣстника Бунда“ помѣщено (съ „сочувственнымъ кивкомъ“ бундовскаго органа) интересное письмо, авторы котораго, „бывшіе члены Бакинскаго Комитета, вступившіе въ Арм. Соц.-Дем. Раб. Орг.“, съ необыкновеннымъ усердіемъ стараются доказать, что и они не лыкомъ шиты, что работали они до поры до времени въ Бак. Ком., но благодаря *интригамъ* и *проискамъ* „Искры“, принуждены были выступить и броситься въ объятія Арм. Организаціи.

Въ своемъ необыкновенномъ усердіи гг. федералисты многое перезабыли, многое перепутали — и въ итогѣ получилось посланіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ этимологіи и синтаксиса, но находящееся въ прямомъ и странномъ противорѣчіи съ истиной, съ которой гг. „бывшіе члены“ состоятъ, вѣроятно, въ „федеративныхъ“ отношеніяхъ.

Возстановленію истины и посвящено наше заявленіе. Если ужъ говорить о „непосредственномъ участіи“ гг. федералистовъ въ Бакинскомъ Ком., то не безынтересно будетъ познакомиться съ обстоятельствами ихъ вступленія. Дѣло было послѣ протестовъ противъ *отнятія армянскихъ церковныхъ имуществъ* — въ моментъ напряженія всѣхъ силъ организаціи. 1903 г. вообще ознаменовался въ Баку рядомъ революціонныхъ событій. Демонстраціи 2 марта, 27 апрѣля и всеобщая іюльская забастовка вырвали изъ организаціи много работниковъ. Чувствовался недостатокъ въ людяхъ и особенно въ армянахъ. Послѣднее чувствовалось всегда, но въ этотъ моментъ съ особенной силой, такъ какъ отнятіе церковныхъ имуществъ вызвало броженіе среди армянъ и Комитетъ могъ использовать этотъ моментъ для широкой соц.-дем. агитаціи. А комитетъ располагалъ тогда только однимъ армяниномъ. Нужно было больше, возможно больше, несравненно больше. Въ этотъ моментъ двое армянъ предлагаютъ свои услуги. Казалось, не могло быть и рѣчи объ отказѣ. Однако, на засѣданіи Комитета были заявлены протесты. Сомнѣвались въ соціальдемократичности кандидатовъ, въ ихъ партійной опредѣленности. Слѣдовательно, даже въ моментъ вступленія въ Комитетъ существовали сомнѣнія относительно нынѣшнихъ федералистовъ, и напрасно нѣкій Антарамъ (въ письмѣ въ томъ же № „Вѣст. Бунда“), приводя слова корреспонденціи въ 56 № „Искры“ о томъ, что изъ Комитета къ Армянской Организаціи „перебѣжала пара сомнительныхъ соц.-дем.“, ставитъ послѣ нихъ пару патетическихъ восклицательныхъ знаковъ. И приняты они были только, благодаря неотложной нуждѣ въ армянахъ, о которой мы говорили выше. Мотивировка сомнѣвающихся была такая: съ возникновенія движенія въ Баку оба не принимали рѣшительно никакого участія, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ чуть ли не съ зарожденія соц.-дем. работы былъ въ Баку. (Указывалось и на то, что оба прежде были націоналистами, и неизвѣстно, вывѣтрилась ли изъ нихъ націоналистическая закваска. Теперь — это ужъ извѣстно).

Кромѣ того, одинъ изъ нихъ принималъ участіе въ „Стачечномъ Комитетѣ“. Это еще болѣе подтверждало его сомнительность. Интересно, что образованіе „Стачечнаго Комитета“ тоже объясняется „принципами“. Вотъ что говорятъ объ этомъ „бывшіе члены“: образованіе въ Баку „Стачеч. Ком.“ — результатъ антагонизма между „искровцами“ и сторонниками Кавказскаго Союза“. Полно, господа! Такъ ли это? Вѣрите ли Вы сами тому, что говорите? Или Вамъ „удобнѣе“ припрятать истину за фиговый листочекъ „принципа“? Вѣдь, одинъ изъ Васъ былъ же членомъ Стачечнаго Комитета, знаетъ онъ, что было причиной его образованія! Знаетъ же онъ, что только выходъ изъ Бак. Ком. одного изъ его членовъ, создалъ этотъ пресловутый Стачеч. Ком., въ которомъ трогательно объединились: одинъ нынѣшній федералистъ, одинъ выступившій изъ Бак. Ком. и одинъ, противъ пріема котораго въ Ком. раньше такъ горячо протестовалъ этотъ выступившій членъ Ком. Просуществовалъ этотъ комитетъ ровно дней десять и ознаменовалъ своей печальной памяти существованіе выпускомъ пары листковъ, наводившихъ улыбку на всякаго, мало мальски дѣльнаго читателя, да нѣсколькими рабочими собраніями съ сильнымъ экономическимъ оттѣнкомъ. И все... Стачеч. Ком. канулъ въ вѣчность и больше оттуда не возвращался. А вѣдь, если бы онъ имѣлъ какуюнибудь самостоятельную принципіальную физіономію, то развился бы же онъ и послѣ стачки въ какую нибудь организацію? Или борьба съ „искровцами“ была только во время стачки? Да и тогда Кавказ. Союзъ, проектъ программы котораго якобы защищалъ Стачеч. Ком., призналъ бы его, какъ организацію, наиболѣе послѣдовательно выражающую тенденціи Союза, а Бак. Ком. выразилъ хотя бы порицаніе за его отклоненіе отъ союзовской политики. Ничего подобнаго не было. Вся эта исторія отъ начала до конца самымъ примитивнымъ образомъ вымышлена.

О какой борьбѣ Союза съ „искровцами“ говорятъ наши „бывшіе члены“, мы при всемъ нашемъ желаніи понять не можемъ.

Вѣдь, и Союзъ былъ „искровскій“. Что же, противъ самого себя боролся Союзъ, или „бывшіе члены“ говорятъ о какомъ-то другомъ, намъ неизвѣстномъ Союзѣ и „искровцахъ“[1])? Не разберешь „федералистовъ“, когда они даже къ фактамъ относятся „независимо“, „федеративно“. „... Выходъ въ свѣтъ этого номера (2 № „Борьбы Пролетаріата“) ознаменовалъ собою начало борьбы между Союзомъ и Комитетомъ съ одной стороны и такъ называемыми „искровцами“ — съ другой. Кончилось тѣмъ, что „искровцы“, привыкшіе (по крайней мѣрѣ у насъ) только къ кабинетной работѣ, вдали отъ рабочихъ массъ, примирились съ дѣятельностью комитетовъ Кавказ. Союза и ограничились литературной работой“.

Комитеты и Союзъ, слѣдовательно, не „искровскіе“, а какіе-то другіе, неизвѣстнаго направленія, о которомъ никому кромѣ гг. „федералистовъ“, ничего не извѣстно.

„Искровцы“ же витали повидимому, гдѣ то въ пространствѣ. Какъ же они боролись? И какъ же всѣ комитеты Кавказскаго Союза (не „такъ называемые искровцы“, по терминологіи гг. „бывшихъ членовъ“) выразили вдругъ, по какой то странной непослѣдовательности довѣріе Организ. Ком., „такъ называемое искровство“ котораго не подлежало сомнѣнію?!

Нарисовавъ страшную картину мнимаго „поворота“ кавказскихъ делегатовъ на партійномъ съѣздѣ (причина — все таже: презрѣнная „искровская бацила“,) гг. федералисты авторитетно, съ какой-то смѣшной, дѣтской безапелляціонностью и наивной увѣренностью въ „неотразимости“ своихъ доводовъ, изрекаютъ: „... представители Кавказа далеко не стояли на высотѣ возложенной на нихъ задачи“.

Съ чьей точки зрѣнія, гг. „бывшіе члены?“

Дѣйствительно, съ точки зрѣнія людей, которые сегодня работаютъ въ „туманномъ“ Стачеч. Ком., завтра въ „искровскомъ“ Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П., послѣзавтра отрицаютъ его „искровство“ и дѣлаютъ вылазки противъ „искровцевъ“ вообще и затѣмъ бросаютъ свои таланты къ ногамъ національной соц.-дем., дѣйствительно, говоримъ мы, съ точки зрѣнія безпринципности и революціонной расплывчатости — твердая и послѣдовательная защита опредѣленныхъ принциповъ кажется „невыполненіемъ возложенной задачи“.

И кѣмъ возложенной? Вѣдь не *Вами же*, которые не имѣли ровно ничего общаго съ соц.-дем. работой на Кавказѣ въ моментъ созыва съѣзда и, слѣдовательно, не участвовавшими ни въ выборѣ делегатовъ на съѣздъ ни въ опредѣленіи возлагаемыхъ на нихъ „задачъ“[1]).

Покончивъ съ „раздѣлкой“ кавказскихъ делегатовъ, федералисты далѣе заявляютъ: „Мы были удручены выходомъ Бунда изъ партіи“.

Кто же не былъ удрученъ? Удручены были всѣ (и никто этого въ заслугу себѣ не ставилъ), но одни видѣли въ этомъ печальную для партіи необходимость, *явившуюся* вмѣстѣ съ „новымъ курсомъ“ бундовской политики, другіе же усмотрѣли въ этомъ „искровскую“ интригу, „уродливый централизмъ“ и прочіе „жупелы“. И ужъ само собой понятно, что федералисты заявляютъ: „... наши симпатіи были всецѣло на сторонѣ Бунда“. Еще бы! Но вернемся къ фактамъ. „Федералисты“ говорятъ, что они выступили изъ Бак. Ком. *и потомъ начали* пропаганду, агитацію и т. д. Это неправда. Вы затѣяли свою Армянскую организацію, еще состоя членами Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П., Вы, *безъ вѣдома Ком.*, устраивали рабочія собранія, гдѣ развивали свои „новыя слова“ — идею національной соц.-дем.

Еще одинъ фактъ — и мы распрощаемся съ „бывшими“ людьми, то бишь, „бывшими *членами*“ и *нынѣшними* бундовцами армянскаго толка.

Въ томъ же № „Вѣстника Бунда“ одинъ изъ видныхъ дѣятелей и активныхъ руководителей новой организаціи въ письмѣ своемъ къ нѣкоему Антараму говоритъ: „тогда какъ эти послѣдніе (т. е. соціальдемократы, зараженные искровской бацилой) никогда не выступали противъ націоналистическихъ партій, мы первые начали борьбу противъ нихъ“..., мало этого, они (націоналисты) болѣе сочувственно(!?) стали относиться къ Рос. Партіи, которая ихъ не трогала“. Гдѣ Вы были тогда, „видный руководитель и активный дѣятель“, когда нами велась постоянная агитація, письменная и устная, на рабочихъ собраніяхъ и въ кружкахъ? Слѣдовательно, не Вы „первые“ выступили противъ націоналистическихъ партій. Слѣдовательно, „трогала“ ихъ Россійская Партія, или Вы тогда находились подъ сѣнью „чистаго“ національзма, еще не прикрашеннаго розоватымъ оттѣнкомъ Вашего „національнаго“ соціализма и ничего этого не знали. Мораль: не говорите о томъ, чего не знаете.

Но довольно.

Мы извлекли и вскрыли нѣсколько фактовъ, которыми новорожденная армянская организація „наводитъ тѣнь принципіальности на свое появленіе.“

Попытка, какъ видимъ, неудачная.

Дѣло не въ этомъ.

Причина *появленія* Армян. Орг., по нашему мнѣнію, лежитъ гораздо глубже. „Бывшіе члены“ сами въ концѣ своего письма намекаютъ о связи появленія Армян. Органиг. съ моментомъ широкаго политическаго броженія среди армянъ. Дѣйствительно, отнятіе церковныхъ имуществъ возбудило среди армянскаго общества сильное недовольство противъ русскаго самодержавія. Даже націоналисты выдвинули свой Ц. К. самообороны, впервые среди націоналистовъ провозгласившіи: „долой русское самодержавіе“. Это былъ моментъ *національнаго* протеста — и появленіе Армян. Орг., совпавшее съ *этимъ* броженіемъ, указываетъ на связь его съ нимъ, указываетъ на то, что не *классовые* интересы армянскаго *пролетаріата*, а *національные* интересы армянскаго *народа* выдвинули Армянскую Организацію.

И никакой связи соц.-дем. движенія на Кавказѣ съ появленіемъ Армян. Органиг. не существуетъ, если не считать, что широкая циркуляція соц.-дем. идеи на Кавказѣ заставила лѣвое крыло армянской національной оппозиціи выступить подъ знаменемъ пролетаріата, да еще то, что два теперешнихъ члена Армян. Организаціи были полтора мѣсяца членами Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Отсюда до „родства“ еще очень далеко.

Бывшіе члены Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: Ринальдо, Л—на, В—а[2])
и бывшій членъ бакинской организаціи Р. С.-Д. Р. П. — Нольристъ.

---

[1]) Маленькая истина. Къ свѣдѣнію „бывшихъ членовъ“: „искровцами“ *назывались* не только тѣ, которые работали въ самой редакціи „Искры“ или ея практической группѣ въ Россіи.

[1]) Отбросимъ даже на время „федералистовъ“, „возлагавшихъ задачи“ гдѣ-то за кулисами кавказской соц.-дем., и посмотримъ, дѣйствительно ли задачи, возлагаемыя Кав. С. на своихъ делегатовъ, не были ими оправданы. „Федералисты“ раньше нарисовали картину борьбы Кавказ. Союза съ „искровцами“ изъ-за „гвоздя“ проекта программы Кавказ. С. — федераціи. „Федералисты“ такъ недовольны кавказскими делегатами именно изъ-за этой самой федераціи. Союзъ же, который, по версіи гг. „бывшихъ членовъ“, съ ними вмѣстѣ боролся противъ „искровцевъ“, этотъ самый Союзъ оказывается гораздо „хладнокровнѣе“ по вопросу объ этомъ самомъ „гвоздѣ“. Во-первыхъ, проектъ программы есть только проектъ программы. Понятіе же *проекта* исключаетъ понятіе *требованія*. Мы принуждены были сказать эту азбучную истину, такъ какъ въ пониманіи гг. „бывшихъ членовъ“ эти понятія сливаются, и это даетъ имъ „поводъ“ (3) лишній разъ „лягнуть“ кавказскихъ делегатовъ, которые „игнорировали требованія, выставленныя кав. соц.-дем.“ Ясно, что здѣсь вопросъ идетъ все о той же федераціи, которая спать не даетъ гг. федералистамъ. Повторяемъ, что К. С. и его комитеты не придавали такого значенія пункту о федераціи, выставленному въ *проектѣ* ихъ программы. Это видно, во первыхъ, изъ того, что въ подборѣ делегаціи не было стремленія создать изъ нихъ группу сговорившихся и столковавшихся людей, которые могли бы неуклонно проводить на съѣздѣ „требованіе кав. соц.-дем. федераціи“. Объ этомъ съ понятнымъ сокрушеніемъ говорятъ наши „бывшіе члены“: „... на третьяго (делегата) въ этомъ *отношеніи (въ отношеніи его федералистичности) надежды было мало*“. Во-вторыхъ, изъ того, что не было стремленія связать неоднородный составъ делегаціи императивными мандатами — объ этомъ даже и рѣчи не было. И въ-третьихъ, изъ того, что послѣ докладовъ своихъ делегатовъ о съѣздѣ, гдѣ было высказано абсолютно отрицательное отношеніе къ федераціи Кавказ. Союза, и его комитеты *выразили одобреніе поведенію своихъ делегатовъ на съѣздѣ*. Надо замѣтить, что составъ К. С. совершенно не мѣнялся, а составъ его комитетовъ — въ очень незначительной степени. Слѣдовательно, всѣ эти ужасы — перлы убогаго „творчества“ гг. „федералистовъ“...

[2]) Товарищъ В—а во время всеобщей іюльской забастовки (слѣдовательно, и во время существованія Стачечнаго Комитета) не принималъ никакого участія въ работѣ.

Въ редакцію „Искры“.

Варшава, іюнь 1904 г.

Уважаемые товарищи!

Въ виду того, что въ послѣднее время соціальнаціоналисты изъ Польской Соціалистической Партіи, теряя все болѣе и болѣе почву въ рабочихъ массахъ, пытаются учитывать въ свою пользу всѣ проявленія самосознанія польскаго пролетаріата, не имѣя же доступа въ русскую соціалистическую печать, подвизаются на страницахъ либеральнаго „Освобожденія“, просимъ Васъ не отказать въ напечатаніи на столбцахъ „Искры“ нижеслѣдующаго разъясненія, касающагося послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ:

Единственной демонстраціей, которую П. П. С. имѣетъ основаніе приписывать себѣ, была демонстрація на Черняковской улицѣ ... марта, когда группы рабочихъ послѣ выхода изъ фабрикъ прошли нѣсколько кварталовъ и разсѣялись, не доходя до центра города.

Что же касается всѣхъ послѣдующихъ революціонныхъ событій, то П. П. С. не принимала въ нихъ ровно никакого участія. Итакъ, единственная демонстрація на Кармелитской улицѣ устроена была самопроизвольно гуляющими рабочими, главнымъ образомъ изъ „Пролетаріата“ и „Соціальдемократіи Царства П. и Л.“ Никакихъ возгласовъ „въ духѣ П. П. С.“ не было, да и быть не могло; инціатива соціалистической демонстраціи на похоронахъ тов. Биренцвайга принадлежитъ членамъ нашей организаціи, при незначительномъ участіи товарищей изъ Бунда; майская демонстрація на ул. Маршалковской, Банковой площади, Электоральной и Бѣлой организована была по предварительно-принятому общему плану — „Пролетаріатомъ“, „Бундомъ“ и „Соціаль-Демократіей Ц. П. и Л.“ (Демонстрація П. П. С. въ Уяздовскихъ Аллеяхъ, какъ извѣстно, не состоялась); въ демонстраціяхъ около слѣдственной тюрьмы — Павіака, участвовали рабочіе трехъ упомянутыхъ фракцій; наконецъ, послѣдніе уличныя манифестаціи — соціальдемократовъ на Электоральной ул., пролетаріатцевъ въ Саксонскомъ саду — свидѣтельствуютъ, что чисто-соціалистическое теченіе въ настоящее время получило безспорный перевѣсъ.

Къ не менѣе важнымъ проявленіямъ дѣятельности организованнаго рабочаго класса въ Польшѣ относится еще и стачка шести тысячъ каменщиковъ, подъ руководствомъ нашего Комитета, окончившаяся значительнымъ успѣхомъ (сокращеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы, уничтоженіе поштучной работы и т. п.).

Шлемъ искренній товарищескій привѣтъ.

Варшавскій Комитетъ Польской Соціалистической
Партіи „Пролетаріатъ“.

Къ свѣдѣнію читателей. Послѣднія событія въ жизни Партіи вызвали громадную литературу статей, заявленій и резолюцій, направляемыхъ въ Ц. О. Считая желательнымъ, въ интересахъ всесторонняго выясненія положенія дѣлъ и позицій разныхъ сторонъ, публикованіе всѣхъ такихъ произведеній, представляющихъ хотя бы нѣкоторый интересъ, редакція Ц. О., однако, связана извѣстными обстоятельствами, находящимися внѣ ея воздѣйствія и позволяющими ей удѣлять лишь опредѣленное, хотя и очень широкое мѣсто вопросамъ внутренней жизни Партіи (отъ 2 до 4 стр. „приложенія“ къ каждому №). Въ настоящее время соотвѣтствующая литература уже превышаетъ эту норму, причемъ каждое почти произведеніе этого рода сопровождается просьбой или требованіемъ о помѣщеніи въ „ближайшемъ №“. Во избѣжаніе возможныхъ нареканій, редакція рѣшила отдавать въ печать статьи и заявленія даннаго отдѣла въ порядкѣ ихъ поступленія; отступленія отъ этого порядка допускаемы будутъ лишь въ случаѣ особой неотложности помѣщенія какого либо произведенія.

Само собой разумѣется, что редакція всегда оставляетъ за собой право отказаться отъ помѣщенія статей или заявленій, не представляющихъ, на ея взглядъ, никакого самостоятельнаго интереса.

Съ 1 іюня по 1 іюля экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. получены слѣдующія суммы: 1) отъ Фр. группы содѣйствія Партіи за литературу — 28 фр. 30 сант.; 2) еще отъ Фр. гр. сод. Партіи — 150 фр.; 3) отъ Женевской гр. сод. П. — 145 фр.; 4) отъ Гейдельбергской гр. сод. П. — 128 фр. 60 с.; 5) отъ Бернской гр. сод. Пар. (на изданіе книжки Бельтова) — 100 фр.; 6) отъ Фрейбергской (Саксонской) гр. сод. Пар.: а) за литер. 23 фр. 60 с., б) съ концерта 42 фр. 45 с., в) съ рефератовъ 26 фр. 65 с., а всего отъ Фрейбб. гр. сод. Пар. — 92 фр. 70 с.; 7) отъ Лейпцигской гр. сод. Пар.: а) на библіотеку при Ц. К. 2 фр. 69 с., б) за литер. 271 фр. 55 с., в) отъ разныхъ лицъ для Ц. К. 226 фр. 95 сант., г) по подписнымъ листамъ „на майскую лит.“ 62 фр. 75 с., д) въ пользу якутянъ: 1. „черезъ посторонняго“ изъ Г. 42 фр. 45 с., 2. собрано на трехъ собраніяхъ 22 фр. 20 с., е) въ коммиссію по изданію соц.-дем. парт. литер. на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ 24 фр. 60 с., А всего отъ Лейпц. гр. сод. П. — (530 м.) 653 фр. 19 с.; 8) отъ администраціи Загр. Лиги Рус. Рев. С.-дем. за лит. — 1000 фр.; 9) отъ редакціи Ц. О. за лит. — 200 фр.; 10) отъ подписчиковъ на „Искру“ — 53 фр. 60 с.; 11) отъ подписчиковъ на „Разсвѣтъ“ — 20 фр. 10 с.; 12) отъ книжныхъ магазиновъ за лит. 268 фр. 13 с.; 13) отъ продажи лит. изъ экспедиціи по мелочамъ — 380 фр. 70 с.; 14) отъ грузино-армянской коммиссіи — 161 фр.; 15) изъ Бреслау въ пользу кассы политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ — 6 фр. 15 с.; 16) въ пользу якутянъ отъ Н. К. С. — 24 фр. 60 с.; 17) для якутянъ изъ Лондона — 12 фр. 60 с.; 18) отъ Ц. К. 1460 фр. 20 с.; 19) изъ Астрахани — 98 фр. 60 с.; 20) пожертвованіе на библ. при Ц. К. — 9 фр. 10 с.; 21) отъ австрійскихъ товарищей, соц.-дем. изъ Leoben'а на библіотеку при Ц. К. — 20 фр. 95 с.; 22) отъ „товарища“ на библ. при Ц. К. — 500 фр.; 23) отъ Пети съ „спеціальной цѣлью — (600 мар.) 738 фр. 30 с.; 24) отъ Б. въ долгъ — 65 фр.; 15) отъ М. въ долгъ — 100 фр.; 26) отъ М. Н. въ долгъ — 50 фр.; 27) отъ Ф. Ф. въ долгъ — 25 фр.; 28) отъ Б. Н. въ долгъ — 45 фр.; 29) отъ Н. въ долгъ — 26 фр.; 30) отданъ долгъ отъ Л. 15 фр.; 31) отъ тов. М. для Ц. К. 50 фр.; 32) отъ „молодыхъ товарищей на организаціонныя нужды“ — 130 фр.; 33) изъ Леобена отъ Л. — 16 фр. 75 с. *А всего съ 1 іюня по 1 іюля* въ экспедицію Р. С.-Д. Р. П. *поступило 6774 фр. 57 сант.* Наличность въ кассѣ по 1 іюля *211 фр. 92 с.*

Отчетъ Вѣнской Эмигрантской Кассы отъ 11 февраля 1904 года (открытіе ея) до 30 іюня 1904 г.

ПРИХОДЪ: Членскіе взносы (включительно со 100 кр., внесенными впередъ за второе полугодіе 1904) — 406.30 кр.; изъ редакціи „Освобожденія“ — 58.70 кр.; отъ студенческаго ферейна — 20 кр.; единовременно пожертвовано: отъ двухъ рѣкоплавателей (по 20 кр.) — 40 кр., отъ Х. — 19 кр., отъ Г—р—и — 1 кр., черезъ Р. Т. — 4 кр.; собрано по книжкамъ — 9.60 кр.; по подписному листу — 14 кр.; спеціально пожертвовано въ пользу якутянъ: отъ Н. 100 кр., Dr. L. M. H—п 10 кр., черезъ Л—на 14.90, а всего — 124.90 кр.; получено обратно отъ двухъ эмигрантовъ — 44 кр. *Итогъ приходъ* — 741.50 кр.

РАСХОДЪ: Выдано кассой 14 эмигрантамъ (9 соц.-дем., 2 с.-рев., 2 бунд. и 1 ?) — 335 кр.; заимообразно выдано двумъ эмигранткамъ (бунд.) — 110 кр.; заимообразно выдано кассѣ взаимопомощи — 20 кр.; въ Сибирскую Кассу отправлено 60 кр.; якутянамъ отправлено черезъ Лигу (въ счетъ будущаго спеціальнаго сбора) — 100 кр.; якутянамъ отправлено черезъ Лигу (по спеціальному назначенію) — 100 кр.; одному славянскому с.-д. ферейну въ счетъ расходовъ по отправкѣ арест. эмигранта въ Швейцарію — 30 кр.; мелкіе расходы — 7.60 кр. *Итого расходъ* 802.60 кр. *Дефицитъ* къ 1 іюля 1904 61.10 кр.

Касса обращается ко всѣмъ сочувствующимъ съ просьбой о содѣйствіи. Пожертвованія и справки по адр. ред. „Искры“.

Секретарь Кассы.

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.